Алан Бринкли

КЕННЕДИ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Джон Фицджеральд Кеннеди является одним из самых ярких символов XX века. Самый молодой из когда-либо избранных президентов страны, первый президент-католик, невероятно харизматичный, казалось, что Кеннеди олицетворял собой начало новой эпохи в истории США и, хотя он успел совсем немного, та эпоха, о которой мечтал он и его сторонники, наступила вскоре после его смерти. Можно смело сказать, что многие демократические преобразования, в корне изменившие Америку в 60-е и 70-е годы прошлого столетия, пропитаны тем духом, который удалось создать в стране Джону Фицджеральду Кеннеди, и были бы скорей невозможны, не стань он президентом.

- Алан Бринкли
  - ○
  - ○
  - ○ От редактора Институт президентства в США
  - ○ Введение
  - ○ Глава 1 Ирландский принц
  - ○ Глава 2 Начинающий политик
  - ○ Глава 3 Великая цель
  - ○ Глава 4 Опасности «Новых рубежей»
  - ○ Глава 5 «Гибкое реагирование»
  - ○ Глава 6 Свобода
  - ○ Глава 7 Новый виток Холодной войны
  - ○ Глава 8 Трясина
  - ○ Глава 9 Жизнь после смерти
  - ○ Основные вехи жизни Джона Кеннеди
  - ○ Избранная библиография
  - ○ Благодарность
  - ○ Об авторе
  - ○ Примечания

Алан Бринкли
Джон Фицджеральд Кеннеди

John F. Kennedy: The American Presidents Series: The 35th President, 1961-1963
by Alan Brinkley
Из серии «Американские президенты»
Перевод: Наталия Дорошенко

Уильяму Лейхтенбергу с благодарностью за дружбу и за все, чему я у него научился

От редактора Институт президентства в США

В политическом устройстве Америки президент играет главную роль. Может показаться, что такой порядок вещей идет вразрез с намерениями творцов конституции США. Не желая повторять негативный опыт Британской монархии, они выдвинули принцип разделения властей, чтобы, как заметил позже судья Верховного суда США Луис Дембиц Брэндейс, «предотвратить злоупотребление властью». Соответственно, государственное управление было разделено между тремя ветвями власти — исполнительной, законодательной и судебной, которые должны были иметь равные права и действовать согласованно.

Но системе, основанной на разделении власти на три ветви, изначально присущи тяготение к косности и к возникновению тупиковых ситуаций. Для того чтобы система функционировала нормально, необходимо, чтобы одна из ветвей брала на себя инициативу. А на это — в силу своей структуры — способна только исполнительная власть. По-видимому, отцы-основатели США понимали это, когда согласились с утверждением Александра Гамильтона, высказанным в семидесятой статье сборника «Записки федералиста», что «дееспособность президента — главная черта, которая характеризует хорошее правительство». Таким образом, они предусмотрели существование сильного президента — но исключительно при столь же сильной и действенной системе ответственности перед народом в рамках конституции. (Появившийся в 1970-х годах термин «имперское президентство» описывает ситуацию, в которой баланс между президентской властью и представительными органами, предусмотренный Конституцией, нарушается в пользу власти исполнительной.) Итак, американская система самоуправления прежде всего находит свое воплощение в институте президентства, который, по словам Вудро Вильсона, и есть «движущей силой системы». Выдающийся американский историк Генри Адамс, сам правнук и внук президентов, сказал, что американский президент «напоминает капитана корабля на море. Он должен крепко держать штурвал, вести судно по курсу и иметь четкую цель — свой порт назначения». Все мужчины, побывавшие в Белом доме (до сих пор, увы, только мужчины), выбирая свой курс, определяли историческую судьбу американского народа.

* * *

Биографии президентов непринужденным способом знакомят нас с историей Америки, представляя прошлое человечнее, ярче, доступнее, делая его более близким нам, сегодняшним. Эти биографии напоминают нам, что президенты отнюдь не супермены. Они такие же люди, как и все остальные. Как все, они, принимая решения, сомневаются, как все — заботятся о своих женах и детях, стараются повсюду поспеть, разрываясь между работой и семьей. Прав был Ральф Уолдо Эмерсон: «Никакой истории, по сути, нет — есть только биография».

Биографии президентов могут нас вдохновлять, а могут служить и предостережением. Не все их поступки служат примером для подражания. Народ, как утверждает Верховный суд США, «не может рассчитывать на то, что у власти всегда будут мудрые и гуманные правители, искренне преданные принципам Конституции. Место, которое когда-то занимали Вашингтон и Линкольн, может занять человек безнравственный и властолюбивый, ненавидящий свободу и не уважающий закон».

Люди, которые попали в Белый дом, выражают идеалы и ценности, слабости и недостатки своих избирателей. И вполне понятно, что мы хотим знать больше о добродетелях и пороках тех, кому доверили управлять нами. Чем больше мы будем знать о них, тем лучше познаем себя. Ибо, как говорил французский философ и политик Жозеф де Местр: «Каждый народ имеет такое правительство, какого заслуживает».

К началу двадцать первого века хозяевами Овального кабинета побывали сорок два человека. (Джордж Буш-младший считается сорок третьим президентом, потому что Гровера Кливленда, занимавшего пост президента два срока, но с перерывом, учитывают дважды). Во всех опросах общественного мнения, периодически проводящихся историками и политологами, список президентов неизменно возглавляют одни и те же люди — десяток-полтора имен. Что же делает президента великим?

Выдающиеся американские президенты наделены — или одержимы — видением идеальной Америки. Когда они становятся у штурвала, их главное стремление — держать правильный курс к порту назначения, к намеченной ими цели. Великие президенты всегда ощущают глубокую внутреннюю связь с гражданами своей страны, они понимают нужды, тревоги и чаяния своего народа. «Я не верю, — говорил Вудро Вильсон, — что человек способен управлять страной, не испытывая глубокой симпатии к тем, кем он управляет, а значит, сопереживая им —

сердцем, а не рассудком».

«Все наши великие президенты, — отмечал Франклин Делано Рузвельт — становились идейными лидерами в те исторические моменты, когда нация находилась на распутье и нуждалась в новых идеях». Так, Вашингтон воплотил в жизнь идею федеративного государства, Джефферсон и Джексон — идею демократии, Линкольн — идею единения страны и свободы для всех, Кливленд — идею бескомпромиссной честности. А Теодор Рузвельт и Вудро Вильсон, считал Франклин Рузвельт, являли собой примеры «нравственных лидеров нации, которые — каждый по-своему и в свое время — использовали Белый дом как трибуну проповедника».

Чтобы успешно выполнить свою миссию, президенты должны не только вести корабль в порт назначения, но еще и убедить Конгресс и избирателей, что выбор пункта следования был правильным. Политика в условиях демократии, в конечном счете, представляет собой воспитательно-просветительский процесс, и успех ее зависит от умения убеждать и умения достигать согласия. По сути, каждый президент стоит на упомянутой Рузвельтом высокой трибуне.

Президенты, которые в рейтингах историков и политологов называются великими, — Вашингтон, Линкольн и Франклин Рузвельт — были лидерами, преодолевшими самые масштабные кризисы в истории страны. Безусловно, во время кризиса у президента возникают более широкие возможности для смелых и нестандартных действий, но сама по себе критическая ситуация не создает великих лидеров. Так, угроза раскола страны не пробудила творческое лидерское начало в Бьюкенене, а кризис во время Великой депрессии — в Гувере. Их неспособность найти выход из кризиса позволила Линкольну и Франклину Рузвельту показать, насколько важна роль личности в истории. В то же время даже в относительно стабильные периоды сильный и решительный президент способен убедить страну в правильности своих приоритетов, как это делали Томас Джефферсон, Эндрю Джексон, Джеймс Полк, Теодор Рузвельт, Гарри Трумэн, Джон Кеннеди, Рональд Рейган, Джордж Буш-младший.

Об американских президентах можно рассказать множество захватывающих и драматических историй. Их биографии представляют собой хронику мудрости и безрассудства, благородства и мелочности, смелости и хитрости, прямоты и обмана, распрей и компромиссов. Безостановочный водоворот событий вокруг Белого дома отражает сущность американской демократии.

Серия «Американские президенты» задумана как широкая

панорама американской власти. По замыслу биографии должны быть изложены кратко для занятого читателя, понятно для студента и достоверно для ученого. В каждой книге серии рассказывается и о личности, и о карьере одного из президентов. Надеюсь, эти жизнеописания помогут читателю не только составить представление о трудностях, с которыми сталкивается президент, и его возможностях, но и лучше осознать гражданскую ответственность. Знаменитая табличка на рабочем столе Гарри Трумэна — «Фишка дальше не идет» [1] — лишь отчасти верна. Именно граждане несут окончательную ответственность за судьбу своей страны. На самом деле, «фишка» останавливается не на столе президента, а в кабине для голосования.

Артур М. Шлезингер-младший

Введение

Ежегодно более трехсот тысяч человек посещают, наверное, самое впечатляющее из многочисленных памятных мест и мемориалов Джона Фицджеральда Кеннеди — «Музей шестого этажа» [2] в Далласе. Он расположен в здании бывшего Техасского школьного книгохранилища, где 22 ноября 1963 года Ли Харви Освальд ожидал на появление президентского кортежа и откуда стрелял в президента. Музей необычен уже тем, что непосредственно связан с гибелью Кеннеди, хотя его экспозиция не ограничивается одной историей этого вероломного убийства. Но самый запоминающийся (и жуткий) момент при посещении музея — это момент, когда посетители поворачивают за угол коридора седьмого этажа — и перед ними внезапно открывается вид на Дили-плаза из окна, откуда Освальд произвел те роковые выстрелы. Помещение заставлено ящиками, точно так же, как это было в тот ноябрьский день.

Почти так же впечатляет и книга отзывов, в которой многие посетители музея, кроме собственных имен и названий городов и стран, откуда они приехали, оставили свои комментарии. Некоторые восхищенно пишут о Кеннеди: «Величайший из наших президентов», «Как нам его не хватает!», «Это величайший человек после Иисуса Христа». Не меньше и записей, в которых говорится о самом убийстве, о том, что нельзя верить выводам комиссии Уоррена и что правительство по-прежнему старается скрыть правду о заговоре против Кеннеди.

Прошло не одно десятилетие, но политическое наследие Джона Кеннеди и сегодня трудно переоценить. Может быть, в жизни он был не совсем таким, каким его представляют. Но за недолгое время своего президентства этот сдержанный и прагматичный человек стал в глазах человечества харизматическим лидером, который в жизни своей, и даже в смерти стал символом надежды и целеустремленности.

* * *

В годы пребывания Кеннеди в Белом доме я, тогда еще совсем мальчишка, жил в Вашингтоне, и был очарован этим человеком. Он был необычайно популярен. Каждая его пресс-конференция, каждое выступление, каждая поездка за рубеж привлекали сотни тысяч поклонников. Он был первым президентом, который меня заинтересовал: я с жадностью поглощал любую информацию о

нем в газетах, журналах и телепередачах. В 1961 году я стоял на Капитолийском холме, чтобы увидеть церемонию его инаугурации, а в 1963-м стоял в толпе на Пенсильвания-авеню, провожая траурный кортеж, медленно движущийся по направлению к ротонде Капитолия — и тут кто-то включил транзистор, и я услышал, что застрелили Ли Харви Освальда — его убийцу. Полная драматических событий жизнь и трагическая смерть Кеннеди оставили неизгладимый след в памяти миллионов людей не только моего поколения, но и тех, кто родился уже после его смерти.

Президентство Кеннеди с самого начала не было похоже на правление его предшественников. Необыкновенно популярного президента постоянно ассоциировали с такими понятиями, как *харизма, благородство, энергия, целеустремленность*. Он был молод, богат, красив, красноречив и остроумен. Он публиковал очерки и статьи; написал книгу, которая была удостоена Пулитцеровской премии. У него была красавица жена и очаровательные дети. С его появлением в Белом Доме Вашингтон словно ожил. «Столица, сонная и неподвижная в годы правления Эйзенхауэра, внезапно очнулась ото сна», — писал в 1965 году в воспоминаниях о Кеннеди Артур М. Шлезингер-младший. «Свежий ветер ворвался в затхлую и гнетущую атмосферу. Ощущалось радостное волнение: пришли новые люди с новыми идеями; вокруг них бурлила энергия, потому что у этих людей была возможность осуществить свои идеи на практике» [3].

* * *

Десять лет спустя оценки большинства историков были намного сдержаннее, так что по их оценке в рейтинге послевоенных президентов Кеннеди обычно оказывался где-то в середине списка. В 1970-х годах политолог Ричард Нейстадт — большой поклонник Кеннеди — писал: «…он останется всего лишь мерцающим огоньком, который будет казаться тусклым в свете успехов его преемников. Я не думаю, что Джон Кеннеди займет значительное место в истории» [4].

Имидж Кеннеди не всегда соответствовал действительности. Он славился энергией и жизненной силой, а между тем всю жизнь страдал от тяжелых болезней. Имея прекрасную семью, он скрывал свою почти патологическую сексуальную озабоченность. По его собственному признанию, первый год его президентства был просто катастрофическим. Не наладив близких контактов с Конгрессом и не имея эффективных рычагов влияния на него,

Кеннеди не мог добиться одобрения большей части своих законопроектов. Он долго отказывался принять реалии движения за гражданские права и проявлял консерватизм в толковании принципов кейнсианства. Многие его действия были реакцией на происходящее, а не частью собственной стратегии. Позволив втянуть себя в реализацию планов администрации своего предшественника Эйзенхауэра, он потерпел поражение в Заливе Свиней. Карибский кризис был вызван действиями советского лидера Никиты Хрущева, который считал американского президента слабой личностью. Как ни пытался Кеннеди этого избежать, реалии предыдущего десятилетия заставили его значительно усилить вмешательство США в гражданскую войну во Вьетнаме. Тот факт, что Кеннеди не был столь смелым политиком, каким хотел казаться, едва ли означал его слабость: часто самые смелые его решения оказывались самыми неудачными.

Просчеты президента почти не отражались на его политическом имидже. В трудных ситуациях выручало его ораторское искусство. Он обещал «вернуть страну на путь развития» и говорил о поисках «миссии американской нации». Он призывал американцев к жертвам во имя общего блага, и соотечественникам нравились эти призывы, хотя они и не очень спешили воплощать их. На протяжении почти всего его пребывания в Белом доме опросы общественного мнения показывали, что уровень доверия к президенту составлял 70 % и более.

Как и у большинства его коллег, у Кеннеди были хорошие и плохие времена, он знавал и победы и поражения. За свой неполный президентский срок ему пришлось столкнуться с многочисленными проблемами и критическими ситуациями: достаточно вспомнить Кубу, Лаос, Берлин, Вьетнам, а также Джорджию, Миссисипи и Алабаму. Проявляя находчивость, а иногда и отвагу, он сумел найти правильные решения в целом ряде кризисных моментов, но далеко не во всех. Едва ли можно назвать его великим президентом, но он, безусловно, многого добился. Благодаря его усилиям Холодная война стала менее опасной и более управляемой. Именно при нем был разработан исторический Билль о гражданских правах, направленный на широкую десегрегацию на Юге США и меры против дискриминации чернокожих граждан, заложены основы таких важнейших социальных программ, как «Борьба с бедностью» и «Медикэр», предусматривающая бесплатную медицинскую помощь для людей старшего возраста.

Ни один из этих законопроектов не стал законом при жизни

Кеннеди, но его гибель, по-видимому, ускорила их принятие. Удивительно, что Кеннеди, крайне сдержанный в проявлении эмоций человек, воспринимался многими как пылкий и идеалистически настроенный либерал. После его смерти Норман Мейлер сказал: «Какое-то время мы чувствовали, что это наша страна, но теперь она опять принадлежит им» [5]. Мейлер тут ошибался: при жизни Кеннеди никогда не был «нашим», как и не был «их». Только после смерти он действительно стал принадлежать всему человечеству.

Глава 1 Ирландский принц

Джон Фицджеральд Кеннеди родился в семье выходцев из Ирландии. Именно благодаря членам его семьи отношение к американцам ирландского происхождения навсегда изменилось. Многие поколения ирландских иммигрантов в Америке сталкивались с практически непреодолимыми препятствиями на пути к самореализации. До начала двадцатого столетия ирландцы в США большей частью жили в изолированных общинах и были весьма ограничены в выборе профессий. Дети посещали католические школы, а те, кто хотел заниматься политикой, баллотировались на выборные должности исключительно в округах с ирландским населением и боролись за голоса избирателей-ирландцев. За пределами своей национальной общины такие политики получали поддержку крайне редко. Но две семьи, которые, соединившись, дали стране ее первого президента-ирландца, стали своего рода первопроходцами.

Деду Джона Кеннеди по материнской линии, Джону Ф. Фицджеральду, удалось выйти за рамки, ограничивающие политические устремления ирландцев. Этот обаятельный, красноречивый и очень энергичный человек, который закончил Бостонский колледж, частный американский университет в городе Бостон, штат Массачусетс, и затем недолгое время учился на медицинском факультете Гарвардского университета, в 1894 году был избран в Конгресс США. Спустя 12 лет он стал первым мэром Бостона ирландского происхождения и занимал этот пост целых три срока, с 1906-го по 1914-й. Долгие годы он оставался одной из самых популярных политических фигур города. (Джон Фицджеральд дожил до того момента, когда его внука избрали в Конгресс, и предсказывал, что тот станет президентом.) Фицджеральд был женат на своей троюродной сестре Мэри Джозефине Хэннон, которая родила ему шестерых детей. Старшим ребенком была Роза Элизабет Фицджеральд, которая родилась в 1890 году [6].

Второй дед будущего президента, Патрик Дж. Кеннеди, в четырнадцать лет бросил учебу и пошел работать: большая семья едва сводила концы с концами. Несмотря на недостаток образования и тяжелое материальное положение семьи, Патрику Кеннеди удалось со временем накопить достаточно денег для покупки небольшой сети баров и закусочных. Позже он основал компанию, импортирующую алкогольные напитки, а вслед за этим стал совладельцем угольной компании и банка, что не только принесло ему финансовое благосостояние, но и сделало

заметной фигурой в ирландской общине. Его жена, Мэри Хики, дочь преуспевающего владельца бара, родила четверых детей. Одним из них был Джозеф Патрик «Джо» Кеннеди, появившийся на свет в 1888 году [7].

В замкнутом мирке преуспевающих ирландцев Новой Англии Роза Фицджеральд и Джозеф Кеннеди были фигурами незаурядными. Роза с юных лет выделялась среди сверстников, как дочь известного политика. Девочка училась в элитной католической школе и много путешествовала по Европе. К восемнадцати годам она отказалась от мечты участвовать в политической деятельности отца и поступить в Колледж Уэллсли, женский колледж свободных искусств [8].

Хотя Джо Кеннеди происходил из менее высокопоставленной семьи, он был более целеустремлен и честолюбив — а также более успешен, чем кто-либо другой среди американских ирландцев. Он учился в престижной и старейшей в США Бостонской латинской школе, потом окончил Гарвардский университет, и занялся банковским делом. К двадцати пяти годам он уже стал президентом правления «Коламбия Траст» — небольшого банка, одним из инвесторов которого был когда-то его отец. Довольно скоро Джо капитал банка удвоил [9].

Романтические отношения между молодыми людьми завязались еще в 1906 году, когда ей было всего шестнадцать, а ему — восемнадцать. Но у отца Розы был на примете другой кавалер для дочери — преуспевающий подрядчик и друг семьи — и в течение нескольких лет отец препятствовал встречам влюбленных. Однако Розе больше нравился Джо, а не избранный отцом жених — и протеже отца получил решительный отказ. В 1914 году молодые люди поженились и обосновались в городе Бруклайн, в штате Массачусетс, где в то время проживали исключительно протестанты, что было нарушением традиции ирландских американцев-католиков. Их первенец, Джозеф Патрик Кеннеди-младший, родился в 1915 году, а двумя годами позже, 29 мая 1917 года, на свет появился второй сын — Джон Фицджеральд Кеннеди [10].

* * *

Образ жизни семьи Кеннеди определялся честолюбивыми политическими замыслами главы семьи и его впечатляющими финансовыми успехами. Его женитьба на дочери мэра была одним из тех шагов, которые должны были вывести и его самого, и его детей далеко за рамки замкнутого ирландского

землячества. Умный, честолюбивый и при необходимости жесткий Джо стремился не только к богатству, но и к власти. И считал, что банковское дело — это ключ к успеху. Позже он писал: «Даже на примере моего собственного скромного опыта я увидел, что рано или поздно деловые круги обращаются за финансированием в банки». По его утверждению, перед банкиром «все дороги открыты, так как он играет важную роль в развитии любой предпринимательской деятельности» [11].

Его конечной целью были не просто власть и богатство. Джо не привлекала перспектива быть самым известным банкиром ирландского происхождения в городе. Он хотел подняться гораздо выше: стать своим в мире банковского капитала Бостона и Нью-Йорка, где правили представители именитых кланов Новой Англии. Первая мировая война нарушила его планы. Джо оставил работу в банке и стал управляющим военным производством на предприятии сталелитейной и судостроительной компании «Бетлехем Стил» в городе Квинси, штат Массачусетс. Он подлежал призыву в армию, но руководство компании отстояло его, назвав незаменимым руководителем.

Так постепенно, двигаясь от успеха к успеху, он все больше осваивал мир деловой элиты Новой Англии. Один из его коллег позже сказал: «В основе поразительных финансовых достижений Кеннеди лежала его способность предугадать будущее … его дальновидность, которая всегда придавала ему силы и направляла его — этот дар предвидения был поистине феноменальным» [12].

Во время биржевого бума 1920-х годов он вошел в брокерскую фирму «Брамин», сумел расширить свои связи в финансовых кругах и стал одним из самых проницательных и преуспевающих инвесторов своей эпохи. К 1927 году он перевез семью в Нью-Йорк, в Ривердейл, к северу от Манхеттена, чтобы быть поближе к Уолл-стрит с ее Нью-Йоркской фондовой биржей. К этому моменту его капитал составлял 2 миллиона долларов, и это было только началом его восхождения к вершинам финансового процветания.

Поразительные успехи Джо создавали проблемы для Розы. Ей хотелось упорядоченной, респектабельной семейной жизни. Однако Джо не был идеальным супругом — постоянные разъезды, работа допоздна, постоянный поиск новых связей, новых возможностей. В решении сложных каждодневных проблем их разросшейся семьи Розе приходилось рассчитывать только на себя. К началу 30-х годов у супругов было уже девять детей: Джо-младший, Джек [13], Розмари, Кэтлин, Юнис, Пэт, Бобби, Джин и Тед. Вопреки всем усилиям, Розе не удавалось поддерживать

порядок в их шумном и беспокойном семействе, возможно, потому что в течение первых семнадцати лет замужества она была либо беременной, либо приходила в себя после очередных родов. Переехав в Ривердейл, они сохранили за собой землю и недвижимость в Массачусетсе. Джо приобрел большое имение в Хаяннис-Порт, ставшее родовым гнездом Кеннеди. Знаменитые фотографии семьи Кеннеди в более поздние годы — на морской прогулке у побережья полуострова Кэйп-Код, за игрой в тач-футбол [14] на зеленой лужайке перед домом — напоминали о детстве, играх на свежем воздухе и спортивных соревнованиях. Задолго до того, как представители клана Кеннеди стали известными политическими фигурами, семья уже вошла в число самых знаменитых ирландских семей Америки — с одной стороны благодаря огромному состоянию Джо, а с другой благодаря привлекательному имиджу всего клана Кеннеди.

За образом красивой, идиллически-счастливой, купающейся в роскоши семьи постороннему глазу не были видны ее беды и заботы. Между тем Роза тяготилась бременем ответственности за свое огромное семейство, особенно после того, как у их старшей дочери, Розмари, диагностировали умственную отсталость. В Нью-Йорке у Розы было мало друзей, и она в основном занималась своей постоянно растущей семьей. Она сохраняла сексуальные отношения с мужем только с целью продолжения рода и, чтобы отвлечься от домашних проблем, много путешествовала по Америке и Европе. Дети (особенно Джек) очень страдали от ее отсутствия. Джо-старший, занятый делами по расширению своей бизнес-империи, по-прежнему мало бывал дома. Теперь в сферу его инвестиционных интересов вошла киноиндустрия. Также он поддерживал внебрачные связи, самой известной из которых стал роман с актрисой Глорией Свенсон, звездой немого кино. Дети долгое время оставались под присмотром только слуг и родственников [15].

Если не учитывать Розмари, тяжелее всех в семье приходилось Джеку. Находясь в тени своего старшего брата, Джо-младшего, на которого отец возлагал большие надежды, Джек соперничал с братом, но почти всегда проигрывал. Еще более важное место в его детстве, да и на протяжении всей жизни, занимала борьба с болезнями, которые донимали его с самого рождения. В младенчестве Джек был беспокойным, плохо усваивал молоко, страдал от судорог и колик в животе. Когда ему было около трех лет, он перенес скарлатину — и был настолько серьезно болен, что его мать «чуть не обезумела от страха», а отец часами молился в церкви (чего с ним раньше никогда не случалось) [16].

После скарлатины были другие изнурительные болезни (ветряная оспа, ушные инфекции, какие-то желудочно-кишечные заболевания, которые врачи не могли диагностировать, и некоторые другие болезни, когда ему было трудно есть; иногда он был так слаб, что не мог даже стоять). Болезни преследовали его все детство и юность, и позже. Ни доктора, ни члены семьи, ни сам Джек не могли понять, что с ним происходит. Целыми месяцами бледного изможденного мальчика не покидала слабость. Положение усугублялось тем, что ему все время ставили новые диагнозы, которые, как правило, оказывались ошибочными.

Лечение одного заболевания создавало проблемы для других органов, и никто так до конца и не смог объяснить причин его недомоганий. Джек обычно шутил по поводу своих частых недугов, пытаясь таким образом скрыть боль и тревогу. Но случались и периоды настоящего отчаяния, особенно когда после его долгого пребывания в больницах и бесконечных анализов врачи только беспомощно разводили руками [17].

Болезни не могли не отразиться на школьных занятиях Джека. Вскоре после того, как семья переехала в Нью-Йорк, он пошел в частную школу Ривердейл-Кантри. Учился Джек посредственно, и, когда ему исполнилось тринадцать лет, родители решили отослать его в интернат. Роза особенно стремилась отослать подрастающих мальчишек из дома, потому что ей и так было трудно справляться с целой ватагой детей. Джек ожидал, что отправится вслед за Джо-младшим в Чоут, знаменитую школу-интернат в Уоллингфорде, штат Коннектикут, но осенью 1930 года Роза по собственному усмотрению определила его в Кентербери, католическую школу для мальчиков в Нью-Милфорде, штат Коннектикут. Он страдал там не только от своих постоянных болезней, но и от тоски по дому. Он жаловался домашним, что в школе «его донимают религией» и что «за территорию можно выйти, только когда команда Йельского университета играет против Гарварда, или против команды вооруженных сил» [18]. Большую часть учебного года он провел в местной больнице, а последние месяцы учебного года занимался с репетиторами дома [19].

Следующий учебный год он начинал уже в Чоуте, где учился его брат Джо и где ему поэтому больше понравилось. В учебе Джек по-прежнему не блистал. Его учителя постоянно нарекали на отсутствие у него «прилежания», а директор назвал его «одним из самых ненадежных мальчиков в классе». Его работы были «небрежно» выполнены, и он имел репутацию «несерьезного и несобранного» ученика в школе, которая возвела порядок в

принцип [20]. В ответ на упреки он утверждал, что «старается быть более общительным человеком» [21]. Все считали Джека способным, но от этого его «посредственные» результаты вызывали еще большее осуждение [22]. На самом деле невнимательность была лишь одной из проблем Джека, так как вскоре к нему вернулись его непонятные изнурительные болезни. По словам Лема Биллингса, с которым Джон Кеннеди дружил всю жизнь, в какой-то момент он «чуть не умер» [23]. Выписавшись из больницы или покинув школьный изолятор, он тотчас снова попадал туда, но при этом старался вести нормальный образ жизни и не отставать в учебе. Во всех этих жизненных испытаниях Джек оставался веселым, остроумным и обезоруживающе обаятельным. «Я никогда не встречал человека с таким замечательным чувством юмора и такой способностью рассмешить и поднять настроение», — писал Билллингс [24]. Много лет спустя директор школы Чоут вспоминал: «Джеку не нравилось быть серьезным. У него всегда было восхитительное чувство юмора … Он очень располагал к себе, внушал большую симпатию» [25].

Было нелегко жить в тени старшего брата, признанного лидера, имевшего отличные успехи в спорте и учебе. Джек не мог составить ему конкуренцию. Теперь школа Чоут, которую он часто называл тюрьмой, нравилась ему не намного больше, чем когда-то Кентербери. Но через все школьные годы он пронес общительность, обаяние и острословие. Неудивительно, что иногда юмор Джека был черным, так как его здоровье продолжало ухудшаться. Он неделями лежал в клинике Майо, проходя бесконечные обследования и унизительные процедуры. Как обычно, в письмах к Биллингсу он рассказывал о них с юмором: «Вместо еды продолжают давать горох и кукурузу, а клизмы мне ставит очаровательная блондинка. Этим, мой дорогой, исчерпываются мои убогие радости» [26].

Чтобы как-то компенсировать отсутствие высоких результатов в спорте или учебе, он совершенствовал свое сексуальное мастерство, которым славился до конца жизни. Как и для его отца, для Джека секс был своего рода спортом: он занимался им, когда предоставлялась возможность, и обычно не связывал с ним какие-то нежные или романтические чувства. Большинство его свиданий ограничивались одной ночью, и он порой не мог вспомнить имя очередной сексуальной партнерши. В регламентированном мире Чоута не так-то легко было заниматься сексом, но Джек находил возможности решать эту проблему, как научился справляться со своими недомоганиями [27].

Болезни Джека, его скромные академические успехи и недовольство школой, гордящейся своими закостенелыми традициями, привели его в группу таких же бунтарей, которые организовали «Клуб Макеров». (Слово «макер» [28] в школе Чоут использовалось учителями и администрацией по отношению к недисциплинированным ученикам, не уважающим «культуру Чоута». Отец Джека, отчасти сочувствуя сыну, позже заметил, что если бы он организовывал клуб, то его название начиналось бы не с буквы «м»). Члены клуба сочиняли и пели песни, содержащие непристойные намеки, иногда касавшиеся учителей. Мальчишки организовывали разного рода шалости, высмеивая устаревшие школьные традиции. Директор называл их «группой чрезмерно эгоистичных, абсолютно невосприимчивых к науке любителей удовольствий»; и был близок к тому, чтобы исключить всю компанию из школы. Розе Кеннеди, которую привели в ужас бунтарские действия Джека, хотелось верить, что конфликт с директором был переломным моментом в становлении характера ее сына, и он теперь научится уважать власть и жить по установленным в школе правилам. Но Джек отнюдь не сдался, хотя и стал избегать явных нарушений дисциплины, из-за которых, собственно, члены клуба и имели неприятности. Перед окончанием школы он не мог отказать себе в последнем удовольствии позлить администрацию и провел успешную кампанию по выборам «Наиболее вероятного кандидата на жизненный успех», воспользовавшись своей популярностью, чтобы победить более прилежных соперников [29].

* * *

Студенческие годы начинались для Джека так же трудно, как и школьные. В 1935 году его приняли в Гарвард, но перед самым началом осеннего семестра он забрал документы, так как решил год поучиться в Лондонской школе экономики и политических наук. Однако в Англии он снова заболел и к тому же разочаровался в Лондонской школе экономики, поэтому вернулся в Америку, где, хотя семестр давно начался, поступил в Принстонский университет, в основном потому, что там учился Лем Биллингс и другие его приятели. Первое воодушевление быстро улетучилось: Принстон оказался гнетуще провинциальным маленьким университетским городком, где царил дух протестантизма и где не очень любили католиков. Позже один из его друзей писал: «Думаю, что в Принстоне ему не понравилась атмосфера, очень похожая на атмосферу загородного

клуба» [30].

Еще до окончания первого семестра он слег с очередной болезнью, диагноз которой очевидно так и не был установлен, и был спешно госпитализирован в одну из бостонских больниц. После нескольких недель мучительных инвазивных обследований и анализов, которые в письме к Биллингсу он описывал как «самое тяжелое испытание во всей моей потрепанной штормами жизни», ему поставили диагноз: лейкемия. Джек сообщал: «Вчера, заглянув в свою карточку, понял, что они начали подбирать мне гроб по размеру» [31]. Отказавшись серьезно воспринять страшный диагноз, он оказался прав: в конце концов, врачи признали, что ошиблись. Остаток несостоявшегося учебного года прошел в попытках восстановить здоровье. Сначала Джек отдыхал в Палм-Бич, потом, как Тедди Рузвельт, провел пару месяцев на ранчо в Аризоне и, наконец, неделю предавался сладострастным развлечениям в Лос-Анджелесе. Летом 1936 года его снова зачислили в Гарвард. «Быть студентом Гарвардского университета — завидная судьба», — писал он в заявлении в приемную комиссию [32], которая вынесла следующий вердикт: «Джек обладает превосходными умственными способностями, но не имеет глубокого интереса к учебе… Есть основания полагать, что он может поступать» [33]. В своем письме декану его отец подтвердил эту оценку: «Джек блестяще усваивает вещи, которые его интересуют, но ему не хватает усидчивости и прилежания для изучения того, что ему неинтересно. Это, безусловно, его большой недостаток» [34].

В Гарварде Джеку было комфортнее, чем во всех предыдущих учебных заведениях. Хотя с ним не было его ближайшего друга, Лема Биллингса, он нашел новых приятелей, многих через своего старшего брата. Джо-младший, серьезный, честолюбивый и вспыльчивый молодой человек, изо всех сил старался угодить отцу, добиться его похвалы. Больше всего он стремился попасть в состав университетской футбольной команды, но ему это так никогда и не удалось. Джек был более добродушным и беззаботным. Поначалу он чувствовал себя лучше, чем прежде, поэтому с удовольствием занимался плаванием и боксом, а также играл в американский футбол, не питая, однако, надежд войти в сборную университета. В Чоуте его популярность основывалась на остроумии, живости характера, бунтарстве и необыкновенной общительности. На первом курсе Гарвардского университета Джек учился серьезнее, чем в Чоуте или Принстоне. Хотя его оценки не были блестящими, он очень много читал, особенно когда лежал в больнице, что с ним случалось по-прежнему часто. (Он до конца дней сохранил страсть к чтению — особенно

исторической литературы [35].)

Хотя его мать полагала, что переломный момент в жизни сына случился, когда его чуть было не исключили из Чоута, скорее всего по-настоящему он повзрослел в результате поездки в Европу летом 1937 года, после окончания первого курса в Гарварде. Они с Биллингсом отплыли из Америки 1 июля и возвратились в сентябре, совершив самое длинное в своей жизни путешествие.

Поездка раскрыла многогранность формирующейся в эти годы личности Джека. Послушный сын из привилегированной семьи, он выполнял все наставления отца, организовавшего для него встречи с европейскими государственными деятелями и аудиенции у папы римского и кардинала Пачелли, вскоре ставшего папой Пием XII. Всюду, куда приезжал молодой человек, ему помогали друзья и коллеги отца. Как истинный плейбой, Джек искал приключений и женщин в барах и кафе Парижа, Ривьеры и Биаррица. Однако именно тогда он впервые всерьез заинтересовался политикой. Во время путешествия он вел дневник с путевыми заметками и проявлял особое любопытство к странам с фашистским режимом. Ему не удалось посетить Испанию, так как там шла гражданская война, но он встречался во Франции с покинувшими родину испанцами и расспрашивал о военных событиях в их стране. Италия произвела на Кеннеди и Биллингса впечатление спокойного и процветающего государства. (Об итальянцах Джек писал: «Кажется, им совсем неплохо живется при фашизме» [36].) В Германии Биллингс записал, что они оба «испытали какое-то жуткое чувство от … всей этой ерунды с „Хайль Гитлер“» [37]. Джек, возможно, испытывал более сложные чувства. Ему также была отвратительна немецкая заносчивость, и он осуждал растущие проявления государственного антисемитизма, но был поражен работоспособностью и рациональностью немцев. «Все города необыкновенно привлекательны и показывают, что нордические расы, по всей видимости, превосходят латинские. Немцы на самом деле слишком хороши, что заставляет другие народы объединяться для защиты от них», — отмечал Джек в своих путевых заметках [38]. По возвращении в Гарвард он задавался вопросами: «Снижает ли укрепление мощи Великобритании вероятность возникновения военного конфликта? Возможно ли такое развитие событий, при котором такая страна, как Италия, будет вынуждена вступить в войну из-за недовольства населения экономической ситуацией? Потеряет ли Муссолини власть в случае участия Италии в крупных военных действиях, учитывая, что страна — вероятнее всего — окажется среди побежденных?» [39] Поиск ответов на эти

и подобные вопросы заставил Джека серьезно заинтересоваться историей и политологией.

Осенью, вернувшись в Гарвард, Джек стремится добиться успеха не только в учебе, но и в студенческой среде. Как студент-второкурсник, он больше всего хотел попасть в один из студенческих клубов для избранных. Ни отцу, ни старшему брату это не удалось, в основном из-за ирландского происхождения, и Джек понимал, что для осуществления его мечты от него потребуются неимоверные усилия. Несмотря на проблемы со здоровьем, он продолжал участвовать в футбольных соревнованиях и заниматься плаванием, хотя так и не был зачислен в университетские сборные.

Он стал членом «Хэйсти пудинг клаб» и печатался в университетской газете *Harvard Crimson.* Но решающую роль сыграла его популярность среди студентов и наличие верных друзей, благодаря которым его выбрали в «Спи клаб». Джек так гордился своей принадлежностью к этому студенческому сообществу, что почти все свободное время проводил в импозантном здании клуба [40].

В течение семестра он изучал политологию и международные отношения, и его успеваемость заметно улучшилась. Весной 1939 года, после окончания третьего курса, он взял академический отпуск для написания дипломной работы. Но незадолго до этого, в 1938 году, произошло событие, изменившее жизнь семьи. Отец Джека стал послом Соединенных Штатов Америки в Великобритании. Для Джо-старшего это назначение было предметом особой гордости, так как впервые ирландец и католик вопреки традиции, согласно которой должность посла в Соединенном Королевстве занимали протестанты англо-саксонского происхождения, получил этот пост. Джек отправился в Англию, чтобы проводить исследование по теме своей дипломной работы. В Лондоне он попал в круговорот новой, захватывающей жизни. Он путешествовал по столицам Восточной Европы и Ближнего Востока, всюду пользуясь гостеприимством и покровительством американских дипломатов. Много времени он проводил в Париже, где останавливался в американском посольстве и, по собственному признанию, «жил как король» [41]. В обстановке все нарастающей военной угрозы заваленные работой дипломаты не очень радовались возникшей необходимости обслуживать потребности какого-то избалованного отпрыска богатого и влиятельного папаши. Тем не менее, они снабжали его материалом для исследования и организовывали встречи с интересующими его людьми. Как обычно, Джек находил время и для развлечений. О начале войны

он узнал во время роскошного отдыха в Антибе на юге Франции [42]. В Гарвард он вернулся полный решимости разобраться в причинах возникновения европейского кризиса.

Как и большинство американцев в то время, Джо Кеннеди выступал против участия США в европейской войне. И неудивительно, ведь Джек разделял точку зрения отца: ни Британия, ни Америка не готовы нанести поражение Германии. Джек полагал, что президент Франклин Рузвельт должен выступить посредником в переговорах об окончании войны, результатом которых станет согласие западных стран на продолжение расширения границ Третьего Рейха при условии сохранения независимости Великобритании и Франции. Выпускная работа Джека, которую он озаглавил «Политика умиротворения в Мюнхене», основывалась именно на этом не сулящем человечеству ничего хорошего тезисе. Характерно, что он привлек к ее написанию целую команду помощников. В нее входили: дипломаты — коллеги отца, прочесывающие британские библиотеки и исследовательские центры в поисках материалов, которые ему могут понадобиться; научные ассистенты, выполняющие вместо него черновую работу в библиотеке Уайденера в Гарварде; машинистки и стенографистки, помогающие ему в подготовке рукописи [43].

Окончательный вариант работы получился весьма приличным и даже впечатляюще претенциозным — намного лучше его предыдущих ничем не примечательных студенческих научных работ. Консультировавшим его профессорам нравилась актуальность темы и информативность материала исследования. Но работа получилась громоздкой, не все сходилось в аргументации, встречались грамматические и пунктуационные ошибки. Некоторые отмечали излишнюю многословность, и никто не считал работу незаурядным научным достижением. «Плохо написанный, но добросовестный, интересный и разумный анализ сложной проблемы», — таким было мнение гарвардских профессоров, его научных руководителей. «Отлично» Джек получил за старательность [44].

У данного исследования было два ценных качества. Первым было время появления роботы, законченной в разгар мирового кризиса и отвечающей — при всех ее недочетах — на весьма актуальный вопрос: «Почему Англия оказалась так плохо подготовленной к войне?» Вторым были связи самого Джека и его отца, благодаря которым усилиями коллег и друзей «заурядная студенческая работа» (по определению одного историка того времени) была издана отдельной книгой [45]. В обычной для себя манере Джек без особых колебаний призвал на помощь известных

людей. «Артур Крок … считает, что я должен ее опубликовать», — писал он отцу. Крок, известный журналист, обозреватель газеты *New York Times*, имел многочисленные деловые контакты с Джо-старшим. Он-то и помог Джеку переписать работу (степень его участия осталась неизвестной) и предложил новое название — «Почему спала Англия» (*Why England Slept*), — которое перекликалось с заглавием недавно вышедшей книги Уинстона Черчилля «Пока Англия спала» (*While England Slept*) [46].

Джек, со своей стороны, пересмотрел тезис о недостаточной подготовленности Великобритании к войне. В первоначальном варианте он утверждал, что источником проблемы был сам британский избиратель, не желавший тратить деньги на усиление военного потенциала страны. По его словам, «возможно, демократия — это замечательная форма управления государством для проживающего в нем населения, но недостатки она имеет серьезные» [47]. В книге Джек уже перекладывает большую часть вины на британское руководство: премьер-министров Стэнли Болдуина и Невилла Чемберлена, друзей своего отца. Джек постепенно отходил от политической позиции Джозефа Кеннеди, которая становилась все более спорной. В то время как в Америке росли проанглийские настроения, Джо продолжал оставаться убежденным сторонником изоляционистского курса страны. Более того, не проинформировав Вашингтон, Джо изыскивал возможности компромисса с Гитлером и даже искал встречи с ним, хотя и безуспешно. В конце октября 1940 года президент Рузвельт отозвал Джозефа Кеннеди из Лондона, чем надолго вызвал разлад в их отношениях и положил конец надеждам Джо на блестящую политическую карьеру.

В отличие от отца, Джек вместе с американским общественным мнением двигался в сторону понимания необходимости поддерживать страны, воюющие против Германии. Он никогда открыто не критиковал политические убеждения отца, но находил возможность дистанцироваться от них, по мере того как они становились все более непопулярными. В то же время его новая, «интернационалистская», позиция побудила Крока найти агента, который обил множество порогов, прежде чем сумел убедить небольшое издательство Уилфреда Фанка опубликовать рукопись. По-видимому, решающую роль сыграло восторженное предисловие Генри Р. Люса, издателя журналов *Time, Fortune* и *Life*. Люс писал: «Не могу припомнить ни одного человека в моем колледже, который мог бы, будучи студентом четвертого курса, написать такую *взрослую* книгу на такую жизненно важную тему» [48]. Конечно, ко времени издания стиль

изложения значительно улучшился, аргументация приобрела четкость, но все же главным преимуществом книги была актуальность темы. Книга, которую положительно оценили и читатели, и рецензенты, помогла Джеку Кеннеди порвать с многолетним стереотипом среднего ученика и заявить о себе как о серьезном аналитике и перспективном лидере своего поколения [49].

В книге «Почему спала Англия» были заложены основы видения Америки Джеком как мощного игрока на международной арене, которое в дальнейшем было характерным для его политики. Хотя Джек прямо не заявил о том, что Америка должна вступить в войну, он уже начинал понимать неизбежность такого развития событий. И аргументировано доказывал, что, объединившись, две великие державы — Великобритания и США — могут защитить мир от тоталитаризма. Но самое главное — он изложил свое понимание фундаментальной проблемы демократии: как может свободное общество мобилизовать своих граждан на войну? Как оно может «состязаться в этом вопросе с тоталитарной системой, основанной на жестком государственном контроле всей общественной жизни» [50]? Одной из важных причин неподготовленности Британии к войне был, по его мнению, «ощутимый дефицит способных, прогрессивно мыслящих, молодых лидеров», и это утверждение никак не могло понравиться некоторым друзьям его отца в дипломатическом корпусе [51]. Снова и снова Джек возвращался к тому, что называл «слабым местом» демократии в условиях критической ситуации. Он писал, что диктатура почти всегда оказывается лучше подготовленной к войне, чем демократия. «Недостаточно сказать, что демократический мир был пробужден ото сна … [падением Франции]. Понятно, что когда горит твой дом, спать не будешь. Что нам нужно, так это вооруженная охрана, которая проснется при первых признаках пожара, а еще лучше — предотвратит возгорание» [52].

Общественный резонанс довольно скромного исследования юного выпускника колледжа был вызван почти полным отсутствием интереса со стороны политических аналитиков того времени к вопросу готовности демократических государств противостоять тоталитарным режимам. В книге впервые прозвучал тезис, который в дальнейшем стал одним из краеугольных камней внешнеполитической доктрины Кеннеди и в который он свято верил: демократия должна быть сильной и боеспособной, чтобы вынести тяготы долгой напряженной борьбы с набирающим силы коммунистическим миром.

* * *

Несмотря на успех книги, Кеннеди все еще не мог определиться с планами на будущее. Вначале он раздумывал, не пойти ли ему изучать право. Подал документы в приемную комиссию юридической школы Йельского университета, потом — Стэнфордского, провел несколько месяцев в Стэнфорде, надеясь поправить свое снова пошатнувшееся здоровье. Вместе с семьей путешествовал и отдыхал в Хайеннис-Порте. Но в этот последний мирный год перед Перл-Харбором он, как и многие другие молодые американцы, чувствовал, что близится час, когда США придется вступить в войну. Джек боялся, что из-за проблем со здоровьем его не возьмут в армию. Так и произошло: в начале 1941 года его забраковали медкомиссии и сухопутных войск, и ВМФ. Однако спустя несколько месяцев Джо Кеннеди добился, чтобы сын еще раз прошел медкомиссию, на которую он, безусловно, мог оказать влияние. На этот раз врачи констатировали отсутствие у Джека серьезных противопоказаний к военной службе. В октябре его направили в разведывательное управление ВМС в Вашингтоне [53].

Джек сообщал Биллингсу, что работа скучная, зато он ведет интенсивную светскую жизнь. Он переживал первые серьезные романтические отношения с датской журналисткой Ингой Арвад, подругой его сестры Кэтлин. Арвад была красавицей; говорили даже, что она носила титул «Мисс Дании». Она была на несколько лет старше Джека и как раз разводилась со своим первым мужем (счастье, что этого не знала Роза Кеннеди, а то она пришла бы в ужас). Более весомым аргументом против их отношений были слухи о том, что Арвад — шпионка. Они основывались на том факте, что Арвад какое-то время была собственным корреспондентом датской газеты в Германии, и несколько фотоснимков запечатлели ее рядом с Гитлером и Герингом. Хотя не существовало никаких других доказательств ее шпионской деятельности, ФБР проявило к ней интерес, что было чревато скандалом. Поэтому с подачи Джо Кеннеди ВМС, не мешкая, перевел Джека из разведывательного управления на военную верфь в Чарлстоне, штат Южная Каролина. Арвад осталась в Вашингтоне, разрыв был болезненным, и отношения вскоре прервались [54].

К тому времени США уже находились в состоянии войны со странами гитлеровской коалиции, и Джек рвался на фронт. Однако новые недомогания — сильные боли в спине, продолжающиеся проблемы с желудком и другие заболевания, часть из которых ему удавалось скрывать от флотских

докторов, — не давали ему возможности попасть на службу в войска, ведущие боевые действия. Наконец, в июле 1942 года он стал курсантом военно-морской школы, готовившей боевых офицеров.

Джек хотел стать капитаном торпедного катера, небольшого и не очень прочного деревянного судна с торпедами на борту, которое охотилось на японские корабли. Такое назначение считалось престижным для молодого начинающего офицера. Во-первых, капитаны торпедных катеров уже прославились своими подвигами; во-вторых, все знали, как опасна служба на этих хрупких суденышках. Состояние здоровья Джека должно было стать непреодолимым препятствием на его пути к цели. Но отец снова вмешивается — появляются «исправленные» медицинские карты и уверения, что назначение Джека Кеннеди капитаном торпедного катера будет способствовать рекламе флота. Этим участие сильных мира сего в военной карьере Джека не ограничилось. Когда его направили нести службу в Панамском канале, то есть далеко от места боевых действий, он обратился за помощью к сенатору от штата Массачусетс Дэвиду Уолшу, который организовал ему перевод на Тихий океан, где в самом разгаре была война с японцами. Джек считал своим долгом участвовать в боевых действиях. Кроме того, он знал, что биография боевого офицера поможет ему в продвижении по карьерной лестнице, какую бы профессию он ни выбрал. К тому же жизненные принципы его семьи, воспитывающей детей в духе соперничества и стремления к успеху, не позволяли ему даже думать о том, что во время войны можно отсидеться где-нибудь в тылу [55].

Весной 1943 года Кеннеди принял командование над торпедным катером «PT-109», который вскоре получил задание в составе отряда из пятнадцати торпедных катеров атаковать возвращающиеся на базы корабли японского флота. Операция провалилась: американцам не удалось потопить или хотя-бы повредить ни одного японского корабля. Под покровом ночи в открытом море одинокий катер Кеннеди, не имевший на борту никаких средств радиосвязи или радиолокации, лишь с одним включенным двигателем из трех, поджидал корабли противника. Внезапно из темноты прямо на него выскочил уходивший от преследования японский эсминец. Все произошло так внезапно, что у Кеннеди не было возможности убрать свой катер, шедший на тихом ходу, с пути вражеского корабля, и японский эсминец просто протаранил «PT-109», разрезав американский катер пополам. Два моряка погибли на месте, а остальные оказались в воде. Некоторые держались за обломки корпуса, других отнесло в

разные стороны. Кеннеди поспешил им на помощь, и помог доплыть к обломкам катера сквозь горящее масло. Он тянул за собой тяжело раненного матроса. К полудню следующего дня, когда обломки катера стали медленно тонуть, Кеннеди организовал переправу своих матросов на ближайший остров. Им пришлось добираться вплавь в течение пяти часов, и все это время Джек, превозмогая усталость, тащил за собой раненого. Все доплыли до берега. На острове им удалось отыскать местного жителя, говорившего по-английски, у которого была лодка-каноэ. Джек вырезал на скорлупе кокосового ореха свои координаты и просьбу выслать за пострадавшими спасательное судно. Послание было доставлено по адресу, и через семь дней после той злополучной ночи, на борту другого торпедного катера, экипаж возвратился на базу.

Очень скоро о чудесном спасении моряков торпедного катера «PT-109», тяжелых испытаниях, которые им пришлось перенести, и о героизме представителя знаменитой семьи Кеннеди восторженно писала американская пресса (практически во всех заголовках его называли «сыном Кеннеди»). История об его героизме несколько недель не сходила со страниц газет. В 1944 году в еженедельнике *New Yorker* Джон Херси опубликовал хронику истории гибели катера «PT-109», которая через несколько десятилетий легла в основу имевшего большой успех фильма. Херси изобразил Джека скромным самоотверженным и самокритичным героем [56], опустив при этом все детали, которые не вписывались в создаваемый им образ, или содержали информацию, которую не хотел делать достоянием общественности сам Джек. Отвага и мужество молодого капитана при спасении экипажа впечатлили бы читателей еще больше, если бы в тексте были упомянуты его хронические проблемы со здоровьем и испытываемые им физические страдания. Но Джек скрыл их от медкомиссии, когда шел служить во флот, и не имел намерений рассказывать о своих хронических недугах и подложных медицинских заключениях. Не писал Херси и о малопонятных обстоятельствах ночного столкновения. Он также проигнорировал критические высказывания в адрес Кеннеди, многие из которых на самом деле были несправедливыми. Например, один из командиров Джека, позже говорил, что «особенно хорошим капитаном катера он не был» [57]. На самом деле от создания истории о героизме и чудесном спасении выигрывали все. Что касается Джека, то он не занимался саморекламой. В этом не было нужды, так как о его подвиге вместо него рассказывали сослуживцы, командование ВМФ, пресса и отец, Джо Кеннеди-старший.

* * *

Уже через десять дней после счастливого завершения истории с «PT-109» Джек вернулся к выполнению служебных обязанностей. Но к декабрю 1943 года состояние его здоровья настолько ухудшилось, что он, по рекомендации врачей, решил возвращаться в Америку. В декабре он оставил Тихоокеанский флот, в начале января прибыл в Сан-Франциско, а уже через несколько дней был вновь госпитализирован в клинику Майо. Снова начался многомесячный период лечения — то в условиях стационара, то амбулаторно. Наибольшей проблемой оставались боли в спине, которые усилились в результате падения на палубу во время инцидента с «PT-109». Однако их истинной причиной было не это падение, и не несчастный случай во время игры в американский футбол в Принстоне, как рассказывала журналистам его мать, а проявившееся еще в детстве хроническое заболевание, которое усугубилось после нескольких неудачных операций и частого применения стероидных препаратов. Но этим летом Джека ожидал куда более тяжелый удар. 12 августа 1944 года Джозеф П. Кеннеди-младший, старший брат Джека, всегда бывший для него примером для подражания и удачливым соперником, пилотировал бомбардировщик с полным грузом бризантной взрывчатки Торпекс на борту для подрыва объектов на территории Германии. Взрывчатка сдетонировала и самолет взорвался еще в небе над Англией. Останки Джо так и не были найдены [58].

Его гибель потрясла семью. Джо-старший был безутешен. Несколько недель он не покидал свою комнату в Хаяннис-порте и почти не общался с женой и детьми. Он вышел из добровольного заточения сломленным и ожесточенным, обвиняя в смерти сына политику Рузвельта, которая привела Америку к участию в войне. Наверное, он также винил себя в том, что сын пошел на смертельный риск и погиб из-за желания восстановить политическую репутацию отца. Джек, со своей стороны, думал, что отчаянная смелость брата могла быть частично обусловлена желанием Джо превзойти его в боевой славе. («А где, черт побери, был ты, когда на горизонте появился этот эсминец… и где был твой радар?» — писал ему Джо, прочитав статью в *New Yorker* и явно не желая отдавать Джеку пальму первенства в их вечном соперничестве [59].) Чтобы заглушить чувство вины перед погибшим братом, Джек составил и издал частным образом книгу воспоминаний о нем, назвав ее «Каким мы помним Джо» (*As We Remember Joe*) [60].

Джек снова оказался на распутье. Он не знал, что делать со

своей жизнью после гибели Джо, прекращения военной службы, разрыва отношений с Ингой Арвад и бесконечных проблем со здоровьем. В марте 1945 года его официально уволили из флота в запас, и спустя несколько месяцев он отправился в Сан-Франциско в качестве корреспондента газетного концерна Херста для освещения событий вокруг создания Организации Объединенных Наций. Потом Джек полетел в Великобританию, откуда от-правился в тур по Европе, снова погрузившись в мир политики и дипломатии [61].

Он вел дневник, куда записывал свои впечатления. Так, к Уставу ООН он отнесся скептически, считая, что тот «недостаточно хорошо разработан и отражает отсутствие принципиального единомыслия между США, СССР и Великобританией. …Сомневаюсь, что он окажется дееспособным» [62]. В Британии он следил за обреченной на провал предвыборной кампанией Уинстона Черчилля и констатировал, что приветствует победу лейбористов, потому что, придя к власти, их партия будет вынуждена примириться с капитализмом [63]. В Ирландии его встревожили сведения о том, что во время войны первый премьер-министр страны Имон де Валера был враждебно настроен по отношению к Великобритании. Вместе с министром ВМС США Джеймсом Форрестолом Джон Кеннеди проехал по лежащей в послевоенных руинах Германии. Его поразила «идеальная» дисциплина в американских оккупационных войсках. Немцы, отмечал Кеннеди, раздосадованы, что армия США не оккупировала Восточную Германию до того, как туда пришли русские: «Здесь существует мнение, что русские не собираются уходить из своей зоны оккупации и планируют превратить эту часть Германии в Советскую Социалистическую Республику» [64]. Критиковал он и поведение американских войск: «Заняв город, американцы жестоко грабили его». Джека потрясло посещение разрушенного дома Гитлера в Берхтесгадене. Он проявлял странный интерес к личности самого Гитлера.

«Можно легко понять, как всего через несколько лет, преодолев окружающую его сейчас ненависть, Гитлер превратится в одну из самых значительных личностей в истории. Лелея безгранично честолюбивые замыслы, которые он хотел реализовать для своей страны, он представлял угрозу для человечества. Но тайна, окутывающая его жизнь и смерть, надолго переживет его. Что-то было в нем такое, о чем складывают легенды» [65].

Кеннеди не был поклонником фюрера, но эта странная дневниковая запись свидетельствует, что интерес к

использованию власти заставил его на какое-то время абстрагироваться от ужасов нацистского режима, рассуждая об исторической значимости Гитлера.

Из Европы Кеннеди вернулся, так и не решив, что ему делать дальше. Постепенно, однако, он приходил к выводу, что его дальнейшая жизнь, возможно, будет связана с политикой. После гибели Джо-младшего именно ему надлежало оправдывать надежды семьи. Хотя Джо-старший и имел сомнения относительно политических талантов своего второго сына, он стал уговаривать его пойти по стопам брата и заняться политикой, выставив свою кандидатуру на выборах. Сначала Джек колебался, но потом и сам начал задумываться о политической карьере. Ранее он отказался от мысли стать юристом. Он уже попробовал себя в журналистике и решил, что эта работа не для него. (Спустя много лет он скажет: «Репортер сообщает о событиях, но не творит их» [66].) «Ничто не могло помешать Джеку заняться политикой. Я думаю, это было у него в крови» [67], — писал Лем Биллингс. В годы юности Джек много читал и думал о политике и международных отношениях. Теперь он склонялся к тому, чтобы посвятить себя решению проблем, с которыми предстояло столкнуться его стране после войны.

Возможно, что Джек выбрал бы профессию политика и без давления отца, но он точно не смог бы обойтись без поддержки Джо-старшего в осуществлении своих карьерных планов. В конце 1944 года Джо начал исподволь вести переговоры с Джеймсом Майклом Кэрли, бывшим мэром Бостона, который к тому времени был конгрессменом. Весьма колоритная личность, Кэрли уже не в первый раз оказался в щекотливом положении, имея трудности как финансового, так и юридического характера. Кеннеди предложил оплатить его долги и помочь уладить неприятности с законом, если Кэрли освободит место в Палате представителей. Конечно, Джек мог не знать о сделке между Джо и Кэрли, но он понимал, что без помощи отца ему вряд ли удастся добиться успеха в политической деятельности. Позже, отвечая на вопрос журналиста о начале политической карьеры Джека, Джо признался: «Я просто кое-кому позвонил, связался с людьми, которых знаю. У меня много знакомых» [68]. В декабре 1944 года, заручившись поддержкой отца, Джек писал Биллингсу: «У меня есть на примете кое-что хорошее. Только бы получилось» [69].

Глава 2 Начинающий политик

В начале политической карьеры Джека Кеннеди у его друзей и родственников были весомые основания сомневаться, что он пригоден для общественной жизни как публичный политик. Джек не был еще бойким оратором, слушателям он казался скованным, неловким и неуверенным. Старался избегать непосредственного общения с избирателями, а если все же приходилось выходить к ним, держался отчужденно и напряженно. Был крайне непунктуален, заставляя ждать себя час и более. Казалось, что из-за продолжающихся проблем со здоровьем у него просто не хватит сил для проведения интенсивной предвыборной кампании. В ответ на вопрос, почему он баллотируется в Конгресс, Джек часто говорил, что делает это в память о погибшем брате. В 1946 году, во время его первой избирательной кампании, людей в его команду в основном подбирал отец, и они рассматривали работу с сыном как очередное задание босса. Несмотря на все свои достоинства — хорошо встреченную общественностью книгу, впечатляющую военную биографию, известную фамилию, — Джек в политике был новичком, молодым и неопытным. Оппоненты называли его «чужаком» и политическим авантюристом, сынком богатого папаши, у которого за душой нет ничего, кроме папенькиных денег [70].

Однако Джек обладал некоторыми незаурядными качествами, которые не сразу бросались в глаза. В отсутствие своих деспотичных родителей он становился обаятельной компанейской личностью. У него было множество верных и преданных друзей, приобретенных во время учебы в Чоуте и Гарварде, службы во флоте, — всюду, где ему приходилось бывать. Во многих отношениях он был симпатичнее своего чересчур серьезного, честолюбивого и импульсивного старшего брата. К тому же, вступая в политику в 1946 году, он имел в активе послужной список героя войны, разрекламированный и, до некоторой степени, романтизированный усилиями прессы. Однажды, во время посещения собрания общества матерей «Золотая звезда» [71] (женщин, потерявших на войне сыновей) в Чарлстоне, он сказал, обращаясь к аудитории: «Думаю, я знаю, что вы чувствуете. Моя мать тоже потеряла сына». Казалось, с этими словами между ним и присутствующими в зале женщинами установилась какая-то «магическая связь» [72].

Еще одним и, возможно, не менее важным преимуществом Джека были деньги и связи отца. Сам Джек мало интересовался вопросами финансирования своей кампании, сосредоточив

внимание на выступлениях, митингах, встречах. Первое время и его дед, сам бывший мэр, хотел помочь внуку в предвыборной кампании, но там, где за дело брался Джо Кеннеди, другим делать было нечего. Джо взял на себя всю грязную работу: раздал деньги боссам окружных избирательных комиссий, оплатил агитационные листовки и рекламу на рекламных щитах, нанял специалистов по связям с общественностью, создал банк телефонных номеров. Он организовал несколько тщательно продуманных мероприятий, включая грандиозное «чаепитие» в шикарном отеле в Кембридже, во время которого члены семейства Кеннеди, мужчины во фраках и белых галстуках-бабочках, а женщины в парижских вечерних туалетах, терпеливо ждали своей очереди, чтобы пожать руку каждой из полутора тысяч приглашенных избирательниц. На предвыборную кампанию Джека в Конгресс ушло 300 тысяч долларов, что намного превысило затраты всех других кандидатов, вместе взятых. Деньги Джо оставались важнейшим и абсолютно незаменимым фактором в успешной политической карьере его сына. Говорят, что Джо Кеннеди как-то хвалился: «Джек у нас пройдет на „ура“! Мы его, как горячий пирожок продадим!» Позже один из сотрудников вспоминал: «Он был вдохновителем всей предвыборной кампании Джека и лично руководил каждой деталью в ее проведении» [73].

Что касается предвыборной программы, то ее, в общем-то, не было. Джек часто говорил о том, что видел и испытал на войне, о героизме своих боевых товарищей, причем некоторые из них выступали в его поддержку на встречах в избирательном округе. Джо, в свою очередь, распечатал публикацию Джона Херси в еженедельнике *New Yorker* о спасении моряков катера «PT-109» тиражом в сто тысяч экземпляров и позаботился, чтобы они все попали в руки избирателям. Джека больше интересовали вопросы внешней политики, поэтому он хотел сделать основной темой своей кампании международное положение. Но, несмотря на первые проявления ораторского мастерства, его выступлениям не хватало четкости и конкретности: «Соединенные Штаты Америки и весь мир оказались на распутье. Наши сегодняшние действия определят развитие цивилизации на много лет вперед. Мы живем в мире, который старается залечить страшные раны после жестокой бойни… Нас ожидают нелегкие времена» [74].

Почувствовав, что в 1946 году избирателей больше волнуют экономические проблемы, Джек стал повторять стандартные положения «Нового курса» Рузвельта. Но в целом тремя столпами кампании были его молодость, военные подвиги и лозунг «Новое поколение предлагает своего лидера» [75].

Джек легко победил на первичных выборах Демократической партии в одиннадцатом округе штата Массачусетс. Однако, поскольку он соревновался с десятью другими кандидатами, общее количество отданных за него голосов составило всего около 12 %. На следующем этапе избирательной кампании, будучи абсолютным фаворитом в округе, традиционно голосующем за демократов, Джек попытался яснее очертить цели своей политики. В широко разрекламированной речи, которую он назвал «Почему я демократ», он не только говорил о поддержке партийной платформы, но и выдвинул собственные идеи.

Например, он предупреждал об угрозе, которую, по его мнению, представляет Советский Союз и его «программа завоевания мира». На самом деле, что именно он говорил, уже не имело особого значения. В условиях, когда в национальном масштабе в ходе этих выборов Республиканская партия одержала внушительную победу, Джек стал конгрессменом от демократов, получив 73 % голосов избирателей своего округа [76].

* * *

Выборы 1946 года не только обеспечили республиканское большинство в Конгрессе, но и привели в высший законодательный орган страны молодых ветеранов войны от обеих партий. Джек Кеннеди был одной из самых заметных личностей в этом новом призыве. Конечно, известность довольно быстро приобрели и некоторые другие конгрессмены-новички, например, республиканцы член Палаты представителей Ричард Никсон из Калифорнии и сенатор Джозеф Маккарти из Висконсина, активно работающие в комитетах Конгресса. В отличие от них Кеннеди проявлял мало интереса к рутинной работе Палаты представителей. С помощью отца он подобрал себе большой — один из самых больших в Конгрессе — штат весьма компетентных помощников, которые освободили его от исполнения многих неприятных обязанностей. Насколько это возможно, он избегал встреч с избирателями, зато, снова не без помощи отца, вошел в состав двух авторитетных комитетов Палаты представителей, важность которых обусловливали экономические трудности первых послевоенных лет: Комитета по вопросам образования и труда и Комитета по делам ветеранов.

Джек был довольно пассивным членом обоих комитетов, часто опаздывал или вообще не приходил на их заседания. В его собственном избирательном округе жили в основном представители рабочего класса, о нуждах которых он мало знал и

мало заботился. Вообще, когда речь заходила о внутренней политике, он обычно выступал за снижение дефицита бюджета, призывая к сокращению бюджетных ассигнований с тем, чтобы не пришлось экономить средства на оборону.

На этом фоне заметным исключением стала его поддержка Федеральной программы строительства субсидируемого жилья, которая находилась в центре дебатов в 1946 году, после длительной предвоенной экономической депрессии и строительного застоя военных лет. Здесь, однако, Кеннеди настроил против себя Американский легион, неосторожно, хотя в целом справедливо назвав его «барабанщиком колонны лоббистов сектора недвижимости» [77]. В 1947 году он был последовательным, хотя и не очень страстным, противником законопроекта Тафта-Хартли, направленного на ограничение прав профсоюзов.

В работе Конгресса Кеннеди больше всего интересовали международные дела — область деятельности, в которой он никак не был задействован и на которую не мог повлиять в Конгрессе. Он поддерживал доктрину Трумэна, заложившую фундамент политики сдерживания, с которой Америка вступила в Холодную войну. Еще до окончания первого срока в Конгрессе он уже планировал новую избирательную кампанию — возможно, на место губернатора штата или сенатора. И Трумэн, и Кеннеди должны были переизбираться в 1948 году, и Джек имел надежды на карьерное продвижение, которое он, по его мнению, заслуживал как специалист по международным делам. Но он отказался от своих планов, выяснив, что у него, мало кому известного политика, всего один срок прослужившего в Палате представителей, практически нет шансов на более высокую выборную должность. Во время следующих выборов он без труда сохранил за собой место в Конгрессе и продолжал добросовестно поддерживать законопроекты, которые могли помочь его избирателям. Но это было не то, чего ему хотелось, к чему он стремился.

* * *

От большинства членов Палаты представителей Кеннеди отличался частыми отлучками из Вашингтона. Он проводил выходные в Хайеннис-порте, но в тот район Бостона, в котором жили его избиратели, не ездил. В отпуск приезжал в семейный дом в Палм-Бич. Путешествовал по Калифорнии, Ирландии и Англии. Почти всюду, где бывал, тратил много времени на

знакомства с представительницами прекрасного пола. Причиной его частых отлучек из Капитолия была не только его беспокойная натура, но, как и раньше, его слабое здоровье. Его донимали проблемы со здоровьем, усиливающиеся боли в спине, всевозможные болезни, которые никто не мог диагностировать.

В 1947 году, во время поездки в Англию, он заболел так сильно, что принял последнее причастие в католической церкви при лондонской больнице. Но именно там британский врач, наконец, распознал симптомы: Кеннеди страдал болезнью Аддисона, редким и опасным заболеванием, возникающим вследствие того, что надпочечники не производят необходимые гормоны. Хроническая надпочечниковая недостаточность вызывает многочисленные расстройства, которые затрудняют постановку диагноза. Этим, по крайней мере, частично, можно объяснить тот факт, что болезнь Кеннеди так долго не могли определить, хотя описана она была еще в девятнадцатом веке. Правильный диагноз, по-видимому, спас ему жизнь, так как без лечения болезнь приводит к смертельному исходу, а регулярный прием кортизона, хотя и имеет неприятные побочные действия, позволяет контролировать состояние больного. Несмотря на то, что в дальнейшем у Кеннеди продолжались мучительные боли в спине и другие недомогания, вскоре после начала лечения кортизоном тяжелейшие симптомы болезни, которые он испытывал с детства, стали постепенно отступать. Кортизон придал коже Кеннеди смугло-румяный оттенок и добавил «солидности» его сухопарой фигуре [78].

В юности Джек был окружен множеством друзей, но, занявшись политикой, начал постепенно отдаляться от них. Сохранив дружбу с Лемом Биллингсом и еще несколькими старыми приятелями, он мало виделся с остальными и не заводил новых товарищей, хотя, как это обычно бывает с известными людьми, имел много знакомых, которые называли себя его друзьями. У Джека не было особой близости даже с собственными родными братьями и сестрами. Он плохо знал их, поскольку, будучи намного моложе, они росли, когда он жил в интернате, учился в университете или служил во флоте. После смерти Джо-младшего самым близким человеком из их числа для него стала сестра Кэтлин, которая во время войны переселилась в Англию. Ее первый муж, маркиз Хартингтон, погиб на фронте. Вскоре после войны у нее начался роман с Питером Вентвертом, восьмым графом Фитцуильямом. Роза Кеннеди была категорически против отношений Кэтлин с Фитцуильямом, который не был католиком и у которого в это время шел бракоразводный процесс с первой женой. Роза даже угрожала отречься от дочери, если та надумает

выходить за него замуж. Джек всячески поддерживал сестру, роман которой с Фитцуильямом, несмотря на угрозы матери, продолжался. Весной 1948 года, игнорируя предупреждение об опасных погодных условиях, Кэтлин и Питер отправились на юг Франции на борту частного самолета и погибли, когда самолет врезался в гору. Для семьи это была уже вторая горестная утрата. Угнетенный потерей еще одного дорогого ему человека, Джек впал в депрессию и несколько недель не мог прийти в себя. Позже он сблизится с младшими Кеннеди, особенно сестрой Юнис и братом Бобби, но пока чувствовал себя очень одиноким [79].

* * *

В этот печальный момент своей жизни Джек с головой окунулся в мир политики. Начался его второй срок в Конгрессе, но он по-прежнему стремился минимально участвовать в повседневной работе комитетов и заседаниях Палаты представителей. Большую часть времени он проводил в Массачусетсе, в то время как в Вашингтоне за него трудились его многочисленные талантливые помощники. Он же сосредоточился на подготовке к выборам в Сенат в 1952 году: начал ездить по штату, встречаясь с избирателями за пределами своего округа; и научился эффективнее общаться с аудиторией. В своих выступлениях он в основном затрагивал проблемы внешней политики, коммунистической угрозы и Холодной войны, которые не вызывали серьезных разногласий у жителей штата Массачусетс — его избирателей. Принципы Холодной войны он отстаивал даже более воинственно и агрессивно, чем лидер его партии президент Гарри Трумэн. Так, когда в октябре 1949 года пал режим Чан Кайши, он присоединил свой голос к тем, кто обвинял в таком развитии событий специалистов по Китаю Оуэна Латтимора и Джона Кинга Фэрбэнка, а заодно и весь Государственный департамент. Кеннеди, в частности, утверждал: «Наши дипломаты и наш президент разбазаривают то, что наши солдаты по крупицам собирали во время войны» [80].

Хотя Кеннеди и не был демагогом-антикоммунистом, он в то время разделял взгляды своего друга сенатора Джо Маккарти, которого в 1952 году назвал «великим американским патриотом» [81]. Он с энтузиазмом поддержал билль Маккарэна-Уолтера, против которого резко выступали либералы. Трумэн наложил на законопроект вето, но Конгресс преодолел президентское вето, и закон, обязывающий коммунистов проходить регистрацию, а Министерство юстиции — расследовать их деятельность, был

принят. Через много лет, когда Кеннеди искал поддержки либеральных демократов, те припомнили ему его позицию при голосовании билля [82].

К началу 1952 года Кеннеди стал кандидатом Демократической партии на выборах в Сенат от штата Массачусетс. Его соперником был республиканец Генри Кэбот Лодж, дослуживающий в Сенате третий срок и баллотирующийся на четвертый. Лодж, внук влиятельного массачусетского сенатора с тем же именем, того самого, который, будучи председателем Комитета по международным отношениям в Сенате, возглавил оппозицию против президента США Вудро Вильсона по вопросу вступления в Лигу Наций, производил впечатление грозного противника. Однако против Лоджа играл целый ряд факторов. В 1952 году он руководил проведением президентской кампании Дуайта Эйзенхауэра, что ограничивало его активность в собственной предвыборной сенатской гонке. Кроме того, его энергичная поддержка Эйзенхауэра охладила отношения Лоджа с теми массачусетскими республиканцами, которые бы предпочли, чтобы Республиканская партия выдвинула на пост президента более консервативного кандидата Роберта Тафта.

Но самым неблагоприятным фактором для Лоджа на выборах 1952 года стал Джо Кеннеди. Как и раньше, он участвовал почти во всех аспектах предвыборной кампании своего сына — о чем последний даже не всегда догадывался. Джо организовал свою собственную, скрытую от посторонних глаз кампанию в поддержку кандидатуры Джека, действующую независимо от официальной. Его самые преданные, работающие с ним всю жизнь, помощники незаметно контролировали появления Джека на разных мероприятиях, публиковали и распространяли агитационные материалы и — главное — помогали правильно распределить деньги между разными комитетами и общественными группами, которые могли дать дополнительные голоса избирателей. Джо уволил одного из самых верных помощников Джека, заменив его младшим братом — Робертом Кеннеди, который очень быстро проявил себя талантливым и незаменимым организатором. Теперь Бобби, а не Джо, возглавил избирательную кампанию брата. Но это совсем не означало, что Джо отошел от дел. Он без лишнего шума уговорил издателя газеты *New Bedford Standard-Times*, которая до этого поддерживала Тафта, агитировать консервативно настроенных республиканцев голосовать за Джека. Кроме этого, Джо тайно встретился с Джоном Фоксом, владельцем газеты *Boston Post*, который уже пообещал поддержку Лоджу, и убедил его изменить решение. Вскоре после встречи Фокс, который испытывал серьезные

финансовые трудности, получил от Джо ссуду в полмиллиона долларов [83].

Хотя Джек иногда и жаловался на чрезмерное участие отца в предвыборной агитации, из-за собственного вялого стиля ведения кампании, сам он был вынужден передать все бразды правления Джо. Джек практически никогда не интересовался ни источниками денежных ресурсов, ни статьями расходов. И на протяжении всей кампании он пользовался при встречах с избирателями большой поддержкой со стороны семьи. [84] Почти наверняка своей победой над Лоджем, достигнутой с незначительным перевесом, всего в 3 %, или 70 тысяч голосов, Джек был обязан тщательно продуманным и щедро финансируемым действиям Джо Кеннеди и его команды. Тем не менее, это был настоящий триумф. Джек победил одного из самых ярких представителей Республиканской партии, и ему удалось добиться этого личного успеха на фоне двойной убедительной победы республиканцев: на выборах в Конгресс и президентских выборах, которые привели в Белый дом Эйзенхауэра.

Многие годы спустя в интервью Роза Кеннеди говорила о своем отце, бывшем бостонском мэре Джоне Фицджеральде: «В моем воображении он представал мальчиком, которого пустили погреться в комнату для слуг в доме Генри Кэбота Лоджа-старшего. Тем зимним вечером, разнося газеты по домам бостонцев, он даже в самых смелых мечтах не мог предположить, как далеко уйдет он сам и его потомки от этого дрожащего от холода мальчишки» [85]. Для Розы и, в значительной степени, для Джо победа Джека была актом возмездия за многолетнюю дискриминацию ирландцев, за все оскорбления и унижения, которым подвергались ирландские семьи. Для Джека, однако, эти давнишние обиды почти ничего не значили. Сын богатого и влиятельного человека, он принимал, как само собой разумеющееся, и свою комфортную жизнь, и свою принадлежность к миру американской аристократии. Он редко вспоминал о трудном прошлом своих ирландских предков. Вместо этого он думал о будущем.

* * *

Даже став сенатором, Джек все никак не взрослел. Он продолжал полагаться на узкий круг близких друзей, прежде всего Лема Биллингса. Сохранял какую-то студенческую любовь к скабрезным шуткам и разгульным вечеринкам, а также

одержимость женским полом. Он, словно нарочно, держал дистанцию между собой и миром, к которому, однако, хотел принадлежать. Найджел Гамильтон, автор книги о молодых годах Кеннеди, восхищается своим героем, но завершает его портрет следующими словами: «Умный, смелый, красивый, одновременно застенчивый и харизматичный; с юношеским идеализмом и деньгами. Однако, как всегда бывает, чего-то ему не хватало, возможно, глубины или целеустремленности… Завоевав любовь избирателя или женщины, он словно не знал, что ему дальше делать с этой победой, не умея извлечь из нее что-то более значительное и важное» [86].

Хотя Кеннеди так и не избавился от беспечности и независимости взглядов и поступков, он, безусловно, становился более серьезным по мере продвижения вверх по карьерной лестнице. Состояние его здоровья порой внушало опасения, но он уже не был тем молодым человеком, который временами боялся, что ему осталось жить всего несколько лет. Доказательством произошедших с Джеком перемен было его решение жениться.

Жаклин Бувье не казалась подходящей парой для Джека Кеннеди. Эта аристократка и законодательница мод вращалась в изысканном обществе, имела утонченный вкус и интересовалась искусством и литературой. Джек, хотя и был на двенадцать лет старше, по-прежнему вел образ жизни студента и жил в одном доме с друзьями. Едва ли он разделял ее интеллектуальные увлечения, а она — его интерес к политике. Познакомились они в 1951 году через друзей семьи. Что касается их семей, то, несмотря на различия, у них было и много общего. Конечно, с одной стороны, семья Бувье принадлежала к аристократии, но не была очень богатой, а семья Кеннеди еще не стала по-настоящему аристократичной, но обладала огромным состоянием. Но с другой стороны, в обеих семьях властные отцы подчиняли своей воле молодых людей и своими многочисленными любовными похождениями заставляли страдать жен. Мать Жаклин ушла от распутного мужа и вышла замуж вторично, за богача Хью Очинклосса, наследника огромного нефтяного бизнеса.

Жаклин не была похожа ни на одну из женщин, которых Джек знал до нее. Почти все они — и те, с кем он проводил одну ночь, и те, с кем имел более длительные отношения, — были для него всего лишь сексуальными партнерами (за исключением Инги Арвад). Вне всяких сомнений, Жаклин была красавицей, а его всегда привлекали только красивые женщины. Но Жаклин поразила его не одной лишь яркой внешностью, но и интересом к искусству, готовностью защищать свое мнение, даже своей отстраненностью от клана Кеннеди. Было в ней что-то такое, что

Лем Биллингс назвал «порода». В свою очередь Роза не могла не оценить того факта, что будущая невестка, по крайней мере, была католичкой. Молодые поженились 12 сентября 1953 года в роскошном поместье Очинклосса в Ньюпорте, штат Род-Айленд. Организацией свадебной церемонии занимались почти исключительно родственники жениха, так что Жаклин могла с самого начала семейной жизни почувствовать, как нелегко ей будет войти в ревностно оберегающий свою сплоченность клан Кеннеди [87].

Кеннеди понимал, что статус холостяка будет мешать его политической карьере, но по-прежнему не хотел связывать себя узами брака. Весной 1953 года, когда ему уже исполнилось тридцать шесть, и он был серьезно увлечен Джеки, Кеннеди связался с газетой *Saturday Evening Post*, и они напечатали очерк о нем под выразительным названием «Молодой веселый холостяк» [88].

Как оказалось в дальнейшем, женитьба не очень изменила стиль его поведения, который Жаклин позже охарактеризовала как «яростную независимость», что подразумевало неистребимое женолюбие [89]. Джеки философски относилась к мужчинам, и, по-видимому, была готова смириться с супружеской неверностью, считая ее неизбежной (к такому печальному заключению она пришла на опыте собственного отца). Но сочетание отчужденности Джека и его невероятного донжуанства стало для нее настоящим шоком. Джеки также не ожидала, что у мужа окажутся столь серьезные проблемы со здоровьем. Сильнейшие боли в спине вынудили его согласиться на несколько тяжелых и опасных операций. В 1954 году во время одной из них он был близок к смерти. (Врачам он сказал, что лучше умереть, чем так страдать, хотя и в предыдущие, и в последующие годы продолжал жить с постоянными болями.) Операции имели лишь частичный успех, и Джек до конца жизни мучился болями в спине. Друг семьи позже вспоминал, что «после первого года замужества Джеки ходила так, словно пережила авиакатастрофу» [90]. Однако их брак не был фиктивным. Джек явно восхищался Джеки, а она была очарована им. В конечном счете, они научились принимать друг друга со всеми недостатками и разногласиями. Хотя Джек порой изменял жене, супружество сделало его более серьезным и целеустремленным [91].

* * *

Став сенатором, Кеннеди подобрал себе замечательный штат

помощников, среди которых надо, прежде всего, отметить двадцатичетырехлетнего юриста Теодора Соренсена. Именно этот человек способствовал переходу молодого сенатора на более либеральные позиции. (Как-то, защищаясь от обвинений в консерватизме, Кеннеди сказал Соренсену: «Не забывайте, что в Конгресс я попал прямо из дома своего отца» [92].) Наибольшую ценность для Кеннеди представлял литературный дар Соренсена: тот умел взять несколько идей своего босса, добавить парочку своих и превратить все это в безукоризненные по стилю и убедительные по содержанию речи и статьи. Благодаря Соренсену подписанные Кеннеди статьи стали появляться в серьезных журналах, например, в *Atlantic Monthly* и *New Republic*. В них Кеннеди представал искушенным политиком, умным и преданным идеям демократии сторонником холодной войны. Но теперь он также понимал, что нужно предпринимать серьезные шаги, чтобы заслужить доверие жителей Массачусетса и, в конечном счете, всего американского народа. Соренсен помог Кеннеди сформулировать идеи относительно внутренней политики, к которой сенатор раньше не проявлял большого интереса [93].

В первые годы пребывания в Сенате Кеннеди страдал от усилившихся болей в спине и часто надолго уезжал из Вашингтона. Он не появлялся на заседаниях Конгресса более трех месяцев, и не принимал участия в голосовании по резолюции, осуждающей действия Джозефа Маккарти. Либеральные демократы, и среди них Элеонора Рузвельт, долгие годы не могли ему этого простить.

Он был в курсе событий в Сенате, общаясь с Соренсеном и другими помощниками, но в центре его внимания сейчас было совсем другое: Кеннеди писал серию биографических очерков о людях, которых он считал образцами мужества в политике и чьему примеру хотел следовать. Книга *Profiles in Courage* («Биографии мужественных людей») была опубликована и стала бестселлером [94]. Без сомнения, в ее написании в какой-то мере участвовал Соренсен, а может быть, и кто-то еще. Конечно же, никого не удивляет тот факт, что политики обычно пишут книги с чьей-то помощью, а потом издают их под своим именем. Но в 1957 году Кеннеди получил Пулитцеровскую премию за лучшую книгу в жанре биографии — хотя жюри, которое отбирало биографии на рассмотрение конкурсной комиссии, не рекомендовало ее. Существует несколько объяснений столь удивительного факта. Во-первых, в официальном обосновании своего решения Пулитцеровская комиссия отмечает ценность книги, которая «учит патриотическому и бескорыстному

служению народу» в период, когда в обществе ощущается обеспокоенность недостатком патриотизма и преданности идеалам американской нации. Во-вторых, вездесущий Артур Крок принимал самое активное участие в судьбе книги, разрекламировав ее еще до того, как она была издана. Видимо, сыграли свою роль оба фактора. При жизни Кеннеди особых дебатов вокруг авторства книги не происходило, а успех книги способствовал поднятию престижа тридцатидевятилетнего сенатора, который еще никак не проявил себя в законотворчестве [95].

Статус знаменитости не повлиял на активность Кеннеди в Сенате, но значительно усилил его политические амбиции. Пошли слухи о его возможном выдвижении на пост вице-президента в 1956 году, и Кеннеди начал энергично поддерживать Эдлая Стивенсона, который, по всей видимости, должен был стать кандидатом в президенты от Демократической партии. Он также стремился взять под свой контроль региональное отделение Демократической партии в штате Массачусетс. Для этого надо было потеснить ирландских демократов-консерваторов, давно и прочно занимавших лидирующие позиции в штате и не имевших ни малейшего намерения ими поступиться. Борьба была жестокой, но в результате пострадала репутация старой гвардии, которой пришлось отступить, и Кеннеди стал лидером демократов Массачусетса.

Отец Джека изо всех сил старался отговорить его от выставления своей кандидатуры на пост вице-президента, говоря, что Стивенсон наверняка проиграет выборы, и это поражение может дискредитировать Джека. Но Кеннеди было не удержать. Он сам озвучил документальный фильм о современной истории Демократической партии, который был показан участникам национального съезда демократов, после чего в газете *New York Times* его окрестили кинозвездой. Через несколько дней он выступил с речью в поддержку выдвижения на пост президента от демократической партии Стивенсона. Хотя автором проекта выступления являлся Артур Шлезингер-младший, участвовавший в избирательной кампании Стивенсона, Соренсен, и сам Кеннеди значительно переработали текст, добавив в него положения, которые станут в дальнейшем постоянными элементами его политической платформы. Он предупреждал о «возрастающей угрозе извне, угрозе нашему выживанию, которая требует от нас быстрого возврата к твердому и решительному руководству страной». Он с болью отмечал «отсутствие новых идей, нехватку новых лидеров, неспособность идти в ногу с новыми событиями».

И расточая похвалы в адрес Стивенсона, Кеннеди произнес фразу, которая еще не раз прозвучит в его выступлениях: «Пусть все знают, что мы выполнили свой долг перед страной» [96]. В конце концов, ставка на вице-президентство не сыграла. Стивенсон не очень-то хотел видеть Кеннеди в напарниках в президентской кампании и предпочел бы иметь на его месте южанина, однако боялся обидеть Джо и потерять его финансовую поддержку. Поэтому он решил подстраховаться и попросил съезд определить кандидата в вице-президенты. Так Кеннеди получил почетное второе место в состязании с сенатором от штата Теннеси Эстесом Кефовером. Джек был разочарован неудачей, но напрасно: сам факт рассмотрения его кандидатуры на пост вице-президента способствовал росту его популярности в рядах Демократической партии [97].

* * *

Хотя в 1958 году Кеннеди еще предстояло пройти перевыборы в Сенат, он уже задумывался о президентской кампании 1960 года. Мысль, что такой молодой и относительно неопытный политик может реально претендовать на самую высокую выборную должность в стране, многим казалась абсурдной. Но сам Кеннеди считал, что чуть ли не обязан баллотироваться в президенты — после того, как Джо-младший погиб на войне. В начале политической карьеры был такой период, когда Джек сомневался в том, может ли он — и даже хочет ли он стать президентом. Однако постепенно желания отца совпали с его собственными растущими амбициями и подчинили подготовке к сражению за кресло президента все его действия и достижения. Последних было немало: три срока в Палате представителей и два — в Сенате; известность, которую он приобрел благодаря совместным усилиям его семьи и помощников; успех «Биографий мужественных людей»; вице-президентская кампания; даже женитьба, без которой у него не было бы шансов быть избранным. После съезда Демократической партии 1956 года ни у кого в партии уже не осталось сомнений: на выборах в 1960 году Кеннеди будет весьма грозным соперником для остальных кандидатов [98].

Оставались, конечно, еще некоторые серьезные проблемы, которые предстояло либо разрешить, либо замаскировать. Его брак, с самого начала непрочный, вскоре после съезда затрещал по всем швам. Оставив беременную жену в доме ее матери, Джек отправился в отпуск в Европу — его ждал роскошный круиз вдоль

Ривьеры с сенатором от штата Флорида Джорджем Сматерсом, частым компаньоном в развлечениях с прекрасным полом. Когда у Джеки случился выкидыш, с Джеком не могли связаться в течение трех дней, после чего он прилетел в Ньюпорт и попытался восстановить отношения с женой. Происшедшее было таким потрясением для Джеки, что они решили не возвращаться в купленное недавно просторное поместье Хикори-хилл в Маклине, штат Виржиния, и продали его Бобби Кеннеди и его жене Этель. Джек и Жаклин переехали в особняк в Джорджтауне. Супруга также настояла на том, что в Хайеннис-порте они будут жить отдельно от семьи Кеннеди [99].

Но были и другие проблемы. В случае успеха Кеннеди должен был стать не только самым молодым президентом в истории страны, но и первым президентом-католиком. Никто не знал, насколько большим препятствием на пути к цели это может оказаться. Кеннеди удалось создать образ авторитетного ассимилированного политика, свободного от влияния ирландских и католических традиций, но для многих протестантов его католицизм оставался камнем преткновения [100]. В то же время некоторые либеральные демократы продолжали относиться к нему с недоверием, особенно из-за того, что он не участвовал в сенатском осуждении действий Маккарти. Для подготовки к борьбе за Белый дом Джеку нужна была убедительная победа на выборах в Сенат. К тому же, в 1960 году ему предстояло встретиться с сильными соперниками: однопартийцами Хьюбертом Хэмфри, Линдоном Джонсоном и Стюартом Саймингтоном, а также вице-президентом Ричардом Никсоном, как наиболее вероятным кандидатом от Республиканской партии.

Но сам Кеннеди был уверен, что сумеет преодолеть все препятствия. Всего через несколько дней после выборов 1956 года он принял личное решение добиваться президентского поста, с энтузиазмом воспринятое всем семейством Кеннеди. Как и в его предыдущих кампаниях, все сразу же начало само собой улаживаться. Рождение первой дочери Кэролайн в 1957 году, укрепило его брак. Это событие, наконец, принесло Джеки чувство удовлетворения своей семейной жизнью. Под впечатлением его растущей славы, сенатские коллеги направили Кеннеди работать в Комиссию по иностранным делам, что было не только престижным назначением, но и очень подходило человеку, стремящемуся иметь репутацию специалиста по внешней политике. Одновременно Кеннеди оказался любимцем прессы: на страницах популярных журналов *Life, Look, Redbook* появляются восторженно-хвалебные статьи о его жизни с портретом на первой обложке. *Saturday Evening Post* напечатала

очерк под названием *«The Amazing Kennedys»* («Эти удивительные Кеннеди»), автор которого пророчески предрекал «расцвет еще одной многочисленной семьи политиков по образцу Адамсов, Лоджей и Лафоллетов. Они не сомневаются, что настанет день, когда Джек окажется в Белом доме, Бобби займет место министра юстиции в его кабинете, а Тедди будет сенатором от штата Массачусетс» [101].

В ноябре 1958 года Кеннеди был переизбран в Сенат наибольшим количеством голосов в истории штата Массачусетс — за него проголосовали 73,6 % избирателей. «Сейчас Джек — главная звезда у нас в стране», — говорил Джо. — «Он может привлечь больше народу на благотворительный обед, чем Кэри Грант или Джимми Стюарт. Почему? Его все обожают. Поэтому Демократическая партия выставит кандидатом именно его» [102]. На протяжении своей жизни Джо Кеннеди часто ошибался. Но здесь он был прав.

Глава 3 Великая цель

Уже в 1956 году Джон Кеннеди рассматривался как возможный будущий кандидат на пост президента. К концу 1958 года, после более чем убедительной победы на выборах в Сенат, он был уже весьма влиятельным политиком. Для многих Кеннеди олицетворял то самое «новое поколение», которое упоминалось в лозунге во время его первой избирательной компании в Конгресс в 1946 году. В начале 1959 года его подготовка к президентским выборам шла полным ходом, а 2 января 1960 года в здании Сената США он официально объявил о том, что регистрирует свою кандидатуру.

Кеннеди воспринимался как совершенно новый тип кандидата: он был молод, харизматичен, богат и красноречив. Его поклонники вначале исчислялись сотнями, потом — тысячами и, наконец, — миллионами. Его участие превратило устоявшуюся рутинную процедуру президентских выборов в нечто иное — «первую современную избирательную кампанию», по выражению одного обозревателя [103]. После многолетних попыток как-то «осовременить» процесс выборов, кампания 1960 года действительно открыла новую эру в политике и новую форму лидерства. В опубликованной в 1961 году книге Теодора Х. Уайта *Making of the President 1960* («Как создавался президент в 1960 году») автор дает высокую оценку проведенной кампании, которая «очень точно отразила существующие на тот момент настроения и устремления; прошлое и будущее всех тех отдельных общин, которые вместе составляют единую Америку». По его словам, «произошла самая удивительная передача власти в мировой истории» [104].

В целом предвыборная кампания была относительно цивилизованной. В момент, когда Америка, возможно, находилась в зените мирового лидерства, выбор нового президента представлялся делом необычайной значимости [105]. Несмотря на недавно обретенную известность, Кеннеди для многих соотечественников был все еще незнакомой фигурой. Оставалось множество вопросов и сомнений. Широко распространенной была точка зрения, публично и резко выраженная Гарри Трумэном, что Кеннеди слишком молод и не готов к президентству. Линдон Джонсон поставил вопрос о состоянии здоровья Кеннеди. Значительной группе убежденных либералов-демократов, мягко говоря, внушал некоторое сомнение либерализм самого Кеннеди. И, наконец, самое неприятное: Эдлай Стивенсон, который публично заявлял, что не будет

выставлять свою кандидатуру на выборах 1960 года, в неофициальной обстановке давал понять, что не возражал бы, если бы партия выдвинула его. Таким образом, приближался день, когда Кеннеди должен был объявить о своем намерении баллотироваться в президенты, а он, несмотря на все свои значительные достижения, совсем не был уверен, что партия остановит свой выбор на нем [106].

В конце 1959 года журналист Бен Брэдли, друг и сосед Кеннеди, спросил его: «Скажи, в глубине души ты, в самом деле, веришь, что тебе удастся со всем этим справиться?» — «Да, если не допущу ни единой ошибки», — ответил Кеннеди [107]. Так в основу его избирательной кампании легли три принципа: не делать ошибок (или, по крайней мере, не признавать их), не проиграть ни одни первичные выборы и не дать себя обойти.

* * *

Между тем у Кеннеди оставался крайне опасный оппонент, имевший огромное влияние на членов Демократической партии — Элеонора Рузвельт. Бывшая первая леди, которая с восхищением относилась к Эдлаю Стивенсону и давно дружила с ним, надеялась, что он еще раз станет кандидатом от демократов. Но даже если Стивенсон не стал бы кандидатом в президенты, у нее, как и у многих американцев, были большие сомнения относительно Кеннеди. Они касались его молодости, неопытности, вероисповедания и его отца. То, что самая почитаемая женщина Америки открыто говорила об этих сомнениях, очень вредило Кеннеди. В декабре 1958 года Элеонора Рузвельт заявила в телевизионном интервью: «Отец Кеннеди развозит кучи денег по всей стране и, наверное, сейчас у него есть платный представитель в каждом штате» [108]. Обвинение было не очень далеко от истины, но все же достаточно далеко, чтобы Кеннеди стал опровергать его. В письме он осторожно замечал: «Я уверен, что вы стали жертвой дезинформации» [109]. Его слова не переубедили миссис Рузвельт, и разногласия продолжались несколько недель. В конце концов, она перестала поднимать вопрос о деньгах.

Но спустя несколько месяцев она выступила с еще более убийственным заявлением, публично нанеся ему точно спланированный удар в самое уязвимое место. На этот раз в телевизионном интервью она сказала, что сомневается, «будет ли он подходящим» кандидатом от Демократической партии, так как «если президентом станет католик, он должен будет отделить

церковь от государства. Я не уверена, что Кеннеди сможет это сделать» [110]. Подавив раздражение, Кеннеди продолжал добиваться благосклонности госпожи Рузвельт и достиг некоторых положительных результатов. Она оставалась верной сторонницей Стивенсона, но к концу 1959 года в основном перестала выступать с критическими замечаниями в адрес Кеннеди и даже начала выказывать знаки умеренного одобрения его действий: «Это человек, стремящийся оставить след в истории (возможно, из соображений честолюбия…), но мне хочется думать, что он руководствуется желанием помочь народу своей страны и человечеству в целом …, и в случае избрания он стал бы хорошим президентом» [111].

Вероисповедание Кеннеди по-прежнему оставалось главным препятствием, всюду и везде возникающим на его пути к намеченной цели. Артур Шлезингер-младший, недавно не без колебаний перешедший из команды Стивенсона к Кеннеди, предупреждал: любая открытая защита католичества может усилить враждебное отношение к Кеннеди протестантов. Он призывал Джека выступить с разъяснением, что последний «не считает религиозную нетерпимость недостатком, присущим исключительно протестантам», и что фанатизм существует и у католиков [112]. Но Тед Соренсен считал, что католическое население больших городов могло, в конечном счете, обеспечить больше голосов, чем избиратели на самом юге или фермеры [113]. Соренсен, который сам принадлежал к светским унитариям, сумел склонить часть протестантского духовенства к поддержке кандидата-католика. Менее чем за два месяца до выборов, 12 сентября 1960 года, самый широкий отклик вызвала речь Кеннеди, произнесенная им перед членами Пастырской ассоциации большого Хьюстона, в основном протестантской организации. Он, в частности, сказал: «Я верю в Америку…, где существует полное разделение церкви и государства, где католический прелат не может указывать президенту, если таковым окажется католик, как ему поступать, а протестантский проповедник не может наставлять своих прихожан, за кого им голосовать … и где никому не может быть отказано в праве занять государственную должность просто потому, что по своему вероисповеданию он отличается от президента, который вправе назначить его, или от избирателей, которые вправе выбрать его на эту должность» [114].

Проблема религии никуда не ушла и, несомненно, повлияла на результаты выборов. Вероисповедание Кеннеди, с одной стороны, добавило ему приверженцев, а с другой стороны, лишило его части голосов. Однако его усилия, направленные на

то, чтобы снять остроту вопроса, смягчили возникшую в обществе напряженность и убедили многих отказаться от восприятия религиозных убеждений кандидатов как определяющего фактора в предвыборной борьбе [115].

* * *

Обхаживая демократическую элиту, Кеннеди не забывал о необходимости агитационных поездок по меньшим штатам. Он по нескольку раз в день выступал перед большими и малыми аудиториями. Это была изнурительная работа, особенно для человека, который имел проблемы со здоровьем и страдал от постоянных болей в спине. Путешествовал он большей частью в небольших самолетах, хотя знал, сколько политиков, да и его собственные брат и сестра, погибли в авиакатастрофах на подобных машинах. Во время одного такого короткого перелета исполненный благих намерений, но неопытный пилот-любитель не справился с управлением, и самолет, прежде чем совершить аварийную посадку, некоторое время летел брюхом вверх.

Кеннеди знал, что вопрос о выборе кандидата от Демократической партии решают в основном партийные лидеры. Предварительные выборы проходили всего в нескольких штатах, и многие из них имели вполне предсказуемый результат. Но Кеннеди должен был доказать, что он может побеждать. Надо было выигрывать праймериз, и не столько для того, чтобы набрать голоса партийных делегатов, но чтобы продемонстрировать однопартийцам, что он способен добиваться успеха. Тед Соренсен организовал беспрецедентный исследовательский проект для изучения предвыборной ситуации во всех штатах, по результатам которого он потом устанавливал очередность поездок Кеннеди. Таким образом, Кеннеди сумел небольшими партиями набрать значительное количество голосов делегатов во многих малых штатах, поскольку у других кандидатов не было ни времени, ни денег заниматься такой кропотливой работой. Тем не менее, советники Кеннеди понимали, что этого недостаточно, и, чтобы продемонстрировать свою силу, он должен был победить в нескольких праймериз с сильной конкуренцией [116].

Кеннеди начал с Висконсина, аграрного штата с несколькими крупными городами и стойкими прогрессивными традициями. Его главным соперником был сенатор Губерт Хамфри, один из ведущих представителей либерального крыла партии. Многие наблюдатели предполагали, что Хамфри, который был родом из

соседнего штата Миннесота, будет иметь неоспоримое преимущество перед богачом из Новой Англии. Хамфри, неизменно веселый, задорный, настоящий свой парень, ездил по фермерским местечкам с преобладающим протестантским населением и выступал на немноголюдных (большей частью мужских) собраниях в основном в помещениях Американского легиона и школьных актовых залах. Кеннеди, спокойный красавец с изысканными манерами, работал в городах. Его выступления собирали толпы восторженных слушателей, он говорил серьезно, четко формулируя свои мысли, и держался с застенчивой сдержанностью, которая особенно нравилась женщинам. Его победа была довольно внушительной: 56 % голосов, шесть из десяти избирательных участков. Но оба кандидата знали, что она достигнута, прежде всего, за счет голосов проживающих в больших городах висконсинских католиков [117].

Победа в Висконсине не давала Кеннеди никаких гарантий на успех в будущем, но практически свела к нулю шансы Хамфри после поражения в своем родном регионе. Однако далее их борьба переместилась в Западную Вирджинию, сельскохозяйственный штат, в котором проживало очень мало католиков. Здесь Хамфри думал остановить наступательный порыв Кеннеди и возвратить свои упущенные возможности. Кеннеди воспринимал участие Хамфри в предварительных выборах в Западной Вирджинии как удачу, поскольку он создавал ситуацию состязательности, без которой его победу в штате никто бы не заметил. Коррумпированность партийного руководства в Западной Виржинии была общеизвестной: все знали, что оно ожидает денег за поддержку того или иного кандидата, как писал Теодор Уайт, «горячих денег, незаконных денег, живых денег» [118]. Платить политикам за услуги — это Джозеф Кеннеди умел. И сразу же в изобилии стали распространяться слухи об участии в предварительных выборах мафии, о тайных перечислениях немыслимых сумм. Но даже Хамфри понимал, что в Западной Вирджинии политикам платят все. Позже он сознался, что и сам дал бы им денег, если бы те у него были [119].

В начале избирательной кампании в Западной Вирджинии опросы общественного мнения показывали, что Кеннеди значительно опережает соперника. Но так было до того, как большинство жителей штата узнали, что он католик. В ответ он выступил с речью, явившейся предшественницей знаменитого Хьюстонского обращения, произнесенного несколько месяцев спустя. В ней Кеннеди попытался уверить сомневающихся избирателей в своей политической независимости и в том, что католики, так же как и протестанты, могут быть патриотами. Он

сказал: «Когда человек, стоя на ступенях Капитолия, принимает президентскую присягу, он клянется поддерживать отделение церкви от государства… И если он нарушает эту клятву, то совершает не только преступление против Конституции, за которое Конгресс может и должен подвергнуть его импичменту, но также и грех перед Богом … Грех перед Богом, потому что он клялся на Библии» [120]. Приблизительно в это же время Джо Кеннеди оплатил из своих глубоких карманов широкий показ в штате фильма, рассказывающего об испытаниях, через которые прошел кандидат во время войны, о написанной им и удостоенной Пулитцеровской премии книге, о его очаровательной семье. Помогло и участие в кампании Франклина Делано Рузвельта-младшего, который напомнил избирателям о все еще почитаемом в народе «Новом курсе». Кеннеди получил 61 % голосов и заставил Хамфри выбыть из предвыборной гонки. Но вопрос о выдвижении кандидатуры самого Кеннеди все еще оставался открытым, и никто не мог предсказать, к какому решению придут делегаты, собравшиеся на съезд Демократической партии в Лос-Анджелесе [121].

* * *

В 1960 году Эдлаю Стивенсону исполнилось шестьдесят лет, столько же, сколько было Дуайту Д. Эйзенхауэру, когда его избрали президентом в 1952 году. Дважды выдвигавшийся кандидатом в президенты от демократов, и дважды проигравший выборы, Стивенсон не хотел в третий раз объявлять себя кандидатом. Хотя он почти до самого конца придерживался этой позиции, немногие верили в его искренность. Для целого поколения либеральных демократов, влюбленных в его ум и безукоризненные манеры, в его смелую либеральную риторику (не всегда совпадающую с реальными действиями), Стивенсон оставался идеальным кандидатом. Если кто-то и мог остановить Кеннеди, то этим человеком, вероятно, был Стивенсон [122].

В течение нескольких месяцев перед съездом Стивенсон и Кеннеди вели теплую, даже можно сказать сердечную переписку. Стивенсон прислал Кеннеди свои «самые искренние поздравления» с победой в Западной Виржинии, а позже от него продолжали приходить короткие письма со словами ободрения и поддержки. В мае он написал: «Вы молодец!» [123]. Они часто разговаривали по телефону и время от времени встречались лично, чтобы обсудить предвыборные события.

Стивенсон не делал ни единого намека на собственные

президентские амбиции, вместо этого он давал Кеннеди советы, как лучше добиться успеха на съезде. В ответных письмах Кеннеди восхищался выступлениями Стивенсона и благодарил его за ценные рекомендации и поддержку [124].

Но оба политика знали, что их, по словам Кеннеди, «необыкновенно сердечные отношения» скрывают ревностное и необычайно сложное соперничество [125]. В глубине души Стивенсон лелеял надежду на выдвижение, но признаваться в этом не хотел. И поскольку его многочисленные сторонники стали предлагать его кандидатуру, его стремление крепло. Стремясь помешать успеху кампании Кеннеди, он в то же время прилагал все усилия, чтобы убедить того в случае победы на выборах, дать ему один из ключевых постов в администрации — желательно, пост госсекретаря. Их взаимное притяжение, приправленное соперничеством, нашло отражение в письмах и телефонных разговорах других участников предвыборной кампании [126].

Артур Шлезингер, давний друг и соратник Стивенсона, ставший теперь союзником Кеннеди, был одним из главных посредников в их отношениях. В письме Кеннеди Шлезингер осторожно упоминал двойственность отношения Стивенсона, которого он называл «наш общий друг», и так описывал свое впечатление от их разговора: «Он, видимо, чувствует, что рассказал слишком многим людям (в том числе теперешним кандидатам) о своем неучастии в выборах, и теперь его согласие на выдвижение кандидатом в президенты будет воспринято как нарушение данного слова» [127]. Но Шлезингер не передал Кеннеди всего, что знал. В мае он написал в дневнике, что, по его мнению, Стивенсон поощряет действия своих сторонников по выдвижению его кандидатуры. В разговоре с Шлезингером Стивенсон сказал: «Мне звонили и говорили, что Кеннеди очень мешает его молодость и его вероисповедание». Сторонники Стивенсона настаивали, что «единственным выходом из этой ситуации может быть выдвижение Стивенсона кандидатом на пост президента, а Кеннеди — вице-президента страны». Стивенсон по-прежнему отказывался заявить о своем участии в выборах, но в то же время не соглашался открыто поддержать кандидатуру Кеннеди. Своим политическим союзникам, настаивающим на его выдвижении, Стивенсон сказал: «Если вы что-то будете делать в этом направлении, делайте это от своего имени» [128].

Сам Шлезингер разрывался между двумя кандидатами. Вслед за провалом встречи руководителей СССР и США в Париже (после того, как советская ракета сбила летевший над Советским Союзом

американский самолет-разведчик U–2, пилотируемый Френсисом Гэри Пауэрсом) сторонники Стивенсона воодушевились и стали утверждать, что он лучше, чем Кеннеди, подготовлен к действиям в подобной критической ситуации. По этому поводу Шлезингер оставил в дневнике загадочное высказывание: «Стивенсон более компетентен, но … поскольку он не кандидат, я за Кеннеди», после чего улетел в Берлин, радуясь тому, что на какое-то время покинет поле битвы [129].

* * *

Когда в июле в Лос-Анджелесе начался съезд демократов, невозможно было предугадать, кто же, в конце концов, станет кандидатом от партии на предстоящих президентских выборах. Казалось, должен был победить Кеннеди, обеспечивший себе максимальную поддержку делегатов. Но у него не было надежного большинства, и он понимал, что против него выступают значительные силы, среди которых не последнее место занимают сторонники Стивенсона.

Уже со второго дня съезда делегатов встречали толпы народа, с энтузиазмом скандирующие лозунги в поддержку Стивенсона. Шлезингер вспоминал, что куда бы ни пошел Стивенсон, «толпа неистовствовала от восторга» [130]. По словам Теодора Уайта, когда Стивенсон направился на свое место делегата от штата Иллинойс, «зал взорвался восторженными аплодисментами, делегаты и гости долго не отпускали его, пока, наконец, его удалось вырвать из плена всеобщей любви и энтузиазма и усадить на положенное место» [131]. Дальше дела Кеннеди пошли еще хуже, так как сенатор от штата Миннесота Юджин Маккарти произнес необыкновенно прочувствованную речь в поддержку номинации Стивенсона. Он обращался к тем демократам, которые хранили глубокое уважение к Стивенсону, а таких было немало. «Не отвергайте этого человека, — взывал он. — Не отвергайте человека, который заставил нас всех гордиться тем, что мы демократы. Не лишайте пророка заслуженной дани уважения в его собственной партии» [132]. Даже преданные сторонники Кеннеди были потрясены горячим приемом, оказанным Стивенсону. Шлезингер признался в дневнике, что на какой-то момент засомневался в правильности своего решения перейти на сторону Кеннеди.

«Ажиотаж вокруг Эдлая» был опасен для Кеннеди не потому, что Стивенсон реально мог одержать победу (в конечном счете, он получил только 5 % голосов делегатов). Он создавал угрозу

единству сторонников Кеннеди, увеличивая тем самым шансы на успех других его соперников, самым серьезным из которых был сенатор от штата Техас Линдон Джонсон. Техасец не участвовал в праймериз и не проводил собственную кампанию, всего за неделю до открытия съезда объявив, что будет бороться за право стать кандидатом в президенты. Действия Джонсона служили иллюстрацией возникшего противостояния нового и старого в практике выдвижения единого партийного кандидата. Джонсон считал, что именно национальный партийный съезд должен «решить, кто может наилучшим образом возглавить партию и страну» [133]. По его мнению, партийные лидеры должны определить кандидата, независимо от результатов предварительных выборов и опросов избирателей. До 1960 года почти на всех съездах все именно так и происходило. В отличие от Джонсона, Кеннеди начал кампанию в поддержку своей кандидатуры задолго до начала съезда, мобилизуя своих сторонников по всей стране и добиваясь побед во всех праймериз [134].

В хаосе съездовских дебатов было трудно понять, кто же, в конце концов, получит партийный мандат. За неделю до съезда Гарри Трумэн пошел в атаку на Кеннеди, утверждая, что исход съезда предрешен в пользу последнего и объявив, что в таких условиях он отказывается от места в делегации штата Миссури. Он обвинил Кеннеди в «покупке» выдвижения его кандидатуры, а также в том, что тот оказывает недопустимое давление на делегатов, заодно посетовав на недостаточную зрелость кандидата для президентского поста [135].

Но оппонентам оказался не по зубам хорошо смазанный механизм кампании Кеннеди, отлаженный неустанными усилиями его брата Роберта и молодых помощников, полных идеализма и решимости идти к победе. Утром 14 июля, в день голосования, Роберт Кеннеди собрал свое воинство и сообщил, что у них есть 740 надежных голосов за его брата, но до большинства не хватает еще двадцати одного. Ни один другой кандидат не мог похвастаться хотя бы приблизительно такими результатами. Теперь, когда некоторые выдвиженцы от штатов, так называемые «любимые сыновья», которые оказались на скамейке запасных, окончательно вышли из игры, эти несколько последних голосов, казалось, просто не могли не отыскаться. Было очень важно, чтобы Кеннеди добился победы уже в первом туре. Его команда опасалась, что в случае, если будет назначен второй тур голосований, уверенности в победе просто не будет. В новом сражении за право стать кандидатом старая гвардия партийных боссов и выборных чиновников имела бы куда больше

рычагов воздействия на делегатов.

Когда началось голосование, Кеннеди находился рядом с верными делегатами. Хотя не все «любимые сыновья» окончательно вышил из игры — многие еще надеялись, что состоится второй тур голосования, — определенное число делегатов перешло на сторону Кеннеди — и этого было достаточно для победы в первом туре. После того, как проголосовала последняя делегация — от штата Вайоминг, — стало ясно, что он набрал больше голосов, чем требовалось для выдвижения кандидатом. Из других кандидатов только Линдон Джонсон получил больше сотни голосов, при этом его результат лишь немного превысил половину количества, набранного Кеннеди. В нарушение традиции, вечером того же дня Кеннеди выступил перед делегатами, поблагодарив их за поддержку. Всего за несколько часов до этого состоялась его теплая встреча со Стивенсоном, о котором, похоже, все уже успели забыть [136].

* * *

У Кеннеди не было времени сполна насладиться своим триумфом. В безумном напряжении предшествовавших съезду недель никто из его окружения всерьез не задумывался над кандидатурой вице-президента, а теперь до ее оглашения оставалось всего двадцать четыре часа. Но пока команда победителя торопливо составляла список возможных кандидатов, сам Кеннеди уже, по-видимому, принял решение пригласить себе в напарники Линдона Джонсона.

У него были веские причины остановить свой выбор на Джонсоне, крупном партийном деятеле, влиятельном и опытном лидере демократов в Сенате, который мог в случае необходимости взять на себя президентские обязанности. Еще более значимым для Кеннеди было то, что Джонсон мог внести весомый вклад в успех их президентской кампании в Техасе и других южных штатах. Это был очень важный момент, учитывая, что, по словам одного из помощников, Кеннеди получил на съезде «меньше голосов делегатов от южных штатов, чем любой другой кандидат на должность президента в истории Демократической партии» [137]. Южанам явно не понравилось, что предвыборная платформа, разработанная конгрессменом-либералом от штата Коннектикут Честером Боулсом, содержала пункт о гражданских правах, в котором предлагались широкие и жесткие меры по борьбе с сегрегацией [138].

Хотя Джонсон, действительно, мог помочь Кеннеди на юге, он

создавал для него проблемы в отношениях с некоторыми либералами на севере, считавшими южанина слишком консервативным. Но, наверное, самое яростное сопротивление кандидатура Джонсона вызвала внутри семьи Кеннеди. Роберт Кеннеди не скрывал своей неприязни к Джонсону, обвиняя его (абсолютно справедливо) в распространении слухов о критическом состоянии здоровья Джека. Он, как и некоторые другие, надеялся (и временами даже верил), что Джонсон не поступится своим влиятельным положением в Сенате ради заведомо тусклой роли вице-президента. Однако Джонсон уже решил принять предложение Джека, если таковое последует. Вокруг того, как Джонсон оказался в одной упряжке с Кеннеди, ходило много слухов, некоторые из которых пережили десятилетия. По одной версии, Кеннеди предложил вице-президентство Джонсону исключительно из желания польстить самолюбию последнего, будучи уверенным, что Джонсон ответит отказом. По другой, Роберт Кеннеди пытался убедить Джонсона отказаться от сделанного ему предложения. Более вероятной представляется версия, согласно которой Кеннеди был искренен в своем желании идти на выборы в паре с Джонсоном, и Джонсон тоже этого хотел. Объявление об их совместном решении вызвало на съезде непродолжительную бурю протестов со стороны лидеров профсоюзов, защитников гражданских прав и крайних либералов, после чего кандидатура Джонсона была без проволочек одобрена [139].

Ранним вечером 15 июля Кеннеди выступил перед собравшимися на стадионе «Лос-Анджелес Мемориал Колизей» и миллионами телезрителей, как кандидат в президенты от Демократической партии. Его речь должна была, с одной стороны, залечить раны, нанесенные друг другу в борьбе за выдвижение, с другой стороны, наряду с острой критикой будущего оппонента-республиканца, воодушевлять слушателей смелыми замыслами и щедрыми обещаниями. «После восьми лет беспокойного гипнотического сна нашему народу необходимо, чтобы в Белом доме появилось сильное инициативное демократическое руководство». Настало время для энергичных действий и новых идей.

«Сегодня мы стоим на пороге новых рубежей, рубежей шестидесятых годов двадцатого столетия, рубежей неизведанных возможностей и неведомых опасностей, рубежей несбывшихся надежд и грозных предзнаменований. Программа „Новая свобода“ Вудро Вильсона обещала народу новую политическую и экономическую структуру общества. Программа „Новый курс“ Франклина Рузвельта обещала помощь и защиту нуждающимся.

Но программа „Новые рубежи“, о которой говорю я, содержит не обещания. Она ставит перед нами новые задачи. В ней не то, что я намерен предложить народу, а то, о чем я намерен его просить. Я обращаюсь к вашему чувству собственного достоинства, а не к вашим кошелькам. Моя программа не обещает вам благоденствия и безопасность, она требует от вас новых жертв» [140].

* * *

После съезда Кеннеди, как и обещал жене, которая ждала второго ребенка, проводил отпуск с семьей в Хаяннис-Порте. В течение нескольких дней они с Джеки плавали на яхте, читали, играли с Кэролайн, племянниками и племянницами, — и все это тщательно снималось на пленку, чтобы позже использовать в избирательной кампании. Но очень скоро отдых закончился, и Кеннеди вместе со своей командой приступил к разработке стратегии предстоящей кампании, нетерпеливо ожидая окончания съезда Республиканской партии, после которого и должно было развернуться настоящее предвыборное сражение.

Во время подготовки к общенациональным выборам руководство кампанией Кеннеди осуществлялось так же строго и четко, как и в период его участия в предварительных выборах. Повседневную работу по-прежнему контролировал Роберт Кеннеди, который следил, чтобы никто не отклонялся от плана и не выбивался из графика. Как и всегда, кампания хорошо финансировалась. Джек проводил много времени, участвуя в обычных предвыборных мероприятиях: выступил с речью перед рабочими автомобильной промышленности на площади Кадиллак-Сквэр в Детройте, ездил в открытых автомобилях по центральным улицам городов, десятками произносил зажигательные речи с импровизированных трибун на встречах (каждое выступление слегка подгонялось под конкретное место или событие, но основная часть повторялась). Он продолжал рассуждать на свою любимую тему о том, что «страна снова придет в движение», но не забывал также ссылаться на наследие «Нового курса», чем завоевал благосклонность тех многочисленных либералов, которые ранее сомневались в его преданности принципам рузвельтовской внутренней политики. В начале осенней кампании кандидат от Республиканской партии вице-президент Ричард Никсон, по данным национальных опросов, опережал Кеннеди на скромные, но значимые, шесть процентов. Такой результат вряд ли мог кого-то удивить, так как Никсон был намного более известной фигурой, чем Кеннеди.

Последнему еще предстояло завоевывать голоса не только приверженцев Демократической партии — голоса беспартийных избирателей, либералов в рядах республиканцев и прочих [141].

На Кеннеди работал не только отлично смазанный механизм его кампании, ему помогали также проблемы и ошибки его соперника, а их у Ричарда Никсона было более чем достаточно. Вскоре после выдвижения его кандидатуры в президенты он повредил колено, рана инфицировалась, он две недели пролежал в больнице и до конца кампании чувствовал себя слабым и больным. Никсон пообещал посетить все пятьдесят штатов, но оказалось, что выполнение этого обещания заставляет его терять время на малые штаты, победа в которых ему уже и так обеспечена, вместо того, чтобы летать в «колеблющиеся» штаты, где еще можно было изменить ситуацию в свою пользу. Хорошо отдохнувший Кеннеди почти полностью сосредоточился как раз на важных «колеблющихся» штатах, в то время как Никсон, изможденный и охрипший, носился с одной встречи на другую во всех.

Еще большую проблему Никсону создавали его отношения с президентом Эйзенхауэром, который оставался самым популярным политиком в стране. В целом Никсон хотел обойтись без поддержки президента, считая, что ему необходимо самостоятельно заявить о себе как о лидере. Но мнение президента о вице-президенте оставалось важным моментом кампании. Какое-то время Эйзенхауэру удавалось уклоняться от ответов на многочисленные вопросы прессы о том, что сделал Никсон в роли вице-президента и какие решения он принял. Эйзенхауэр справедливо заметил, что вице-президент не принимает решений, поскольку это прерогатива президента. Но его продолжали одолевать вопросами, и, в конце концов, президент допустил оплошность. В ответ на просьбу корреспондента «привести пример какой-нибудь значительной идеи, [поступившей от Никсона], которую вы потом использовали», раздраженный Эйзенхауэр огрызнулся: «Если вы мне дадите неделю, я, возможно, и вспомню. А так не припоминаю». Позже он извинился за сказанное, но так и не признал участия Никсона в предложении каких-либо решений [142].

Важнейшим событием предвыборной кампании 1960 года были первые президентские дебаты. Как у Кеннеди, так и у Никсона были причины не хотеть в них участвовать хотя бы потому, что практика проведения прямых телевизионных дебатов была беспрецедентной, и никто не знал, чем они могут обернуться для кандидатов.

Кеннеди очень рисковал, поскольку любая допущенная им серьезная ошибка могла свести на нет его шансы на победу. Закаленный в спорах с политическими оппонентами Никсон был уверен в своих силах, не осознавая, что его опытность могла обернуться против него. Советники Никсона настаивали, чтобы он отказался от дебатов, которые, по их утверждению, были выгодны только Кеннеди, но Никсон их не слушал. Позже, в первых из своих многочисленных мемуаров он писал: «Я чувствовал, что мне совершенно необходимо не просто согласиться на публичную дискуссию, а с энтузиазмом приветствовать возникшую возможность. Если бы я отказался, меня можно было бы обвинить в трусости и нежелании защищать репутацию администрации президента и свою собственную» [143].

Опросы общественного мнения перед дебатами показывали, что борьба шла на равных. После четырех раундов ситуация осталась столь же напряженной. Конечно же, первый раунд был определяющим, так как избиратели впервые имели возможность сравнить двух стоящих перед ними кандидатов. Особое значение событию придавал размер телевизионной аудитории, на то время почти невероятный — 70 миллионов зрителей, или практически три четверти взрослого населения Америки [144].

Кеннеди начал с тезисов, которые он постоянно повторял на протяжении всей своей долгой кампании: Америка стоит перед угрозой распространяющегося по планете коммунизма; только сильная и процветающая Америка сможет гарантировать сохранение свободы. «Я должен заявить с полной ясностью, что, по моему мнению, мы не делаем всего возможного. Как американца, меня не удовлетворяют темпы нашего прогресса», — говорил он. Дальше шел список невыполненных обязательств и нереализованных возможностей: нестабильная экономика, «производственные мощности сталелитейной промышленности используются всего на пятьдесят процентов», дети голодают, школьное образование ухудшается. «Меня не удовлетворяет то, что не все американцы в полной мере пользуются своими конституционными правами», — продолжал он, обращаясь к проблеме расовой сегрегации и дискриминации, которую избегал затрагивать во время предварительных выборов. «Я думаю, что мы способны на большее», — снова и снова повторял он. «Я не хочу мириться с тем, что даром пропадают таланты хотя бы одного американца» [145].

То, что Кеннеди говорил первым, дало ему значительное преимущество перед оппонентом. После страстного выступления Кеннеди, Никсону остались только второстепенные вопросы. Он заявил, что согласен с аргументами Кеннеди по основным

положениям, но должен возразить ему по ряду деталей. «Я полностью разделяю точку зрения, высказанную сенатором Кеннеди, что Соединенные Штаты должны двигаться вперед», — сказал он вначале, но в целом почти все время посвятил попыткам оправдать действия администрации Эйзенхауэра. На протяжении всего первого тура инициатива принадлежала Кеннеди, а Никсон в основном защищался. В результате мнение, что Кеннеди «победил» в первом туре, было почти единодушным.

Внешний вид кандидатов также сыграл свою роль. Никсон, еще не полностью оправившийся от инфекции в колене, выглядел изможденным и бледным. На нем был светло-серый костюм, сливающийся с окружающим фоном и подчеркивающий нездоровую бледность его неудачно загримированного лица. «Не помню, когда еще я чувствовал себя таким слабым», — писал позже Никсон о своем состоянии незадолго перед дебатами [146]. Кеннеди, одетый в хорошо подобранный по цвету темный костюм, казался молодым, здоровым и энергичным. В то время как телезрители отдали предпочтение Кеннеди, радиослушатели были более благосклонны в оценке Никсона. Долгое время эти результаты опроса интерпретировались как доказательство того, что телевизионная аудитория оценивала кандидатов, прежде всего по их фотогеничности. Но вполне вероятно, что относительно немногочисленная группа радиослушателей отличалась от телезрителей по ряду значимых признаков (была, скажем, старше по возрасту, и возрастной фактор определил общность оценки кандидатов внутри этой группы) [147].

Последующие туры дебатов также собирали большие аудитории, хотя и меньшие, чем первая трансляция. В течение нескольких недель каждый из оставшихся трех раундов смотрели около пятидесяти миллионов человек, большинство которых не изменили свое мнение о кандидатах. Хотя эксперты и расходятся в выводах о том, кто выступил лучше в каждом отдельном туре, они почти единодушно утверждают, что дебаты оказались полезнее для Кеннеди, чем для Никсона. После их окончания, по данным опроса, проведенного институтом Гэллапа, Кеннеди опережал Никсона (51 % опрошенных против 45 %), что соответствовало росту поддержки его кандидатуры на 12 процентов по сравнению с результатами летнего опроса, когда Никсон был на 6 пунктов впереди Кеннеди [148].

После окончания дебатов и, по крайней мере, частичного снятия остроты вопроса о вероисповедании Кеннеди, наиболее взрывоопасной стала проблема, которая, как ранее надеялись оба кандидата, не проявится до выборов. Генри Кэбот Лодж, кандидат в вице-президенты от Республиканской партии, выступая в

Гарлеме, пообещал, что в случае избрания Никсон назначит на одну из должностей в своем кабинете афроамериканца. Никсон узнал об этом данном от его имени обязательстве только после события, и в стане республиканцев возникло смятение. Когда Кеннеди попросили прокомментировать публичное обещание Лоджа, он ответил, что правительственные посты должны занимать наиболее компетентные и подходящие для такой работы люди. Однако он добавил: «Я убежден, что мы должны делать больше для того, чтобы вовлечь негритянское население в управление страной», подтвердив сказанное несколькими неделями раньше в университете Говарда [149]. Через несколько дней лидер борьбы за гражданские права Мартин Лютер Кинг-младший был арестован после организованной им сидячей демонстрации против расовой дискриминации в одном из ресторанов Атланты. Его отправили в тюрьму округа Де-Калб, а потом в наручниках перевезли в каторжную тюрьму в сельской местности, где, как было известно, жизнь чернокожих заключенных подвергалась смертельной опасности. Несмотря на возражения многих из своих помощников (включая брата Роберта), Кеннеди решил позвонить Коретте Скотт Кинг, которая очень боялась, что ее мужа могут убить. Кеннеди пообещал ей сделать все от него зависящее, и через несколько часов Кинга освободили. В результате лагерь сторонников Кеннеди пополнился черными и белыми избирателями, которые посчитали его поступок проявлением мужества и сострадания. Никсон промолчал. Что касается Линдона Джонсона, то он в это время без устали вел агитацию на юге — особенно в Техасе, — мобилизуя демократов-традиционалистов и пытаясь отвлечь их внимание от участия Кеннеди в освобождении Кинга [150].

В последнюю неделю перед выборами в кампанию неожиданно энергично включился Эйзенхауэр, который помог Никсону ликвидировать отставание. Когда 8 ноября открылись избирательные участки, кандидаты, казалось, имели равные шансы на победу. После полуночи результаты продолжали поступать, но победитель так и не определился. Кеннеди отправился спать, доверив помощникам следить за результатами голосования. В 9 часов утра он проснулся и, спустившись из спальни, узнал, что подсчеты завершены, и он избран президентом. Победа досталась ему с минимальным перевесом голосов, одним из наименьших в истории президентских выборов в США: чуть больше чем на 100 тис. голосов избирателей, с преимуществом на какие-то 84 (из 537) голоса выборщиков.

Все многочисленное семейство Кеннеди собралось, и кавалькадой направилось к арсеналу в Хаяннис-Порте, где

новоизбранный президент выступил с речью, в которой поблагодарил избирателей, своих помощников и всех, кто принимал участие в его избирательной кампании, а также разочарованных поражением Эйзенхауэра и Никсона, которые прислали ему свои поздравления. Как обычно, он закончил свою двухминутную речь скромным сообщением: «А теперь мы с женой готовимся к выполнению наших новых обязанностей — и к прибавлению нашего семейства» [151].

Глава 4 Опасности «Новых рубежей»

Когда наутро после выборов Кеннеди произносил свою короткую речь в арсенале Хаяннис-Порта, у него дрожали руки. Он чувствовал себя таким измученным, что первую неделю в качестве избранного, но еще не вступившего в должность президента, провел, уединившись в отцовском доме в Палм-Биче. Но даже спустя две недели Кеннеди казался расстроенным и раздраженным. Он признавался, что его уже одолели требованиями. «Этот хочет того, тот — этого. Никому не угодишь», — жаловался он отцу по дороге на площадку для гольфа, однако не нашел сочувствия. «Если работа не по душе, можешь отказаться. Тем более что в округе Кук еще досчитывают голоса», — резко ответил Джо [152].

Отчасти, дурное настроение Кеннеди объяснялось плохим самочувствием, которое он всячески стремился скрыть. Репортерам он сообщил, что «совершенно здоров» и опроверг молву о болезни Аддисона. Его заверения повторила влиятельная *New York Times*. (Как-то Пьер Сэлинджер, пресс-секретарь Кеннеди, сказал ему: «Ходят слухи, что вы принимаете кортизон». «Да, раньше принимал, но теперь — нет», — слукавил Кеннеди [153].) Конечно, его врачи знали, что он уже много лет не может обойтись без кортизона, но хранили тайну. Почти каждый день он был вынужден подолгу лежать в горячей ванне, чтобы хоть немного ослабить боль в спине. Кеннеди удавалось выглядеть здоровым только благодаря сильным препаратам, которые выписывали ему сразу несколько докторов [154].

Однако постепенно Кеннеди восстановил силы и взялся за формирование новой администрации. Он с самого начала решил обойтись без главы администрации президента — в отличие от Эйзенхауэра и вопреки практике большинства президентов после него. Позже Соренсен писал: «Он не видел необходимости собирать общие собрания, предпочитая встречи с глазу на глаз, когда собеседники высказываются более откровенно и доверительно». Своими помощниками в Белом доме он назначал ровесников, со многими из которых его связывала многолетняя дружба. Здесь были его бостонские друзья и коллеги под общей ироничной кличкой «ирландская мафия»: Кеннет О'Доннел, Лоренс О'Брайан и Дэйв Пауэрс. (В свои 48 лет Пауэрс был самым старшим из советников в Белом Доме.) Ближайший друг Кеннеди, Лем Биллингс, не получил никакого официального назначения, но входил во «внутренний круг» президента и даже имел в Белом доме собственную спальню. Главным помощником Кеннеди

оставался Тед Соренсен, автор значительной части его речей, который также курировал вопросы внутренней (а позже внешней) политики. 41-летний Макджордж Банди, ранее бывший деканом в Гарвардском университете, был назначен советником по национальной безопасности и считался в Белом доме главным специалистом по внешней политике. 35-летний Пьер Сэлинджер, журналист из Калифорнии, стал пресс-секретарем президента и занимался связями с общественностью [155].

Если в Белом доме Кеннеди окружали друзья и ровесники, то членами кабинета были назначены опытные, занимавшие высокое общественное положение люди, причем некоторых из них он почти не знал. Государственный секретарь Дин Раск, дипломат с большим стажем, в течение восьми лет служивший помощником госсекретаря, успел зарекомендовать себя способным, хотя и слишком преданным бюрократической процедуре, руководителем в сложной структуре Государственного департамента США. Министр финансов Дуглас Диллон, опытный инвестиционный банкир, республиканец с консервативными взглядами, был заместителем госсекретаря по экономическим вопросам в правительстве Эйзенхауэра. Министр обороны Роберт Макнамара, также член Республиканской партии, почти не имевший опыта участия в военных действиях, но снискавший славу блестящего администратора в компании «Форд Мотор», мог, по мнению Кеннеди, справиться с трудно поддающимся контролю Пентагоном. Остальные министерские портфели получили члены Конгресса, губернаторы штатов и другие политики высокого ранга [156].

Заметное исключение из правил составлял брат и ближайший помощник президента Роберт Кеннеди, которого Джек хотел непременно ввести в администрацию. Позже, в интервью Бену Брэдли для журнала *Newsweek*, объясняя, почему брат был ему так необходим, Кеннеди так описал его личные качества: «[у Бобби] высокие морально-этические принципы. Он истинный пуританин, бескорыстный и неподкупный. Кроме того, он обладает потрясающей энергией управленца. У нас здесь много парней с идеями. Проблема в том, кто их будет осуществлять, а Бобби — лучший организатор, которого я когда-либо встречал» [157]. Но больше всего, по словам Джека, он нуждался в преданности Бобби.

Всем было ясно, что Бобби может быть подотчетным только президенту. «Никто из членов кабинета не мог иметь в подчиненных брата президента», — подтвердил Дин Ачесон, госсекретарь в правительстве Трумэна. Также невозможно, по собственному признанию Бобби, было включить его в аппарат

Белого дома. Его присутствие мешало бы работе остальных сотрудников. Джек высказал предложение сделать его министром юстиции, на что Бобби сначала не согласился, говоря: «Уже к концу этого года все, кому не лень, будут склонять „братьев Кеннеди“ и обвинять президента во всем, что придется сделать в области гражданских прав» [158]. Джек предложил пост министра юстиции губернатору штата Коннектикут Эврахаму Рибикофу и Эдлаю Стивенсону, но оба отказались. Бобби продолжал сопротивляться и, в конце концов, попросил президента отказаться от решения ввести его в состав кабинета. «Я должен был заняться чем-то своим», — сказал он [159]. Не приняв ответа «нет», Джек пожаловался брату, что не знает практически никого в кабинете. «Мне надо быть уверенным, что если возникнут проблемы, кто-то сообщит мне неприкрашенную правду, какой бы она ни была». Самым мощным аргументом Джека в их споре были семейные узы. «Если я могу попросить Дина Раска отказаться от карьеры …, если я могу попросить Боба Макнамару оставить пост главы компании, а ведь я почти не знаю этих людей …, то я уж, конечно, могу надеяться, что мой собственный брат не откажет мне в аналогичной просьбе» [160]. Наконец Бобби согласился.

Назначение встретило значительное противодействие. Преподаватели юридического факультета Университета штата Вирджиния, который закончил Бобби, отнеслись к карьерному продвижению своего выпускника с крайним скептицизмом. Реакция прессы была сдержанной, но только потому, что большинство изданий не хотели набрасываться с критикой на только что избранного президента. Так или иначе, кто-то уже обвинял его в кумовстве, а Бобби — в отсутствии опыта и в безжалостности (упреки в жестокосердии сопровождали его долгие годы). Вспыльчивость Бобби и его неуверенность в себе не внушали к нему симпатии ни у подчиненных в Министерстве юстиции, ни у журналистов. Байрон Уайт, его первый заместитель, набирал на работу энергичных и компетентных сотрудников, но имел сомнения относительно преданности делу и способностей своего шефа, а также, конечно, беспокоился по поводу его молодости. Бобби было тридцать пять, и он никогда не был практикующим юристом. Однако со временем он вполне освоился с работой и завоевал уважение коллег и подчиненных [161].

Больше всего хлопот новому президенту доставляли однопартийцы — пылкие сторонники рузвельтовского Нового курса, решительно отказывающиеся мириться с какими бы то ни было отклонениями от исповедуемого ими либерализма. Одним из них был Артур Шлезингер, поддерживавший Кеннеди во время

избирательной кампании, но теперь с ужасом пишущий о назначении членов Республиканской партии в кабинет новоизбранного президента. Джон Кеннет Гэлбрейт, еще один убежденный либерал и яростный кейнсианец, предлагал бороться с затянувшейся рецессией с помощью государственных расходов, которые должны были стимулировать экономическую активность, но проиграл битву еще до того, как Кеннеди пришел в Белый дом. К огорчению Гэлбрейта, его коллега и соперник Уолтер Хеллер, тоже поклонник Кейнса, но более консервативно настроенный, убеждал Кеннеди для той же цели снизить налоги. Еще большее беспокойство либералов вызывало отсутствие в администрации президента тех, кого они считали самыми достойными. «А как же Аверелл? И как начет Орвилла?» — спрашивал Шлезингер, имея в виду дипломата с большим стажем и бывшего губернатора штата Нью-Йорк Аверелла Гарримана, и такого же несгибаемого либерала губернатора штата Миннесота Орвилла Фримана [162]. Кеннеди по-прежнему доброжелательно относился к либералам, и поддерживал их, но отнюдь не стремился их задабривать. Он ввел Шлезингера в администрацию, не определив ему никакого четкого круга обязанностей. («Я обосновался в восточном крыле Белого дома и начал выяснять, что я, собственно, должен делать», — позже писал Шлезингер [163].) Почти все либералы в окружении Кеннеди были неприятно поражены его решением сохранить пост директора ФБР за Джоном Эдгаром Гувером и директора ЦРУ — за Алленом Даллесом. Очевидно, на отдаление Кеннеди от истинных либералов повлиял как тот факт, что он выиграл выборы с очень небольшим перевесом голосов, так и его собственная относительно умеренная политическая позиция [164].

* * *

Выборы прошли, но пропагандистская кампания продолжалась. Помощники Кеннеди посоветовали ему провести встречу с Ричардом Никсоном, своего рода фотосессию, чтобы продемонстрировать государственную мудрость обоих политиков. Через несколько дней после выборов, превозмогая усталость, Кеннеди вертолетом вылетел из Палм-Спрингс в резиденцию Никсона в Ки-Бискэйн. Оба чувствовали себя неловко, и говорил в основном один Никсон.

Через несколько недель состоялась еще одна, более значительная межпартийная встреча. В начале декабря Кеннеди полетел в Вашингтон, чтобы встретиться с президентом

Эйзенхауэром. Когда они впервые сели друг против друга в Овальном кабинете, ни тот ни другой не питал особого уважения к собеседнику. Но к обоюдному удивлению они произвели друг на друга гораздо большее впечатление, чем каждый из них ожидал. Позже Кеннеди сказал, что именно тогда понял, почему Эйзенхауэра выбрали президентом: «В нем чувствовалась удивительная сила» [165]. В свою очередь Эйзенхауэра приятно поразили знания и ум Кеннеди. Уходящий президент подробно объяснил, как организован его аппарат. Но он правильно понял, что Кеннеди не интересует построение управленческих цепочек. Во время их второй, и последней, встречи в Белом доме, за день до инаугурации Кеннеди, Эйзенхауэр был более решительным в своих наставлениях преемнику. Кеннеди надлежит ввести войска в Лаос, иначе коммунистические режимы будут установлены во всех странах Юго-Восточной Азии: Таиланде, Камбодже, Лаосе и Вьетнаме. К концу беседы Эйзенхауэр заговорил о Кубе, настаивая: «Мы не можем позволить их теперешнему правительству продолжать находиться у власти».

* * *

Вечером перед Днем инаугурации в Вашингтоне шел сильный снег, но утро 20 января 1961 года было ясным и солнечным, хотя и морозным. Люди, заполняя обочины вдоль Пенсильвания-Авеню, приносили с собой одеяла и горячую пищу. С утра Кеннеди побывал на службе в католической церкви Джорджтауна. Что касается предыдущего вечера, то вначале он посетил организованный Фрэнком Синатрой гала-концерт, а потом приемы для друзей и знаменитостей. (Кое-кто из приятелей утверждал, что ушел он с празднования не один, а с юной актрисой [166].)

В одиннадцать часов утра Джек и Жаклин Кеннеди выпили кофе с четой Эйзенхауэров в Белом доме, после чего оба президента поехали в одной машине по Пенсильвания-Авеню к Капитолию. Председатель Верховного суда США Эрл Уоррен принял у Кеннеди присягу президента. Оставив на стуле пальто и шляпу, новый президент произнес свою знаменитую инаугурационную речь. Часто можно слышать мнение, что она была полностью посвящена вопросам международной политики: Холодной войне, ядерному оружию, грядущим опасностям, угрозе коммунизма. Но его призыв к энергичным действиям, к движению вперед, к самопожертвованию не был просто ответом на вызов коммунистического лагеря. Его памятное обращение к

американцам, «Не спрашивайте, что страна может сделать для вас, — спросите, что вы можете сделать для своей страны» (переделанный лозунг школы Чоут), говорило о необходимости крепить чувство национальной гордости и работать во имя общего блага [167].

Кеннеди просил Роберта Фроста, одного из крупнейших поэтов в истории США, написать стихотворение, посвященное событию, но престарелый поэт не мог прочитать написанное из-за слепящего солнца.

Линдон Джонсон встал и тщетно пытался шляпой заслонить яркий свет. В конце концов, Фрост по памяти прочитал другое стихотворение. Это был долгий день, включающий, среди прочих мероприятий, многочасовой инаугурационный парад с марширующими оркестрами и разукрашенными платформами, а также официальные балы. К моменту приезда супругов Кеннеди, впервые как хозяев, в Белый дом обслуживающий персонал уже успел не только отправить вещи Эйзенхауэров в Геттисберг, но и распаковать и разложить по местам имущество семьи нового президента [168].

* * *

В годы правления Кеннеди Белый дом функционировал совсем не так, как при большинстве других президентов. Структуру аппарата сотрудников определяли принципы, изложенные в авторитетной книге политолога Ричарда Нейстадта «Президентская власть».

По совету Нейстадта, Кеннеди решил внедрить модель, которую, как они полагали, использовал Франклин Рузвельт. Они отвергли жесткий военный стиль руководства Эйзенхауэра, считая последнего рабом системы. Кеннеди остановил свой выбор на модели, которую Шлезингер назвал «подвижное президентство» [169]. Он хотел участвовать во всем, что происходило в Белом доме. Для Кеннеди было так же естественно войти в офис младшего сотрудника, которого он совсем не знал, чтобы обсудить с тем политическую проблему, как и поинтересоваться мнением по этому поводу своих самых приближенных советников. «Он упразднил пирамидальную структуру аппарата сотрудников Белого дома. Он практически игнорировал иерархические схемы и цепочки управления, которые выхолащивали и рассредоточивали его власть», — писал Соренсен [170].

Несмотря на «подвижный» характер администрации Кеннеди,

между Белым домом и остальными правительственными учреждениями существовал очевидный водораздел. Президент считал большинство чиновников федеральных служб ограниченными и мешающими прогрессу бюрократами. Он редко встречался со своими собственными министрами и мало интересовался их делами, делая исключение только для Роберта Макнамары и Роберта Кеннеди. Президент называл заседания членов кабинета «пустой тратой времени».

На протяжении чуть ли не всей американской истории государственные секретари являлись самыми значительными фигурами в правительстве. Но Дин Раск явно играл второстепенную роль, так как главным советником президента и самой влиятельной персоной в вопросах внешней политики был Макджордж Банди. Несмотря на то, что Кеннеди в течение четырнадцати лет был членом Конгресса, он не испытывал особого уважения к этому институту. Президент редко вступал в непосредственное общение со своими бывшими коллегами [171].

Из-за отсутствия иерархической структуры многие идеи беспрепятственно проходили через Овальный кабинет, тем самым подрывалась власть многочисленных высокопоставленных чиновников, как в Белом доме, так и во всем федеральном правительстве. Журналист и историк Гэрри Уиллз назвал созданную систему «партизанским правительством», «попыткой управлять *вопреки* воле правительства, … по сути лишая власти сам этот институт». Уиллз изображает Кеннеди человеком, презирающим организационные и иерархические структуры, противопоставляющим им «харизматическое лидерство», при котором он находится в точке концентрации власти [172]. Это некоторое преувеличение. Большинство президентов двадцатого и двадцать первого столетия редко встречались со своими министрами, опирались в основном на штат сотрудников Белого дома и использовали свои персональные качества для укрепления личной власти.

Но у Кеннеди действительно были черты, отличающие его от большинства предшественников: нетерпимость к бюрократическим процедурам, упрямое стремление находиться в центре принятия любого решения, желание обладать максимальной властью для того, чтобы направлять развитие событий во всем мире. Кеннеди хотел, чтобы «дело делалось» и при этом делалось быстро. Именно эта особенность завоевала ему множество почитателей как внутри страны, так и за ее пределами. Она также раздражала многих его коллег. В мае 1961 года Банди написал крайне резкую докладную записку президенту:

«У нас, действительно, серьезная проблема с организацией руководства. И главная причина ее в том, как вы используете свое время… Вас невозможно застать на месте в нужное время … Глупо назначать по три совещания на одну неделю — но откладывать их на шесть недель ничем не лучше…Сейчас невероятно трудно пробиться к вам по какому-нибудь текущему вопросу, в итоге половина документов и докладных записок, которые вы сами просите предоставить вам, так и не доходят до вас, потому что к тому времени, когда их удается вам вручить, вы уже потеряли к ним всякий интерес. Если мы задействуем персонал, и будем следить за продвижением работы, мы сможем обеспечить ответы на все ваши вопросы, а когда у сотрудников возникнет серьезный вопрос, мы сможем вызвать главного эксперта, чтобы он дал подробный ответ. Согласны попробовать?» [173]

Кеннеди попробовал и даже стал с большей терпимостью относиться к заранее планируемым совещаниям, но очень быстро ему становилось скучно. Надежды Банди упорядочить процесс принятия политических решений оказались тщетными [174].

* * *

«Потоки энергии, — вспоминал позже Шлезингер, описывая начало президентства Кеннеди, — которые исходили из Белого дома, пронизывали весь правительственный аппарат, и создавали ощущение неограниченных возможностей… Вашингтон, казалось, в едином порыве, стремился стать ярче, веселее, утонченнее и решительней. Столицу захлестнули „жизнерадостность и оптимизм. Внезапно президент оказался в центре событий… тридцать девять посланий и писем в Конгресс с законодательными инициативами, десять выдающихся мировых лидеров с визитами… девять пресс-конференций… так много перспектив и надежд“» [175].

Но первые месяцы президентства Кеннеди были отмечены не только изменениями в политике и стиле руководства. Прежде всего, они стали триумфом вкуса и изысканности. Впервые со времени Теодора Рузвельта семья президента привлекла всеобщий интерес. При этом в отличие от грузного Теодора Рузвельта, красивый и элегантный Кеннеди был обаятелен, прекрасно говорил и обладал, по словам его друга Бена Брэдли, «особым благородством» манер. Он компенсировал природную сдержанность блестящим остроумием с элементами самоиронии. На официальном обеде во Франции в 1961 году он начал свою

речь с того, что представился присутствующим: «Я человек, который сопровождает Жаклин Кеннеди в ее поездке в Париж» [176].

Сама первая леди поразила мир своей красотой, нарядами, образованностью и аристократичными манерами. В Париже она общалась с деятелями культуры и науки на безукоризненном французском языке. В Вашингтоне изменила интерьер Белого дома и потом, в начале 1962 года, провела телевизионную экскурсию, которая, несмотря на особенности ее тихого, с придыханием, голоса, собрала у телевизоров огромную аудиторию. В Белом доме Жаклин часто принимала гостей, среди которых, кроме дипломатов и политиков, всегда были известные деятели культуры. Ее платья и кулинарные рецепты служили предметом для подражания, а о нередких приступах уныния, вызванных чрезмерными требованиями к первой леди, публика не знала. Между тем Жаклин довольно много времени проводила вдали от Белого дома (и от мужа) в поместье в Мидлбурге, штат Вирджиния, где с удовольствием ездила верхом [177].

Принадлежащее Роберту Кеннеди поместье Хикори-Хилл в Маклине, штат Вирджиния, стало еще одним центром притяжения, хотя и значительно менее упорядоченным. Бобби приглашал специалистов для обсуждения методов ведения партизанских войн и стратегий ядерного вооружения, а по дому носились его многочисленные дети и огромные собаки. В летние дни толпы тех, кого называли друзьями, и среди которых можно было увидеть политиков, дипломатов, журналистов, писателей, актеров, певцов и либеральных бизнесменов, выходили на просторную лужайку перед домом и собирались вокруг бассейна. Часто кого-то из гостей сталкивали в воду. «Это было очень смешно, так как идеально отражало некоторые буйные аспекты „Новых рубежей“, — писал Шлезингер. (Он испытал совершенно иные эмоции, когда его самого столкнули в бассейн на другой вечеринке у кого-то из клана Кеннеди» [178].)

Остальные представители клана Кеннеди также были заметными фигурами светской хроники, за исключением снискавшего себе дурную славу и теперь державшегося в тени Джо. (В конце 1961 года он перенес тяжелый инсульт, и остаток своих дней провел в инвалидном кресле.) Но братья и сестры президента привлекали всеобщее внимание. Тед, младший в семье, метил на освободившееся после Джека место сенатора от штата Массачусетс и готовился к выборам 1962 года. Сестры тоже были на виду, выйдя замуж за известных людей. Мужем Пэт был актер Питер Лоуфорд. Муж Юнис, Сарджент Шрайвер, стал первым директором Корпуса мира. Джин была замужем за

Стивеном Смитом, который взял на себя управление немалыми финансами семьи. Шутки эстрадных комиков и телезвезд о необыкновенных размерах и амбициях клана Кеннеди не только не вредили его популярности, но вызывали еще большее любопытство и восторг публики.

Сам президент держался более замкнуто, чем другие члены семьи, частично из-за своего характера и состояния здоровья, но также потому, что пребывание в Белом доме предполагало отстраненность от светской жизни. Тем не менее, в первые месяцы президентства он восхищал публику, прежде всего своими великолепными пресс-конференциями. Эйзенхауэр, скучный и скованный оратор, встречался с представителями прессы в тесной комнате для заседаний в здании Исполнительного управления президента США рядом с Белым домом. Кеннеди перенес пресс-конференции в просторный актовый зал Государственного департамента, где можно было установить телекамеры и где помещалось большее число корреспондентов. Он умел дать исчерпывающий ответ на те вопросы, на которые хотел ответить, но еще лучше ему удавалось ловко увильнуть от тех, на которые он отвечать не намеревался. Отвечал он, как правило, быстро, остроумно и порой красноречиво, отчасти благодаря четкости и изяществу мышления, а отчасти огромной подготовительной работе его команды [179].

* * *

Оптимизм, надежда на лучшее, дух веселья и энергия «Новых рубежей» были особенно важны для Кеннеди в первые месяцы его пребывания у власти, потому что в целом первый год президентства не был отмечен особыми достижениями.

В инаугурационной речи часто упоминалась Холодная война. Но в своем первом Докладе о положении в стране 30 января Кеннеди сосредоточил внимание на экономике, которая только начинала восстанавливаться после семимесячной рецессии — которой, по словам президента, «предшествовали три с половиной года застоя, семь лет замедленного экономического роста и девять лет снижения доходов». Кеннеди, который почти не упоминал бедность и безработицу во время избирательной кампании да, собственно, и на протяжении всей своей политической карьеры, теперь говорил о «тех, у кого нет работы» и «тех, кто живет без надежды». Он перечислял другие проблемы: чрезмерные правительственные расходы, не отвечающая потребностям общества система образования, детская

преступность и отсутствие гарантированной медицинской помощи престарелым. Обосновывая необходимость бороться с этими негативными явлениями, он ссылался на тревожные сообщения о том, что по темпам экономического роста США отставали от Советского Союза [180].

Но в течение первых двух лет президентства грандиозные программы Кеннеди по внутренней политике реализовывались чрезвычайно медленно. Сначала он возлагал вину за неэффективность своей деятельности на комитет по регламенту Палаты представителей, принимающий решения, какие законопроекты ставить на обсуждение. Несмотря на демократическое большинство в Палате представителей, в комитет входили в основном консерваторы (республиканцы и демократы из южных штатов). Они не предлагали на голосование законопроекты, которые их не устраивали — к таким относились и законодательные инициативы президента. Вопреки рекомендациям лидеров Палаты представителей, Кеннеди решил перестроить комитет так, чтобы большинство составили либералы. Он предложил увеличить число членов комитета с тем, чтобы новые члены создали либеральное большинство. Президент использовал все рычаги давления на демократов в Палате представителей, и сумел выиграть битву, хотя и с очень незначительным перевесом (217 голосов против 212) [181].

Победа практически ничего не дала. Хотя номинально в Палате представителей демократов было на 89 человек больше, чем республиканцев, реальное большинство при голосовании составляла коалиция тех самых республиканцев и демократов-южан, которые упорно блокировали либеральные законопроекты в комитете по регламенту. То, что победа Кеннеди на президентских выборах 1960 года была такой неубедительной (большинство членов Конгресса от Демократической партии победили с гораздо более впечатляющими результатами голосования), не давало ему выигрыша в силе. Ему приходилось самому сражаться с консервативной коалицией. Но в сражениях он был не силен. Под давлением консерваторов-финансистов он сдался и согласился на сбалансированный бюджет, что практически исключило возможность стимулирования экономики, как за счет повышения государственных расходов, так и путем снижения налогов. Только в 1963 году он выступил с предложением использовать снижение налогов в качестве стимулятора экономики, и только в 1964 году, уже после его гибели, Конгресс поддержал законопроект. К этому времени экономика уже была на значительном подъеме. Другие программы — дополнительного финансирования системы

школьного образования, медицинского страхования для людей преклонного возраста, создания стипендиальных фондов в высших учебных заведениях, учреждения министерства жилищного строительства и городского развития, и многие другие — так и не были реализованы. Несмотря на растущее движение в защиту гражданских прав афроамериканцев, Кеннеди полагал, что оно еще не получило достаточной общественной поддержки и потому даже не предлагал соответствующий законопроект Конгрессу. Ему удалось поднять минимальную заработную плату и укрепить систему социального обеспечения, а также внести некоторые изменения в организацию образования. Но это были весьма скромные успехи, а в целом первый год президентства стал годом крушения многих замыслов [182].

Кеннеди пытался компенсировать неудачи своих законодательных инициатив президентскими указами (достаточно распространенная тактика президентов, сталкивающихся с упорным противодействием Конгресса). Всего в первый год таких указов было шестьдесят девять, и некоторые из них оказались весьма действенными, в то время как другие имели в основном символическое значение. Таким стало создание первой в истории страны Президентской комиссии по защите прав женщин. Как правило, указы широко не оглашались, хотя многие из них имели значимые последствия. Позже именно президентские указы играли важную роль в осторожных попытках Кеннеди продвигать реформы в области гражданских прав.

Вполне ожидаемо, особое значение Кеннеди придавал международным инициативам. «Внешняя политика — это единственный значительный круг проблем, которым должен заниматься президент, — сказал он в частной беседе с Никсоном, и последний с ним согласился. — Ведь всем, в сущности, наплевать, будет ли минимальная часовая оплата 1 доллар 15 центов или 1 доллар 25 центов» [183]. Среди международных инициатив, которые осуществлялись по указу президента, было создание снискавшего большую популярность Корпуса мира. Эта организация посылала молодых людей в отсталые страны для борьбы с бедностью и бесправием. «Для решения гигантских задач по обеспечению экономического развития срочно требуются квалифицированные кадры, — говорил Кеннеди. — Это должна быть „организация, набирающая и готовящая американских волонтеров, которая затем отправляет их за рубеж работать с людьми разных национальностей“». Президент также выступил с предложением создать программу помощи странам Латинской Америки. Он предложил назвать ее «Союз ради прогресса» и так описал ее назначение: «Грандиозное совместное усилие,

беспрецедентное по масштабам и благородству цели, призванное удовлетворить потребности людей в жилье, работе, земле, здравоохранении и школьном образовании» [184]. Латиноамериканцы, однако, встретили дерзновенные намерения президента со скептицизмом, усматривая в них еще одну попытку изолировать Кастро и другие режимы левого толка [185].

* * *

Во время встреч с Эйзенхауэром незадолго до инаугурации Кеннеди впервые услышал о планах свержения коммунистического правительства Фиделя Кастро на Кубе. Ни для кого не было секретом, что Куба создавала для США проблемы не только геополитического, но также и коммерческого характера. «Судьба огромных потенциальных капиталовложений в экономику Латинской Америки сейчас напрямую зависит от того, сможем ли мы справиться с ситуацией на Кубе», — сказал в разговоре с Кеннеди министр финансов в администрации Эйзенхауэра Роберт Андерсон [186].

Осенью 1960 года подготовка к вторжению на Кубу шла уже полным ходом. Еще до вступления в должность Кеннеди испытывал мощное давление: от него требовали взять на себя осуществление военных планов предыдущей администрации. Эйзенхауэр планировал высадить на Кубе десант кубинских эмигрантов, вооруженных и обученных американскими специалистами. Десант должна была поддерживать американская авиация. Целью операции был подрыв и — желательно — свержение коммунистического режима. В случае неудачи десантники должны были рассеяться в горах с целью продолжить партизанскую борьбу. Давление еще больше усилилось, когда после беседы с помощником Кеннеди Ричардом Гудвином на первой странице *New York Times* появился материал под заголовком «Кеннеди требует помочь кубинским повстанцам — противникам Кастро, и призывает поддержать изгнанников и борцов за свободу» [187]. Целью публикации было опередить Никсона, который пытался извлечь для себя пользу из ситуации с планируемым вторжением. Публикация оказалась для Кеннеди неприятной неожиданностью, поскольку она усилила давление: от него требовали продолжить подготовку к вторжению [188].

Ко времени вступления в должность президента Кеннеди располагал полной информацией от агентов ЦРУ и сотрудников аппарата Эйзенхауэра о подготовке операции. Кубинские эмигранты уже проходили подготовку и получали оружие, так что

маховик был раскручен и наращивал скорость. Кеннеди сомневался в успехе операции, но осторожно согласился продолжать работу, поддавшись на уговоры Аллена Даллеса, его заместителя Ричарда Биссела и других руководителей ЦРУ. Они уверили Кеннеди в безусловном успехе операции, объясняя, что кубинское население ненавидит режим Кастро, и обязательно присоединится к прибывшим повстанцам. В докладной записке ЦРУ кубинские эмигранты из будущих сил вторжения описывались так: «Новые командиры молоды, энергичны, умны, преданы идее и рвутся в бой… Они все, как один, не имеют ни малейших сомнений в победе» [189].

Но не все посвященные разделяли надежды на помощь десантируемым формированиям со стороны антикоммунистически настроенного населения Кубы. Шерман Кент, один из высокопоставленных сотрудников ЦРУ, принимавший самое активное участие в подготовке вторжения, предупреждал: «У нас нет никаких оснований полагать, что [планируемые] действия создадут угрозу для режима, который к настоящему моменту развернул внушительную систему контроля над повседневной жизнью кубинцев» [190]. Клейборн Пелл, бывший чиновник министерства иностранных дел, только что избранный в Сенат от штата Род-Айленд, также ставил под сомнение утверждения ЦРУ, что население острова присоединится к военным действиям против Кастро. После поездки на Кубу он заявил в интервью газете *New York Herald Tribune*: «Кубинцы, с которыми я разговаривал, … не были ни мрачными, ни печальными или недовольными; … они все еще продолжали радоваться земельной реформе, национализации бывших американских компаний и другим усиленно расхваливаемым реформам, проведенным Кастро. Недовольные правительством и те, кто лишился собственности, либо уехали в эмиграцию, либо находятся в тюрьме» [191]. Артур Шлезингер, которого президент попросил проанализировать ситуацию на Кубе, тоже был настроен весьма скептически, назвав однажды план вторжения «ужасной идеей». Его оценку разделяли Эдлай Стивенсон и даже Дин Раск [192]. Все они, однако, не спешили высказывать свои соображения по этому поводу публично. Уильям Фулбрайт, председатель сенатского Комитета по внешним связям, был менее сдержан и резко выступал против кубинской операции, настаивая: «Даже тайная поддержка таких действий по своему лицемерию и цинизму ничем не отличается от политических акций, за которые Соединенные Штаты постоянно осуждают Советский Союз». Однако на его предупреждения никто не обратил внимания [193].

Большинство экспертов ЦРУ продолжали настаивать, что режим Кастро «шатается», а оппозиционные силы на Кубе «пользуются большой популярностью» [194]. Возможно, наибольшее влияние на президента имела поддержка операции Макджорджем Банди. Банди убеждал президента, что опасности, связанные с продолжением правления Кастро, намного серьезнее, чем риск потерпеть неудачу в попытке избавиться от кубинского лидера. Кеннеди знал, что план вторжения не сможет долго оставаться в тайне. Если он отменит операцию, кубинские эмигранты не преминут публично высказать свое разочарование. Он опасался, что в этом случае ЦРУ организует утечку дискредитирующей его информации. Молодому, еще никак не проявившему себя президенту, который позиционировал себя как упорный борец против коммунизма, было что терять, если он сейчас откажется от этой миссии [195].

* * *

К началу апреля планы операции начали приобретать более четкую форму. Времени на дискуссии почти не осталось, но Кеннеди все больше одолевали сомнения. С одной стороны, ЦРУ буквально завалило его полными оптимистических прогнозов докладами. В одном из донесений разведки говорилось: «По всей Кубе продолжают усиливаться саботаж и организованное сопротивление». «Оппозиция режиму Кастро становится более открытой», сообщалось в другом донесении [196]. Кеннеди стремился избежать масштабного американского военного участия и распорядился, чтобы ЦРУ сократило операцию. Вместо «вторжения», сказал он, должно произойти «просачивание». Он настоял на том, что американские войска не будут высаживаться на Кубе, и американское участие будет ограничено тайными полетами небольшого летного контингента над территорией острова. Члены Объединенного комитета начальников штабов пришли в негодование от того, что они считали «абсолютной неадекватностью» транспортировки и слабостью предлагаемой поддержки десанта авиацией, но наложенный президентом полный запрет на использование американских войск на острове практически лишил их свободы маневра. Большинство из них решили между собой, что если операция не пойдет по намеченному плану, американские войска будут вынуждены вмешаться и спасти положение. Однако у Кеннеди таких намерений не было [197].

Во время решающего, но хаотичного совещания в Белом доме

незадолго до начала операции президент все еще колебался. С одной стороны, его беспокоил пессимизм начальников штабов. С другой стороны, среди его штатских советников только сенатор Фулбрайт выступал против вторжения. «Утро вечера мудренее», — наконец сказал Кеннеди [198]. На следующее утро решение было принято. К этому времени в *New York Times* и другие газеты стала поступать информация о готовящемся вторжении, и только сильнейшее давление со стороны Белого дома заставляло их пока воздержаться от публикации известных им данных. Было ясно, что операция фактически уже идет. «Если они [кубинские военизированные формирования] попадут в беду, будет ли администрация продолжать поддерживать их поставками продовольствия и вооружения?» — спрашивал влиятельный журналист Джеймс Рестон [199]. Как оказалось позже, это был чрезвычайно важный вопрос.

Вторжение, как таковое, началось 17 апреля — и с самого начала все пошло не так. Стихийные выступления антикастровских сил оказались совсем не столь значительными, как ожидалось. Из-за прибрежных рифов, скалистого берега и сильного ветра на высадку ушло два дня. Суда с боеприпасами не смогли подойти к берегу. Войска Кастро уже были на месте, и готовы были преградить путь высадившимся с помощью американцев кубинцам. Стремительный развал операции стал результатом неумелого планирования, ненадежных данных разведки и явного недостатка бойцов и оружия. Ко второму дню вторжения речь шла уже не о свержении кубинского коммунистического правительства, а о спасении высаженных на побережье острова мятежников. Режиму Кастро их действия ничем серьезно не угрожали. Кеннеди пытался преуменьшить серьезность случившегося и называл его «неприятным инцидентом, а не бедой». На самом же деле это была настоящая катастрофа [200].

Действия американской авиации оказались одним из решающих факторов, приведших к провалу вторжения. Хотя перед началом десанта американские самолеты без опознавательных знаков нанесли бомбовые удары по ключевым оборонительным объектам острова, эти удары были малоэффективными и не нанесли ощутимого вреда военно-воздушным силам Кастро. Кеннеди по-прежнему был полон решимости скрыть роль США в проведении этой операции, и поэтому категорически отказался послать американские самолеты на помощь высадившимся кубинским мятежникам. Но отрицать тот очевидный факт, что операция была задумана и спланирована в Америке, было бессмысленно, а вот прекращение бомбардировок привело к

поражению. «Все кончено. Кубинское вторжение потерпело полный провал», — в отчаянии признавал Аллен Даллас [201]. ЦРУ, однако, уже втайне готовилось к еще одной попытке свергнуть режим Кастро [202].

То, что Кеннеди назвал «неприятным инцидентом», повлекло за собой гибель четырех американских летчиков и шестнадцати кубинских мятежников высадившихся на острове. Кубинские правительственные силы потеряли почти двести человек. Общие потери местного населения неизвестны. После окончания боевых действий, врагов кубинского правительства, а среди них также оказались нескольких захваченных в плен оперативников ЦРУ, ожидали казни, пытки и тюрьмы. (Оказалось, что ЦРУ нарушило приказ президента не включать в операцию на Кубе собственно американцев [203].)

Когда стало ясно, что операция, которая вошла в историю как высадка в Заливе Свиней, потерпела крах, Кеннеди — растерянный и разгневанный — пригласил Ричарда Никсона в Белый дом. Никсон заявил, что поражен тем, что президент запретил вводить американские войска, в то время как сражение уже началось, и сказал, что еще не поздно это сделать. Кеннеди отказался. 20 апреля он выступил перед прессой. «Есть старая пословица, что у победы сотня отцов, в то время как поражение всегда оказывается сиротой», — сказал он, цитируя Галеаццо Чиано, министра иностранных дел в правительстве Муссолини. Кеннеди не винил никого, кроме себя самого, настаивая: «Я отвечаю за все действия правительства» [204].

Максвелл Тейлор, бывший начальник штаба сухопутных войск США и друг Кеннеди, видел причину провала в отсутствии четкости в принятии решений. Он обратился к помощникам президента в Белом доме, которые поддерживали идею вторжения, с упреком: «Вы должны были посмотреть ему прямо в глаза и сказать: „Полагаю, что это никудышная идея, господин президент. Шансы на успех — приблизительно один к десяти“. И никто из вас этого не сказал». Но для многих из его расстроенных коллег, как и для большинства американцев, открытое признание вины президентом значило очень много. Оно не только не повредило популярности Кеннеди, а, наоборот, значительно повысило его престиж. Опросы общественного мнения показали, что 83 % американцев одобряют его действия, что стало самой высокой оценкой за время его президентства. «Совсем как при Эйзенхауэре. Чем хуже я справляюсь с делами, тем популярнее становлюсь», — заметил Кеннеди с обычной самоиронией [205].

За пределами Соединенных Штатов, однако, провал операции в Заливе Свиней нанес серьезный урон репутации Кеннеди, и,

прежде всего, в глазах кремлевского лидера Никиты Хрущева, который вел во многих отношениях удивительную переписку с американским президентом. В первые месяцы своего президентства Кеннеди послал Хрущеву несколько дружеских посланий, поздравляя того с успехами советской космической программы и другими достижениями. Хрущев отвечал ему столь же любезно, в надежде, что Кеннеди снизит напряженность в отношениях между двумя странами. Он даже опубликовал инаугурационную речь Кеннеди в советских газетах и сказал своим коллегам, что новый американский президент «осуждает политику Холодной войны и ухудшение международных отношений». Но после событий в Заливе Свиней тон посланий из Кремля резко изменился:

«Я направляю вам это послание в тревожный час, когда над миром во всем мире нависла угроза. Против Кубы развязана вооруженная агрессия. Ни для кого не секрет, что вооруженные банды, вторгшиеся в страну, были подготовлены, снаряжены и вооружены в Соединенных Штатах Америки. Самолеты, которые бомбят кубинские города, принадлежат Соединенным Штатам Америки, бомбы, которые они сбрасывают, поставляются американским правительством. Все это вызывает справедливое чувство возмущения у советского правительства и советского народа» [206].

Ответ Кеннеди был одновременно уклончивым и вызывающим:

«Вы глубоко заблуждаетесь относительно событий на Кубе. В течение нескольких месяцев на острове росло очевидное сопротивление диктатуре Кастро… Как я уже ранее заявлял и повторяю сейчас, Соединенные Штаты не имеют намерения совершать военную интервенцию на Кубу… Воздерживаясь от военного вмешательства на Кубе, народ Соединенных Штатов в то же время не скрывает своего восхищения кубинскими патриотами, которые хотят, чтобы независимая Куба имела демократическую систему правления. Правительство Соединенных Штатов не может предпринимать никаких действий, направленных на подавление духа свободы» [207].

Поздно вечером после этой неудачи, все еще во фраке, который он надел вечером, отправляясь на прием в Конгрессе, Кеннеди вышел из своего многолюдного офиса, и целый час бродил по лужайке перед Белым домом. По словам Жаклин Кеннеди, он «вернулся в спальню Белого дома, где никого, кроме меня не было, и вдруг расплакался… разрыдался, закрывая лицо руками… Это было такое горе: его первые сто дней и все его мечты, и вдруг такой ужас. И… все эти несчастные, с их

надеждами, все эти люди, которых ты отправил туда, обещая, что мы поддержим их, и что из этого вышло? Одних перестреляли как собак, других бросили в тюрьмы. А он так за них переживал…» [208]

На следующее утро у Кеннеди в Овальном кабинете первой была назначена встреча с сенатором от штата Теннеси Альбертом Гором. Гор позже вспоминал, что президент выглядел крайне взволнованным: «У него были взъерошенные волосы…, галстук сбился набок, он говорил слишком быстро и с необычной для него ожесточенностью, особенно о Лемницере. (Генерал Лайман Лемницер был председателем Объединенного комитета начальников штабов.) По-видимому, чтобы как-то оправдаться перед самим собой за совершенные ошибки, Кеннеди внушил себе, что его „подставили“» [209]. Следствием всех этих печальных событий была потеря его доверия к военным. Позже в тот же день он встретился с членами кабинета. Подождав, пока президент покинет зал заседаний, Роберт Кеннеди дал волю своему отчаянию. «Нам надо что-то делать», — сказал он коллегам. — «Все вы, светлые головы, втравили президента в это, и если вы сейчас ничего не предпримете, русские будут считать моего брата бумажным тигром». Именно этого, конечно, члены кабинета, из которых лишь несколько вообще слышали что-нибудь о планируемом вторжении, больше всего и боялись. Дин Раск, возможно, наименее эмоциональный из всех, похлопав рукой по пустому президентскому креслу, сказал: «Для нас сейчас нет ничего важнее этого человека. Этого человека мы должны спасти!» [210]

Публично приняв всю вину за провал операции на себя, Кеннеди в конфиденциальной беседе предложил Алену Далласу и Ричарду Бисселу подать в отставку. Ему также было необходимо как-то успокоить кубинских офицеров-эмигрантов, которые считали, что американский президент бросил их в беде. Он направил двух советников по латиноамериканским делам, Адольфа Берли и Артура Шлезингера, в Майами для встречи с кубинцами. («Это была не самая приятная миссия в моей жизни», — заметил Берли [211].) Но чиновникам среднего звена оказалось не по силам усмирить бурю гнева, и кубинских офицеров на самолете доставили в Вашингтон, где они встретились лично с президентом.

Кеннеди пришлось также объясняться с Эдлаем Стивенсоном, который, выступая в ООН, защищал высадку, хотя сам был против нее. С трибуны ООН он заявил, искренне веря в правдивость своих слов, что «Соединенные Штаты не предпринимали агрессивных действий против Кубы… Ни один американец не

участвовал в военных действиях» [212]. Стивенсон пришел в ярость, когда узнал правду и понял, что его слова оказались ложью. «Он был вне себя. Он понимал, что случившееся — это отвратительное пятно на его, до тех пор безупречной, репутации», — вспоминал коллега. Стивенсон даже собирался подать в отставку, но потом передумал. Кроме того, Кеннеди должен был успокаивать Эйзенхауэра, упрекавшего его за то, что президент не выслушал все точки зрения: «Вам надо было всех собрать, все обсудить, и самому взвесить все „за“ и „против“» [213]. В какой-то мере Кеннеди подвело его отвращение к официальным собраниям.

После недели бурных дискуссий он согласился представить «Доклад о действиях в отношении Кубы», в котором, в частности, говорилось: «В настоящее время Соединенным Штатам не следует предпринимать военной интервенции на Кубе, но в то же время мы не должны предпринимать ничего такого, что препятствовало бы возможности военного вторжения в будущем» [214]. Однако президента ожидало еще одно унижение. В обмен на нескольких взятых в плен кубинских эмигрантов-десантников он должен был передать на Кубу американскую сельскохозяйственную технику [215].

* * *

«Кубинские события», — писал Шлезингер в своем дневнике — «создали… глубокое предубеждение против каких-либо рискованных действий… сейчас ощущается общее стремление избегать смелых решений во всех сферах деятельности» [216]. Настрой прессы был более критическим. В редакционной статье журнала *Time* читаем: «Первые сто дней президентства Джона Кеннеди завершились месяцем почти беспрецедентных в истории США политических провалов». В Палате представителей республиканцы провели полный рабочий день, критикуя президента за то, что страна «переходит от кризиса к кризису» [217].

Кеннеди бесстрашно признал публично свою ответственность за поражение — но за этим стоял самый черный период его президентства. Он изменил курс действий посреди битвы из страха раскрыть участие в ней Америки — участие, которое уже ни для кого в мире не было секретом. Он содрогался от мысли, что теперь его будут обвинять в пороке, к которому он относился с особым отвращением, — слабости. Кеннеди был раздавлен своим провалом. «Это самое ужасное событие в моей жизни», —

признался он Никсону [218]. Но не только провал операции в Заливе Свиней угнетал его. Кеннеди не мог не думать о предстоящей встрече с Хрущевым в Вене, где ему предстояло обсуждать самую взрывоопасную проблему того времени — статус Берлина. Влиятельный журналист Уолтер Липпман, только что побывавший в Кремле, рассказал Кеннеди, что Хрущев настроен весьма решительно. Хотя Кеннеди иногда бравировал, угрожая вернуться на Кубу, он прекрасно понимал, что упустил эту возможность. «Есть большая вероятность того, что если мы двинемся на Кубу, — говорил он — Хрущев пойдет на Берлин» [219].

Глава 5 «Гибкое реагирование»

В конце мая 1961 года Кеннеди решил представить второй Доклад о положении в стране, хотя со времени первого прошло всего четыре месяца. Он объяснил свое решение «чрезвычайным историческим моментом». Его январское обращение к нации в основном касалось вопросов внутренней политики. В майском докладе он лишь вскользь призывал к достижению «экономического и социального прогресса в стране». Теперь свою длинную речь президент в основном посвятил международным проблемам. Он заявил, что Америка должна помогать экономическому развитию других стран, способствовать преобразованию военных структур и разоружению, а также осваивать космическое пространство, что, по его мнению, составляло часть стратегии в «мировой битве, которая сейчас идет между свободой и тиранией». Все эти цели вполне согласовывались с общей риторической направленностью его публичных заявлений. Но можно, пожалуй, не сомневаться, что на такую речь спустя всего месяц после кубинской катастрофы его побудили печальные результаты первых ста дней его президентства — провал операции в Заливе Свиней и целый ряд законодательных неудач. Он, казалось бы, пытался начать все с чистого листа, ставя перед собой новую грандиозную задачу. Кеннеди объявил о намерении встретиться с Хрущевым в Вене в начале июня. «Я уже давно думаю о необходимости встречи с советским премьером для личного обмена мнениями. Мы поясним, что Америка неизменно заинтересована как в сохранении мира, так и в гарантии свободы, что мы стремимся жить в согласии с русским народом, что мы не ищем ни новых территорий, ни государств-сателлитов, ни богатств. Мы хотим только одного — приблизить тот день, когда „народ больше не поднимется против народа, и войны останутся в прошлом“», — закончил Кеннеди [220].

* * *

Среди целого ряда предложений во втором докладе президента Конгрессу о положении в стране прозвучал и призыв «до конца десятилетия высадить человека на Луну и благополучно возвратить его на Землю». Было несколько причин стремиться к достижению этой грандиозной цели. Кеннеди, который все еще не мог прийти в себя после первых неудач на

посту президента, рассматривал освоение космоса как способ поднять престиж США и вернуть себе право называться сильным и смелым лидером. Кроме того, он полагал, что осуществление его космической программы станет не только блестящим научным достижением, но и способом укрепления военной мощи страны. Он, как и многие другие, болезненно переживал американское отставание от Советского Союза в космосе. Советский Союз запустил первый спутник в 1957 году, а в апреле 1961 года Юрий Гагарин стал первым человеком, побывавшим в космосе и облетевшим Землю. К этому времени Соединенные Штаты еще не совершили ни одного пилотируемого космического полета. «На днях мне попались результаты анкетирования французских школьников, которых спрашивали, какие страны они считают самыми передовыми в разных сферах деятельности. 67 или 68 % назвали Советский Союз первым в мире в научно-технической области», — заметил Кеннеди с раздражением [221].

В Конгрессе, как и в прессе, высказывались скептические замечания относительно целесообразности такого дорогостоящего проекта, но Кеннеди не отступал. 14 июня 1962 года, выступая на неофициальной пресс-конференции, он заявил: «Я считаю, что Соединенные Штаты не могут позволить себе уступить кому-то первое место в освоении космоса, потому что, по моему убеждению, космос, прежде всего, имеет для нас слишком большое значение — как военное, так и политическое, и психологическое, и во всем остальном … Считаю, что Соединенные Штаты не могут допустить, чтобы Советский Союз имел превосходство в космосе. Еще неизвестны военные последствия такого господства» [222].

5 мая 1961 года Алан Шепард стал первым американским астронавтом: он совершил довольно короткий полет, пролетев 300 миль, но поднялся на высоту 115 миль над поверхностью Земли, выйдя далеко за пределы земной атмосферы. Успех миссии Шепарда вдохновил Кеннеди на идею американской экспедиции на Луну, о которой он объявил в том же месяце, выступая в Конгрессе. Кроме того, Кеннеди решил, что американский астронавт должен, как Гагарин, совершить полет по околоземной орбите [223]. Через девять месяцев более ста миллионов американцев наблюдали взлет ракеты с мыса Канаверал в штате Флорида. На борту космического корабля находился закаленный в боях во Второй мировой и Корейской войнах летчик Корпуса морской пехоты Джон Гленн. Кеннеди страшно волновался все время, пока Гленн совершал свои три оборота вокруг Земли, и ликовал, когда астронавт благополучно приводнился в Атлантическом океане около Бермудских Островов

[224].

* * *

Весной 1961 года внешняя политика Кеннеди находилась еще в стадии становления, о чем свидетельствует неудачная операция на Кубе. Однако уже тогда стало очевидно, что он будет в чем-то более осторожным, а в чем-то более безрассудным политиком, чем его предшественник Эйзенхауэр. В 1956 году государственный секретарь Джон Фостер Даллес охарактеризовал американскую стратегию в холодной войне в течение 1950-х годов как «балансирование на грани войны». По его словам, эта опасная политика основывалась на «умении подойти к самому краю, но при этом избежать начала войны. Если вы не будете в достаточной степени владеть этим искусством, то развяжете войну. Если попытаетесь уйти от опасной черты, если испугаетесь и захотите держаться подальше от края, вы проиграли» [225]. Короче говоря, администрация Эйзенхауэра полагалась на стратегию запугивания противников, прежде всего Советского Союза, используя ядерное оружие как средство устрашения и считая, что, столкнувшись с перспективой Армагеддона, Хрущев отступит. Даллесу эта идея нравилась возможностью использовать «жесткие» методы шантажа. Эйзенхауэр поддерживал эту стратегию, которая в то время носила название «Новый взгляд», частично потому, что с ее помощью можно было обойтись без создания военизированного государства и вести холодную войну в более приемлемом для бюджета страны варианте [226].

Кеннеди довольно скептически относился к доктрине Эйзенхауэра-Даллеса. Мысль о применении ядерного оружия внушала ему куда большее отвращение, чем его предшественникам, особенно после проведения испытаний первых водородных бомб. Он давно стремился к снижению темпов роста ядерного вооружения, а также хотел создать новый подход к решению международных проблем, альтернативный политике устрашения. Эта новая доктрина получила название «гибкое реагирование» и была призвана дать Соединенным Штатам больше возможностей выступить против агрессора, используя обычное оружие ограниченного диапазона применения. Хотя после событий в Заливе Свиней Кеннеди уволил руководителей ЦРУ Аллена Даллеса и Ричарда Биссела, он еще в большей степени, чем Эйзенхауэр, полагался на это ведомство. Его особый интерес вызывали силы специального назначения, так

называемые «Зеленые береты» — отборные подразделения Армии США, созданные по образцу британских отрядов командос, которые проходили специальную подготовку для ведения нетрадиционных войн на территории других стран, включая и партизанские войны. Кеннеди расширил спецназ и обеспечил ему значительную популярность среди населения. У Роберта Кеннеди, также сторонника тайных подрывных операций, на рабочем столе в кабинете министра юстиции лежал зеленый берет [227].

* * *

Среди многих негативных последствий поражения в Заливе Свиней не последнее место занимало ухудшение отношений с Хрущевым, которое не могло не оказывать влияния на подготовку к встрече двух лидеров в Вене. В Европе Кеннеди предстояло столкнуться со многими спорными вопросами, а наибольшую угрозу представлял спор о будущем Берлина. С самого дня окончания Второй мировой войны территория побежденной Германии была разделена на две области, контролируемые двумя принципиально различными политико-экономическими системами: три западные зоны оккупации под управлением Англии, Франции и Соединенных Штатов Америки и Восточная зона оккупации под управлением советской администрации. Постепенно эти временные границы приобрели более постоянный характер, что привело к образованию двух германских государств: на территории, оккупированной советскими войсками, была образована Германская Демократическая Республика, которую на Западе называли Восточной Германией, а на территории, оккупированной войсками США, Великобритании и Франции, — Федеративная Республика Германия, или неофициально Западная Германия. «Мы все знаем, что, возможно, Германия уже никогда не объединится в единое государство», — сказал Кеннеди в Париже [228]. Но будущий статус Берлина, расположенного в середине Восточной Германии и при этом разделенного на два города, оставался для коммунистического лагеря больным вопросом. Советские лидеры считали расчленение Берлина оскорблением, а правительство Восточной Германии оказалось в неприятной ситуации, так как ее граждане массово перебегали в Западный Берлин. Хрущев настаивал, что Берлин должен быть объединен под юрисдикцией Восточной Германии. Кеннеди хотел вообще не касаться этой проблемы, считая ее на тот момент неразрешимой. При этом оба лидера знали, что Берлин станет важнейшей темой для обсуждения на встрече в Вене, которую

планировалось провести в июне [229].

Первой остановкой в поездке Кеннеди по Европе стал Париж. Когда вместе с президентом де Голлем он ехал по улицам города, его восторженно встречали французы. Как писала *New York Times*, «целый день эти два человека ездили по улицам Парижа, олицетворяя собой молодость и зрелость, величие и непринужденность, мистицизм рядом с прагматизмом и спокойствие рядом с бурной энергией» [230]. Грандиозный прием, устроенный в честь супругов Кеннеди, поразил не только французов, но и американцев. Газета *Washington Post* в упоении назвала его «непередаваемо изысканным», чему в немалой степени способствовала огромная популярность Жаклин Кеннеди среди французов [231]. Однако для Кеннеди было значительно важнее посоветоваться с де Голлем относительно того, как ему следует вести себя с Хрущевым. Французский президент настоятельно рекомендовал ему «показать, что мы не позволим изменить сложившуюся ситуацию. Любое отступление из Берлина, любая смена статуса, любой вывод войск… означал бы для нас поражение. Это привело бы к почти полной потере Германии». Это было не то, чего Кеннеди ждал от де Голля. Особенно ему не понравилось заявление де Голля, что если Хрущев хочет войны, «мы должны дать понять, что он ее получит» [232].

В неофициальной обстановке де Голль выразил весьма слабую уверенность в том, что Кеннеди сможет противостоять Хрущеву в Вене. Другие были настроены еще более пессимистично. Уильям Фулбрайт сказал, что его очень беспокоит вопрос насколько Кеннеди готов к этому саммиту [233]. Журналист Ричард Ровере заметил: «Очень может быть, что господин Хрущев не увидит в нашем молодом президенте всего того, что видят в нем Теодор Соренсен и Чарльз Болен» [234]. Дипломат Джордж Ф. Кеннан опасался, что Советы будут пытаться подорвать эту встречу, чтобы ослабить в общественном мнении «влияние и роль [Америки] в мире…, используя для этого массированную пропагандистскую кампанию, чтобы поставить в неловкое положение и дискредитировать американскую делегацию во время встречи в верхах» [235]. Сам Хрущев беспокоился, что президент начнет переговоры, исходя из «совершенно неправильных предпосылок» и повторит «многие ошибки» Эйзенхауэра, которые Хрущев определил, как «нежелание Эйзенхауэра идти на компромисс». Это, по словам Хрущева, будет «абсолютно неприемлемым» [236]. Между тем, как было известно лишь нескольким посвященным, у Кеннеди возобновились сильные боли. Ему приходилось долго лежать в

горячей ванне, прежде чем он мог просто пройтись пешком или провести несколько часов сидя. В его ближайшем окружении опасались, что плохое самочувствие будет мешать ему вести переговоры [237].

Американский посол в СССР Ллевеллин Томпсон, предупредил Кеннеди, что Хрущев может принять одностороннее решение присоединить Западный Берлин к Восточной Германии, если переговоры по этой проблеме не дадут никаких результатов. По словам Томпсона, при таком развитии событий Запад попадет в крайне унизительную ситуацию, и возникнет реальная угроза войны. Томпсон предсказывал, что Хрущев, по меньшей мере, «наглухо закроет границу между восточным и западным секторами Берлина, чтобы остановить поток беженцев, с которым он больше не желает мириться» [238]. Президент же не был готов принимать решение по берлинскому вопросу. Кеннеди планировал вообще не касаться его в Вене, а отложить обсуждение, желательно лет на пять. Но его надеждам не суждено было сбыться.

Кеннеди и Хрущев прибыли в Вену утром 3 июня. Если приезд Хрущева привлек мало внимания, то внушительный кортеж Кеннеди собрал на улицах толпы ликующих австрийцев. Внутри американского посольства два лидера в течение нескольких минут без особого успеха пытались вести светскую беседу, после чего перешли к своему первому серьезному разговору на тему, которой посол Томпсон так настоятельно рекомендовал Кеннеди избегать. Это было сопоставление преимуществ коммунизма и демократического капитализма, довольно скучное занятие, которое, в полном соответствии с прогнозом Томпсона, ни к чему не привело. «Коммунизм существует и завоевал свое право на развитие», — утверждал Хрущев, отмечая, что бывший государственный секретарь Даллес «основывал свою политику на постулате о необходимости уничтожения коммунистической системы». Кеннеди ответил, что «Советский Союз искал возможности устранить свободные политические системы на традиционно связанных с нами территориях».

Хрущев заявил, что «идеи должны популяризоваться без использования оружия или вмешательства во внутренние дела других государств. Если коммунистические идеи распространятся в других странах, СССР будет счастлив, так же, как США будут рады распространению капиталистических идей». В конце разговора Кеннеди, говоря о политике СССР, употребил слово «просчет», которое Хрущеву очень не понравилось. В ответ советский лидер разразился гневной тирадой. Он сказал, что

Кеннеди хочет, чтобы Советский Союз, «как послушный школьник, сидел смирно, сложив руки на парте». Хрущев настаивал, что «слово „просчет“ в данном случае просто неуместно». В целом, самым полезным в этом разговоре оказалось предложение Хрущева, что он «не будет пытаться убедить президента в превосходстве коммунизма, а президент не будет терять время на попытки обратить его в капиталистическую веру» [239].

С самого начала Кеннеди пришлось защищаться, и так продолжалось весь день, поскольку ему никак не удавалось найти точек соприкосновения в их взглядах. Хрущев резко отзывался о «просчетах» Соединенных Штатов. Во время послеобеденной прогулки двух лидеров, которую Кенни О'Доннелл и Дэйв Пауэрз наблюдали из окна, «Хрущев продолжал ожесточенно что-то доказывать, кружил вокруг Кеннеди, наскакивал на него, как рассерженный терьер, и гневно грозил пальцем» [240]. Он «обращался со мной как с мальчишкой», — жаловался президент впоследствии [241]. К концу второго заседания Кеннеди совершенно выбился из сил: ему редко приходилось держаться так долго без отдыха и лекарств. Кеннеди не удалось достичь почти ничего из задуманного. Они не касались наиболее уязвимых моментов советской политики: подавления антиправительственных выступлений в Венгрии и Восточной Германии, секретных тюрем для диссидентов, трех с половиной миллионов беженцев из Восточного Берлина. Переводчик Хрущева вспоминал, что советский лидер сказал ему: «У этого человека нет политического опыта и зрелости. По сравнению с ним Эйзенхауэр — умный и дальновидный политик» [242]. В дебатах по другим вопросам — о положении в Иране, Китае, Корее — Хрущев опять же занимал атакующую, а Кеннеди — оборонительную позицию [243].

* * *

Оба участника переговоров в Вене понимали, что на самом деле самым болезненным предметом спора остается статус Берлина. Хрущев был непоколебим в убеждении, что Западный Берлин должен войти в состав Восточной Германии через подписание мирного договора, независимо от того, дадут ли на это согласие Соединенные Штаты или нет. Он пытался смягчить это требование, предлагая сделать объединенный Берлин «свободным» городом, куда будет открыт доступ гражданам западных стран. При этом Хрущев настаивал, что Восточная

Германия должна иметь «суверенитет» над городом. Он хотел «подписать мирное соглашение, предусматривающее суверенитет Германской Демократической Республики. СССР будет рассматривать любое нарушение этого суверенитета как акт агрессии против миролюбивого государства со всеми вытекающими отсюда последствиями» [244].

Ответ Кеннеди был столь же решительным. «Мы с боями пришли [в Германию] во время Второй мировой войны и находимся в Берлине не по соглашению с Восточной Германией, а в соответствии с договорными обязательствами», — доказывал он [245].

В этот долгий и тяжелый день то, что Хрущев справедливо назвал «больным местом…, шипом», стало причиной неустранимого противостояния лидеров двух государств. Они оба утверждали, что не могут принять унизительных для себя предложений противоположной стороны. «Намерения США не сулят ничего хорошего. СССР считает всю территорию Берлина принадлежащей ГДР. …если бы США начали войну за Берлин, СССР ничего бы не мог с этим поделать… Возникает угроза третьей мировой войны, которая станет еще более разрушительной, чем вторая», — говорил Хрущев. Кеннеди отвечал, что Хрущев хочет «обострить создавшийся кризис … стремится изменить сложившуюся ситуацию» и что, пусть он, Кеннеди, и «молод», он «вступил в должность президента не для того, чтобы соглашаться на условия, полностью противоречащие интересам США». Он «приехал сюда, чтобы не допустить прямой конфронтации наших двух стран» и «сожалеет о том, что покидает Вену с таким впечатлением от встречи». Но Хрущев назвал свое решение по вопросу о Берлине «окончательным». В ответ Кеннеди заметил: «Если это так, то нас ожидает холодная зима» [246].

Кеннеди тяжело переживал свой, как ему казалось, полный провал на переговорах с Хрущевым. «У меня в жизни не было ничего хуже этого», — сказал он в беседе с журналистом *New York Times* Джеймсом Рестоном. «Он с такой яростью бросался на меня… Теперь у меня две задачи. Во-первых, понять, почему он вел себя так враждебно. И, во-вторых, определить, что мы можем сделать в этой ситуации». Рестон, который брал интервью не для печати, тем не менее, написал в *Times*, что Кеннеди «был поражен жесткостью и неуступчивостью советского лидера» [247].

По возвращении в Вашингтон Кеннеди не покидала мысль, что, если Хрущев двинет войска на Западный Берлин, наступит настоящий Судный День. Его помощники сообщили ему, что у них есть только один план на этот случай: применить ядерное

оружие. «Черт возьми…пошевелите мозгами, — перебил Кеннеди Росуэлла Гилпатрика, заместителя министра обороны. — Мы говорим о гибели семидесяти миллионов американцев» [248]. Банди не предложил ничего лучшего: «Единственный существующий в Соединенных Штатах план применения стратегических ядерных вооружений состоял в том, чтобы нанести массированный, тотальный, всеобъемлющий, смертельный удар по Советскому Союзу…, странам Варшавского договора и коммунистическому Китаю» [249]. Кеннеди волновали не только потенциальные жертвы, но и степень доверия к нему как лидеру. «Число моих провалов за этот год превышает лимит, поддающийся оправданию», — сказал Кеннеди помощникам [250]. Журналист Джозеф Элсоп опубликовал в *Saturday Review* статью о встрече с Кеннеди, озаглавленную «Наиважнейшее решение в истории США».

В статье ставился вопрос о том, «должны ли Соединенные Штаты идти на заведомый риск, по своим масштабам приближающийся к самоубийству нации, с целью избежать капитуляции своей страны» [251]. В первых числах августа Кеннеди объявил о начале осуществления программы гражданской обороны, заданием которой было «укрепить общественную поддержку решения США в случае необходимости использовать ядерное оружие» [252].

В то лето Кеннеди много выступал и часто говорил о кризисе. В июле, обращаясь к телевизионной аудитории, он сказал: «Как никогда раньше, Западный Берлин стал испытательным полигоном, где проверяется смелость и воля стран Запада. Это центр противостояния принятых нами еще в 1945 году серьезных обязательств и нынешних амбиций Советского Союза… Мы дали слово, что нападение на этот город будет рассматриваться нами как начало военных действий против всех нас» [253]. Очевидно, речь Кеннеди была адресована скорее Хрущеву, чем американцам.

Убедительные призывы Кеннеди защитить Западный Берлин беспокоили и даже возмущали некоторых американских политиков и многих жителей Западной Германии, которые видели в его позиции готовность отказаться от борьбы за коммунистический сектор Берлина. Как и раньше, его обвиняли в «слабости». Послевоенный договор 1945 года предусматривал существование единого Берлина, а многие немцы — и даже некоторые американцы — считали, что Кеннеди без боя сдает противнику половину города.

Уильям Фулбрайт еще больше усложнил полемику, заявив: «Почему бы восточным немцам не закрыть границу; по моему мнению, у них есть право это сделать» [254]. Кеннеди не опроверг

утверждение Фулбрайта. Более того, он сказал заместителю помощника президента по национальной безопасности Уолту Ростоу, что Хрущеву «придется сделать что-то, чтобы остановить поток желающих эмигрировать. Возможно, построить стену. Мы не сможем помешать этому». [255]

Через несколько дней, в ночь на 13 августа 1961 года, граница между Восточным и Западным Берлином была закрыта. Ее вновь открыли только через двадцать восемь лет. Сначала появился забор из колючей проволоки, потом очень быстро выросла бетонная стена, положившая конец сложным взаимоотношениям между двумя секторами Берлина, существовавшим с 1945 года. В Западном Берлине происшедшее расценили как акт грубого произвола и со страхом ожидали, что последует дальше. Но реакция Кеннеди была спокойной и безмятежной. Узнав о событиях в Берлине, он отправился кататься на яхте, посоветовав Дину Раску сходить на бейсбольный матч. Государственный департамент направил составленную без особой тщательности ноту протеста, добавив, что дальнейшие комментарии поступят через надлежащие каналы. Самым выразительным было высказывание, сделанное Кеннеди в неофициальной обстановке: «Это — конец берлинского кризиса… Запаниковали наши противники, а не мы. Теперь мы ничего не будем предпринимать» [256].

* * *

То, что Кеннеди назвал «концом берлинского кризиса», конечно, не положило конец напряженности в отношениях между Соединенными Штатами и Советским Союзом. Берлинская стена принесла Кеннеди облегчение, но то, с какой невозмутимостью и полным принятием ситуации он отнесся к ней, еще больше озлобило правых в Америке и возмутило многих в Западной Европе.

В Соединенных Штатах Кеннеди обвинили в недостаточных инвестициях в разработку новых видов оружия, в первую очередь ядерного. По иронии судьбы, это обвинение частично было реакцией на сделанные им самим малообоснованные заявления о «дисбалансе в ракетных вооружениях» и отставании Америки от СССР. Проблема обострилась настолько, что в октябре заместитель министра обороны Росуэлл Гилпатрик ответил на речь Хрущева выступлением весьма воинственного характера. На собрании в Хот-Спрингс (штат Арканзас) он говорил о «нашей уверенности в том, что мы сможем сдержать действия

коммунистов или противостоять коммунистическому шантажу… Железный занавес не настолько непроницаем, чтобы заставить нас принять кремлевскую похвальбу за чистую монету… Соединенные Штаты не имеют намерения оставаться проигравшей стороной» [257]. Кремль ответил в таком же напыщенном стиле: «Империалистические державы вынашивают безумные планы нападения на Советский Союз… Эта угроза нас не пугает» [258].

К концу первого года пребывания Кеннеди в Белом доме центральной проблемой для США оставалась Холодная война. Консервативно настроенные американские политики были недовольны. Их точку зрения выразил редактор газеты *Dallas Morning News* Тед Дили, зачитав во время ленча в Белом доме послание президенту, в котором в частности говорилось: «Вы и ваша администрация — просто кисейные барышни… Нам нужен настоящий мужчина, всадник на боевом коне, который возглавит нацию, а многие в Техасе и на юго-западе считают, что вы сидите не на коне, а на трехколесном велосипеде вашей дочери Каролины» [259]. Кеннеди был настолько потрясен и взбешен тирадой Дили (хотя некоторым она понравилась), что произнес ответную речь, в которой дал жесткий отпор оппонентам. Поддержав кандидатов от Демократической партии на предстоящих промежуточных выборах, он с необычной для себя резкостью заговорил о «голосах экстремистов…, которые в противоречие фактам не находят в себе сил достойно встретить угрозу извне, а вместо этого убеждены, что ее надо искать внутри… Давайте же не будем слушать советы, продиктованные страхом и подозрительностью» [260].

* * *

После многочисленных разочарований, пережитых в 1961 году, Кеннеди предпринял еще одну попытку дестабилизировать режим Кастро — проект под названием «Операция Мангуст». Частично его решение было продиктовано позицией генерала Максвелла Тейлора, глубоко почитаемого всеми Кеннеди. Секретный доклад Тейлора не только объяснял причины поражения в Заливе Свиней, но и содержал вывод о том, что «нельзя мириться с перспективой долгосрочного соседства с Кастро… Реальную опасность представляет само продолжение его существования в западном полушарии как действенного распространителя коммунистической и антиамериканской идеологии» [261]. Поскольку еще об одном вторжении не могло

быть и речи, оставалось полагаться на тайные подрывные операции. Президент поручил Роберту Кеннеди контролировать осуществление проекта.

Среди немногих посвященных в план проведения операции значительную часть составляли ее противники, к которым принадлежали Артур Шлезингер и заместитель госсекретаря Честер Боулс. «Что касается новой администрации, то больше всего меня волнует вопрос, есть ли у них ясное понимание того, что можно и чего нельзя делать», — писал Боулс [262]. Противодействие проекту привело к отставке Боулса, которого сменил более сговорчивый Джордж Болл. После того как миновала угроза, возникшая в результате берлинского кризиса, появилась возможность вернуться к проблеме устранения Кастро. «Мой план состоит в том, чтобы дестабилизировать ситуацию на острове с помощью шпионажа, саботажа, общего беспорядка, и сделать это руками самих кубинцев… Не знаю, добьемся ли мы свержения Кастро, но, по-моему, нам нечего терять», — сказал Роберт Кеннеди [263].

К концу 1961 года «Операция Мангуст» застопорилась. Роберт Кеннеди, выступая от имени президента на заседании в узком кругу знающих о проекте сотрудников, «выразил серьезную обеспокоенность кубинским вопросом» и призвал к «немедленным активным действиям» [264]. Президент, разочарованный отсутствием прогресса в разработке операции, спросил репортера *New York Times* Тэда Шульца, который серьезно интересовался проблемой Кубы: «Что бы вы подумали, если бы я отдал распоряжение убить Кастро?» [265]. Шульц ответил, что он решительно против таких действий из моральных и практических соображений. Кеннеди согласился с ним, но пожаловался, что от него настоятельно требуют действий. Между тем забывшие об осторожности участники проекта открыто обсуждали планы убийства кубинского лидера. Первым высказал эту идею Роберт Макнамара, и его слова были зафиксированы в протоколе заседания, что вызвало беспокойство некоторых задействованных в проекте сотрудников ЦРУ. Очевидно, что, по крайней мере, некоторые оперативники ЦРУ считали физическое устранение Кастро одним из вариантов осуществления «Операции Мангуст». (Джон Маккоун, вскоре ставший директором ЦРУ, был возмущен фактом открытого обсуждения планов убийства и потребовал «убрать это из протокола». [266]) Трудно установить, был ли вопрос о предполагаемом уничтожении кубинского лидера включен в повестку дня, но, выступая на заседании в октябре, Роберт Кеннеди сказал, что президенту нужны «масштабные действия» [267]. Безусловно, для братьев Кеннеди целью

планируемой операции было свержение режима Кастро. Президент также надеялся восстановить свою репутацию непримиримого борца с коммунизмом.

* * *

Кеннеди не терял надежды добиться в процессе разоружения положительной динамики. На встрече в Вене он не делал никаких конкретных предложений, ожидая начала разговора о способах снижения угрозы ядерной войны. Хрущев также ничего не предлагал. Кеннеди считал, что единственным эффективным шагом в нужном направлении, на который может пойти советская сторона, будет подписание договора о запрещении испытаний атомного оружия. Сторонники такого соглашения утверждали, что оно замедлит и, возможно, даже остановит разработку нового ядерного оружия. Кеннеди предполагал, что сокращение вооружений будет происходить постепенно, но Хрущев продолжал настаивать, что непременным условием заключения любого договора должно быть полное и всеобщее атомное разоружение. Понимая, что такое широкое требование не имеет шансов на успех, Кеннеди продолжал настаивать на запрещении ядерных испытаний. Хрущев ответил, что «одно лишь запрещение испытаний не обеспечит государствам национальной безопасности. Опасность сохранится». Однако он пообещал, что «СССР не возобновит испытаний, если их не возобновят Соединенные Штаты» [268].

Воодушевленный неофициальным обещанием Хрущева больше не испытывать атомные бомбы, Кеннеди стал искать поддержки своей инициативы у Пентагона, Конгресса и научного сообщества. Джером Визнер, один из советников президента по вопросам науки, настаивал на полном запрете испытаний. По словам другого советника Белого дома, без такого запрета «дилемма постоянного наращивания военной мощи и одновременного снижения национальной безопасности не имеет технического решения» [269]. Принимая во внимание репутацию Кеннеди как слабого игрока в политических дебатах по вопросам разоружения, можно не удивляться многочисленности его оппонентов. Представители Пентагона не хотели соглашаться на запрет испытаний без проведения тщательного контроля соблюдения условий, однако Хрущев настаивал, что ежегодных проверок не должно быть больше трех, поскольку «большее число будет равносильно шпионажу» [270]. Некоторые советские ученые выступали против любых ограничений на испытания,

другие считали, что испытания должны проводиться под землей, чтобы ограничить радиоактивное заражение атмосферы.

Дело осложнялось отсутствием взаимного доверия. В результате, 1961 год закончился, а договор так и не был заключен. Даже данное Хрущевым в Вене неофициальное обещание не испытывать новые виды атомного оружия при условии, что США также воздержатся от такого рода испытаний, было нарушено меньше чем через год. В августе СССР провел успешное испытание 50-мегатонной водородной бомбы в атмосфере. «Опять меня надули», — рычал Кеннеди. Разговор о запрете испытаний ядерных вооружений возобновится только в 1963 году [271].

* * *

Среди многих острых проблем, с которыми Кеннеди столкнулся в первый год пребывания в Белом доме, был унаследованный от предыдущего правительства вопрос о политике в отношении Лаоса. Во время их встреч в декабре 1960 года Эйзенхауэр рассказал ему о положении в этой маленькой стране, в которой в начале 1960-х годов проживало 3 миллиона человек. Окруженный со всех сторон сушей, Лаос имел общие границы с Бирмой, Китаем, Камбоджой, но, что еще важнее, с Таиландом, а также Северным и Южным Вьетнамом. Все время, на протяжении 1950-х годов в стране шла вооруженная борьба между слабым монархическим режимом и крепнущим коммунистическим народным фронтом Патет Лао (Патриотический фронт Лаоса), связанным с Северным Вьетнамом. В годы президентства Эйзенхауэра ЦРУ неоднократно предпринимало попытки ослабить позиции Патет Лао и время от времени оказывало правительственным войскам военную помощь. Нестабильность в Лаосе продолжала нарастать и тогда, когда Кеннеди пришел к власти [272].

На пресс-конференции 23 марта 1961 года Кеннеди много времени уделил «самой неотложной из проблем, с которой мы столкнулись, придя к власти». Патет Лао «пользуется все возрастающей поддержкой и руководством из-за рубежа. Приходится с сожалением констатировать, что советские самолеты участвовали в крупномасштабных воздушных перевозках грузов в район боевых действий… вместе с внушительной группой военных специалистов, в основном из коммунистического Северного Вьетнама».

Кеннеди не был настроен воевать в Лаосе. Не объявляя своих

намерений, он собирался уменьшить степень участия США в лаосском конфликте. При этом он утверждал: «Мы безоговорочно и решительно поддерживаем идею создания нейтрального и независимого Лаоса, не связанного политическими обязательствами ни с одним государством или группой государств, никому не угрожающего и свободного от иностранного господства» [273].

То, что Кеннеди хотел нейтрального статуса для страны, находящейся под угрозой коммунизма, приводило в ярость тех его многочисленных соотечественников, которые верили в необходимость жесткого военного противодействия коммунизму во всех точках земного шара. В редакционной статье журнала *Time* позиция Кеннеди трактовалась как «признание того, что поддерживаемый Америкой Лаос вот-вот будет втянут в коммунистический лагерь» [274]. Но президент не желал быть втянутым в войну, и чем больше он узнавал о происходящем в Лаосе, тем более крепла его уверенность в собственной правоте. Он провел консультации с пятью американскими генералами, услышал пять разных точек зрения, в разочаровании «развел руками и вышел из комнаты». [275] Кеннеди вспомнил совет Шарля де Голля, который, ссылаясь на печальный опыт Франции в Индокитае после 1945 года, предупреждал его, что «решившись на вооруженное вмешательство в этом регионе, оказываешься втянутым в бесконечный военный конфликт» [276]. В Вене Кеннеди и Хрущев пришли к единому мнению, что «Лаос не имеет стратегического значения». Вернувшись в Вашингтон, Кеннеди поделился с помощниками своими соображениями: «Если нам придется воевать в Юго-Восточной Азии, давайте воевать во Вьетнаме» [277].

В любом случае Кеннеди не мог себе позволить потерпеть еще одно публичное поражение: просто «уйти из Лаоса» он не мог. Вместо этого он выбрал, как позже писал Тед Соренсен, политику «смеси блефа с истинными намерениями… в пропорции, которую он вообще никому не раскрывал» [278]. Он принял решение не посылать войска в Лаос, но разместил американских солдат вдоль границы между Таиландом и Лаосом в надежде, что их присутствие напугает Патет Лао.

Одновременно Кеннеди направил в Москву ветерана дипломатической службы Аверелла Гарримана с заданием добиться гарантий невмешательства Северного Вьетнама в лаосский конфликт. Казалось, что блеф сработал. В середине июня, почти сразу же после встречи в Вене, правительство Лаоса и Патет Лао решили сесть за стол переговоров. «Из Лаоса пришли хорошие новости», — с гордостью сообщал Хрущев Кеннеди. «Без

сомнения, это может стать поворотным моментом не только в жизни народа Лаоса, но и в процессе укрепления мира в Юго-Восточной Азии» [279]. Через год, на конференции в Женеве, перемирие переросло в «Декларацию нейтралитета Лаоса» [280].

В конечном итоге, однако, ни перемирие, ни Декларация не стабилизировали ситуацию в Лаосе. Осенью 1962 года шаткая коалиция правительства и Патет Лао развалилась. Лаос так и остался для Кеннеди проблемой, которую он тщетно пытался решить с помощью секретных операций ЦРУ, а также дипломатических усилий в Москве и Вашингтоне, одновременно декларируя, хотя бы на словах, готовность в случае необходимости прибегнуть к военным действиям. Только стратегическая маловажность Лаоса и слабость обеих сторон в этой гражданской войне не позволили Лаосу стать активным союзником своих коммунистических соседей [281].

* * *

1961 год не был удачным для Кеннеди. Когда Эли Абель, корреспондент общенациональной телерадиовещательной компании *NBC*, сказал президенту, что планирует написать книгу о первом годе его пребывания у власти, Кеннеди ответил: «Кто захочет читать книгу о политических провалах?» [282] В то же время он думал о будущем и 30 декабря писал Хрущеву: «Я искренне надеюсь, что наступающий год укрепит основы мира во всем мире и улучшит отношения между нашими странами, от которых так многое зависит». В ответном послании Хрущев отмечал: «Советские люди с оптимизмом смотрят в будущее. Они надеются, что в наступающем новом году наши страны смогут найти пути к достижению более тесного сотрудничества на благо всего человечества» [283].

В ежегодном конкурсе редакция журнала *Time* выбрала Кеннеди «Человеком года». Несмотря на частые расхождения во взглядах между президентом и журналом, в посвященной ему статье редакция оценила результаты первого года президентства намного выше, чем сам Кеннеди. В статье говорилось, что он «сделал 1961 год самым интересным и увлекательным президентским годом за последнее время… Он всегда умел найти правильный подход к людям… Его популярность остается неизменно высокой… 78 % американцев сказали, что одобряют его действия на посту президента». В конце статьи Кеннеди был назван «наиболее энергичным президентом двадцатого столетия… В первый год президентства Джон Фицджеральд

Кеннеди проявил качества, сделавшие его многообещающим лидером… Эти же качества, в случае их дальнейшего развития, смогут сделать его великим президентом» [284]. Кеннеди хорошо понимал, как трудно ему будет оправдать столь большие ожидания.

Глава 6 Свобода

Все в окружении Джона Кеннеди знали, что он предпочитает заниматься внешнеполитическими проблемами. С другой стороны, президент понимал, что не может игнорировать вопросы внутренней политики. В начале 1962 года Кеннеди надеялся, что этот год принесет снижение международной напряженности. Он предвидел рост благосостояния, что, по его мнению, поднимет его и без того высокий рейтинг. Рецессия, преследовавшая экономику страны на протяжении его первого президентского года, отступила, и в 1962 году в послании «О положении в стране» он говорил о «магистральном пути к экономическому оздоровлению и развитию …, о новых рекордных цифрах потребительских расходов, трудовых доходов, и промышленного производства» [285]. Но экономический рост сопровождался некоторыми отрицательными явлениями. В начале 1962 года перед государством возникла новая экономическая проблема — на этот раз не спад, но инфляция. Кеннеди решил, что пробил час, когда американцы должны согласиться на жертвы во имя процветания страны и обуздания инфляции. Он призвал корпорации и профсоюзы «применить тест на соответствие общественным интересам» при определении уровня желаемых прибылей и зарплат. К началу весны президент был уверен, что его призыв был услышан, и владельцы корпораций согласны ввести ограничения на рост цен [286]. В частности, сталелитейная промышленность демонстрировала активную поддержку его начинания по отсрочке повышения цен [287].

Однако всего через несколько дней президент корпорации «Юнайтед Стейтс Стил» Роджер Блау пришел в Белый дом, чтобы сообщить президенту, что они повышают цену на сталь на 3,5 %. Все меньшие сталелитейные компании последовали их примеру. «Вы обманули меня», — в гневе крикнул Кеннеди Блау. Министр труда Артур Голдберг, приложивший неимоверные усилия для удержания цен, высказался еще жестче: «Это война». Администрация Кеннеди действительно пошла в наступление. Президент призвал Конгресс провести расследование на предмет нарушения антимонопольного законодательства. Роберт Кеннеди собрал большое жюри, которое должно было выяснить, не явилось ли увеличение цен результатом тайного сговора между компаниями. «Мы были готовы на все: вытащить на свет их счета расходов, изучить всю их прошлую и текущую деятельность», — вспоминал министр юстиции и генеральный прокурор [288]. Пресса в основном поддерживала президента, общественное

мнение также было не на стороне Блау. Кларк Клиффорд, юрист и доверенное лицо Кеннеди, в частном порядке встречался с Блау и другими руководителями сталелитейной промышленности, чтобы дать им понять, какую цену они на самом деле могут заплатить за свою настойчивость. Однако решающую роль в конфликте, вероятно, сыграло прозвучавшее в выступлении президента резкое осуждение инициированного сталелитейными монополиями ценового скачка:

«Одновременные и идентичные действия корпорации „Юнайтед Стейтс Стил“ и других ведущих сталелитейных компаний … демонстрируют абсолютно безответственное и непростительное игнорирование общественных интересов… В то время, когда от каждого гражданина требуются самоограничение и самопожертвование, американский народ, и я в том числе, не может принять ситуацию, в которой крохотная горстка сталелитейных магнатов, чья жажда личной власти и наживы превышает чувство гражданской ответственности, проявляет полное презрение к интересам ста восьмидесяти пяти миллионов американцев» [289].

Под давлением Белого дома, прессы и общественности сталелитейные боссы скоро сдались. Через три дня после объявления о повышении цен Блау заявил об отмене принятого решения, и, как и раньше, его примеру тут же последовали меньшие сталелитейные компании. Кеннеди предусмотрительно отказался от публичных торжеств по этому поводу, и правильно поступил. Объявить войну магнатам бизнеса — неслыханная дерзость со стороны президента [290].

Кеннеди редко позволял себе резкие высказывания в публичных выступлениях. Но в частных беседах выражений не выбирал, так что ближайшее окружение президента привыкло к его сквернословию («Как я ненавижу этих ублюдков». «Они нас уделали, и теперь нам надо попытаться уделать их». [291]) Он мог взорваться, читая критические замечания в свой адрес в газетах. («Чертова *Herald Tribune* опять за свое», — как-то прорычал он, после чего аннулировал подписку на газету во всех подразделениях Белого дома [292].) Его мимолетный гнев, направленный против мира бизнеса, был одним из немногочисленных публичных проявлений темных черт его характера [293].

Что касается инфляции, то, в конечном счете, она не стала для Кеннеди проблемой. Весной 1962 года казавшееся таким надежным оздоровление экономики пошло на спад. В середине марта в результате сокращения производства и (по заключению Совета экономических консультантов при президенте США)

«враждебного отношения правительства к предпринимательству» произошло значительное (на 22 %) падение рынков [294]. Теперь Кеннеди проявлял осторожность, так как не мог снова противопоставить себя деловым кругам [295].

Экономический спад возродил интерес к давно откладываемому снижению налоговой ставки, которое, по мнению Уолтера Хеллера, станет стимулирующим фактором для находящейся в застое экономики. Хеллер предложил снизить налоговую ставку для верхней группы налогоплательщиков с 70 % до 50 %. Кеннеди, не очень разбирающийся в экономике и мало ею интересующийся, не мог сам оценить представленные цифры и быстро согласился с расчетами Хеллера. В послании «О положении в стране» за 1963 год он без возражений поддержал предложение: «Я уверен, что принятие в этом году законодательных актов о снижении налогов и налоговой реформе превосходит по своей значимости все другие проблемы внутренней политики, рассматриваемые сейчас Конгрессом, поскольку мы не сможем быть долговременными лидерами в борьбе за мир и свободу, если не зададим нужный темп развитию нашей экономики» [296]. В Палате представителей снижение налогов было одобрено значительным большинством голосов, но коалиция республиканцев и демократов-южан в Сенате блокировала его, мотивируя свою позицию опасениями, что меньшие поступления в казну вызовут рост бюджетного дефицита [297].

* * *

Популярность Кеннеди среди простых американцев в определенной степени компенсировала недостаток уважения к нему со стороны Конгресса. Но были и другие причины беспокоиться, что его популярность — и даже само пребывание на посту президента — могла оказаться под угрозой. Практически всю свою взрослую жизнь, куда бы он ни поехал, Кеннеди везде искал сексуальных приключений. Неудивительно, что его статус делал его особенно заманчивой добычей для дам. Друзья, помощники и такие же, как он, сексуально озабоченные политики, объединив усилия, наперебой знакомили президента с представительницами прекрасного пола. В его донжуанский список входили кинозвезды, манекенщицы, родственницы друзей и дорогие девушки по вызову. Свидания часто организовывали сами женщины или третьи лица, сопровождавшие их на светских мероприятиях [298].

Кеннеди не стыдился и не скрывал своих любовных похождений. Когда ему предстояла поездка в Париж, французский посол обеспечивал ему встречи с дамами в период пребывания во Франции. Во время переговоров на Бермудских Островах он шокировал британского премьер-министра Гарольда Макмиллана, сообщив ему: «Если у меня три дня нет женщины, начинает ужасно болеть голова» [299]. В Нью-Йорке, где у него была квартира, он не раз ускользал от сотрудников секретной службы на какое-нибудь тайное любовное свидание. Повышенное сексуальное влечение было одним из многих побочных действий регулярно принимаемого им кортизона. Но Кеннеди никогда не искал средств борьбы с этим недугом [300].

В начале 1962 года появилась реальная угроза его репутации. Директор ФБР Эдгар Гувер, который обеспечил себе неуязвимость, собирая досье на президентов, членов Конгресса и других видных людей, стал не без удовольствия делиться с Кеннеди пикантной информацией о некоторых интересных привычках президента. Свои действия Гувер объяснял необходимостью защитить Кеннеди, одновременно давая понять, что может значительно подпортить ему карьеру. Среди многочисленных президентских «спутниц», как деликатно называл их Гувер, была некая Джудит Кэмпбелл, часто посещавшая Белый дом во время отсутствия там Жаклин и другие места свиданий, когда первая леди была дома. Доклад Гувера Кеннеди назывался «Джудит Э. Кэмпбелл, сообщница гангстеров». В нем говорилось, что «свободная художница» Кэмпбелл «связана с известными в преступном мире личностями, Сэмом Джанкана из чикагской группировки и Джоном Роселли из лос-анджелесской». Далее приводился длинный список сделанных с телефона Кэмпбелл звонков в Белый дом и места пребывания Кеннеди за пределами Вашингтона. Эта информация представляла особую опасность для Кеннеди, так как ЦРУ пользовалось услугами Джанкана и Роселли в своих упорных, хотя и бесплодных попытках отправить Кастро на тот свет. Ни о чем этом президент, по-видимому, ранее не знал, и был потрясен тем, что Гувер прямо угрожает ему и вполне может «слить» собранный материал прессе. Кеннеди немедленно прекратил отношения с Кэмпбелл. Но отношений с другими женщинами не прервал [301].

Не меньшую проблему представляло внушающее серьезные опасения состояние здоровья Кеннеди. К 1962 году ежедневные инъекции кортизона позволяли держать болезнь Аддисона, сам факт наличия которой Кеннеди держал в тайне, под контролем. Хотя полностью победить болезнь не удалось. Но он страдал и от

других тщательно скрываемых недугов, среди которых, по некоторым утверждениям, были колит, простатит, бессонница и венерические заболевания. Каждый день его лечило множество врачей. При этом Кеннеди позаботился о том, чтобы о существовании, по крайней мере, одного из них — Макса Джекобсона, который часто по нескольку раз в день давал ему амфетамины, — другие доктора некоторое время даже не догадывались. По их предписаниям Кеннеди ежедневно делали уколы целого ряда самых разнообразных препаратов [302].

Самой серьезной проблемой для Кеннеди оставалась его спина. Боли в позвоночнике часто становились невыносимыми. Проблемы со спиной начались у него в юности, хотя семья Кеннеди продолжала утверждать, что они были результатом травмы, полученной им во время войны на Тихом океане. Особенно тяжело ему было в поездках, когда не было возможности отдыхать в течение дня. В 1961 году в Оттаве он участвовал в церемонии высаживания деревьев, организованной премьер-министром Канады Джоном Дифенбейкером, которого Кеннеди терпеть не мог. Копая, Кеннеди потянул спину и в течение нескольких недель страдал от такой сильной боли, что почти не мог работать и передвигался на костылях. Обычно он скрывал свои недуги от посторонних, оставляя костыли за пределами кабинета, в котором его ожидали посетители. По крайней мере, один из лечащих его врачей и несколько человек из сотрудников секретной службы предсказывали, что ему, возможно, второй президентский срок придется провести в инвалидной коляске [303].

Влияли ли недуги Кеннеди на исполнение им президентских обязанностей? Можно предположить, что, проживи он дольше, наступил бы момент, когда в силу плохого состояния здоровья он не смог бы больше возглавлять государство. Некоторые из лечащих врачей и брат Роберт предупреждали его об опасности чрезмерного употребления лекарств, особенно амфетаминов. Кеннеди всегда отмахивался от этих предостережений. Известно, что распространенным побочным эффектом ежедневного приема кортизона есть «повышенное чувство уверенности в своих силах и способностях» [304]. Однако эту же черту характера можно найти и у многих других политиков, которые никогда не принимали кортизон.

Что бы ни готовила ему судьба в будущем, до которого он не дожил, нет веских оснований полагать, что в реальной жизни состояние здоровья мешало Кеннеди быть дееспособным руководителем. Боль и ожидание неизбежного обострения болезней были постоянными спутниками его жизни, но на посту

президента он вел себя так, что очень немногие американцы догадывались о его недомоганиях, а во всем мире его воспринимали как энергичного, активного, полного сил молодого лидера. То, что Кеннеди был в значительной степени ограничен в своей физической активности, не служило препятствием в процессе принятия политических решений так же, как инвалидность Франклина Рузвельта почти до конца жизни не мешала последнему быть подлинным лидером нации. После тщательного изучения медицинских карт Кеннеди историк Роберт Даллек писал: «Несмотря на то, что часто возникающие кризисные ситуации в международной и внутренней политике держали его в постоянном напряжении, он выдержал в борьбе с трудностями, которых на неполный срок его президентства выпало больше, чем многим его коллегам на полный… Будет справедливым отметить, что Кеннеди мужественно преодолевал физические страдания. Проблемы со здоровьем президента не имели сколько-нибудь существенного влияния ни на одно важное решение» [305]. Многие факты, связанные с эпохой президентства Кеннеди, скрываются. Но, по-видимому, Даллек прав, делая заключение, что во время недолгого пребывания на посту президента Кеннеди эффективно выполнял свои функции.

* * *

На протяжении всей своей политической карьеры Кеннеди выступал за соблюдение гражданских прав афроамериканцев. Будучи членом Конгресса в 50-е годы, он мало чем мог помочь движению за расовую справедливость, так как большинство конгрессменов не были готовы обсуждать эту проблему. В отличие от них Кеннеди поддержал решение Верховного Суда по делу «Браун против Совета по образованию» в 1954 году. В выступлениях 50-х годов он часто обращался к теме равенства прав, положительно отзываясь о зародившемся тогда движении за десегрегацию и таких организованных протестных акциях, как автобусный бойкот в Монтгомери и сидячие забастовки в Гринсборо. Он одобрительно относился к деятельности Мартина Лютера Кинга-младшего и в 1960 году помог освободить его из тюрьмы. Безусловно, позиция защитника гражданских прав была, прежде всего, логически и политически обусловленной его принадлежностью к массачусетским либеральным демократам. В сентябре 1960 года Кеннеди включил вопрос о гражданских правах в первый, и наиболее важный, раунд телевизионных дебатов, в частности сказав: «Когда рождается негритянский

ребенок… вероятность того, что он закончит колледж, составляет всего одну треть от [шансов] белого [ребенка получить высшее образование]. Он имеет в три раза меньше шансов приобрести престижную профессию, в два раза меньше шансов стать владельцем собственного дома… Я думаю, что мы можем добиться большего. Я не хочу, чтобы таланты хотя бы одного американца пропадали зря» [306]. Он не наметил путей решения проблемы, но, по крайней мере, констатировал ее наличие.

Попав в Белый дом, Кеннеди оказался слишком поглощенным перипетиями на международной арене и слишком озабоченным тем, как бы лишний раз не обострить отношений с политическими оппонентами внутри страны, чтобы вплотную заняться проблемой нарушения гражданских прав афроамериканцев. Время от времени он призывал своих советников искать пути решения проблемы, в основном делая это через своих помощников Харриса Уоффорда и Льюиса Мартина, которым он поручил ею заниматься. Но чуть ли не каждый раз, когда они предлагали какие-то конкретные шаги, Кеннеди отступал. Такая модель поведения президента, при которой риторика его многообещающих заявлений сменялась сопротивлением реальным действиям, наблюдалась с первого дня его пребывания в Белом доме. Уоффорд и Мартин предложили включить в инаугурационную речь смелую формулировку о необходимости обеспечения гражданских прав цветного населения. Она оставалась в тексте речи до самого последнего момента, но Кеннеди так ее и не произнес, заменив более туманной фразой, в которой расовый фактор напрямую не упоминался [307]. Осторожность взяла верх.

Нельзя сказать, что Кеннеди не предпринимал практических шагов, направленных на преодоление расовой дискриминации. По его указанию афроамериканцев принимали на посты в государственном аппарате, прежде всего в Белом доме и других органах федерального правительства. При этом впервые в истории чернокожим предлагали должности не только в подразделениях, занимающихся вопросами расовой справедливости и гражданских прав. При Кеннеди в федеральном правительстве работало беспрецедентно большое количество афроамериканцев, хотя они все еще составляли очень небольшой процент сотрудников госаппарата и еще меньший процент высокопоставленных чиновников. Да и на правительственные приемы и встречи Кеннеди приглашал больше афроамериканских лидеров, чем любой из его предшественников на президентском посту. И Джон, и Роберт Кеннеди в своих выступлениях касались, хоть и коротко, внешнеполитического значения движения за

гражданские права. В первом своем послании «О положении в стране» президент сказал: «Лишение конституционных прав по расовому признаку, которому подвергаются некоторые из наших сограждан, — на выборах, или в иных ситуациях — идет вразрез с чувством справедливости, присущим нашему народу, и делает нас объектом критики за рубежом, где нас упрекают в том, что наша демократия не отвечает высоким принципам, заложенным в ее основу» [308].

Выступая вскоре в Университете штата Джорджия, Роберт Кеннеди прямо заявил: «Получение дипломов вашего университета студентами Шарлейн Хантер и Гамильтоном Холмсом [первые афроамериканцы, зачисленные в этот университет], несомненно, будет способствовать борьбе с коммунистическими настроениями и идеологией партизанской войны на мировой арене» [309]. Даже эти скромные усилия власти производили значительное впечатление на чернокожих избирателей. В начале 1961 года журнал *Frontier* сообщал: «В округах с явным преобладанием негритянского населения наблюдается единодушная поддержка демократов» [310]. Кеннеди, однако, опасался, что слишком очевидная расположенность к нему черных избирателей оттолкнет от него белых южан [311].

Непоследовательность позиции Кеннеди приводила к тому, что некоторые афроамериканские лидеры теряли к нему доверие. Президент столько раз откладывал аудиенцию Мартина Лютера Кинга, что последний заявил: он «никогда больше не будет просить о личной встрече» [312]. Лидеры умеренной Национальной городской лиги также не удостоились внимания президента, несмотря на все усилия Харриса Уоффорда.

Между тем предложение президента ускорить десегрегацию школ было отвергнуто, на том основании, что это «обречет на бесславную кончину федеральную помощь средней и высшей школе» [313]. Попытка «запретить дискриминацию в программах жилищного строительства, осуществляемого на средства казны» натолкнулась на следующий убийственный аргумент: «абсолютно очевидно, что даже если билль о создании Министерства городских дел будет подготовлен, его потеряют» [314]. Некоторое время Кеннеди не предпринимал никаких дальнейших действий по этим вопросам. Он чувствовал себя увереннее, борясь с дискриминацией в сферах занятости и избирательного права.

В марте он подписал указ «О создании президентской комиссии по обеспечению равных возможностей при трудоустройстве», подтвердивший указ 1955 года, который запрещал «дискриминацию работающих или кандидатов на

рабочее место в федеральных учреждениях по расовым, религиозным или национальным соображениям». Предыдущий указ не очень активно выполнялся при президенте Эйзенхауэре. Кеннеди дополнил его пунктом о «правовой защите интересов, обеспечивающей гарантии трудоустройства социально уязвимых кандидатов и равного отношения к работающим, независимо от их расовой принадлежности, политических или религиозных убеждений, цвета кожи или национальности» [315]. Но эффективность предусмотренных указом мер раскрывалась постепенно, а по-настоящему активные действия по десегрегации трудовых прав начались только через несколько лет, когда было принято соответствующее законодательство [316].

Харрис Уоффорд, самый пылкий в аппарате Белого дома защитник гражданских прав чернокожего населения, не делал публичных заявлений без предварительного согласования с президентом. В своих выступлениях 1961 года он, в основном, не касался спорных вопросов межрасовых отношений, поскольку их опасался Кеннеди. Президент больше склонялся к принятию мер по предоставлению гарантированных избирательных прав, используя с этой целью исполнительные указы и обеспечивая соблюдение существующих законов. Поэтому в марте 1961 года Уоффорд выступил с речью под названием «Новые рубежи в гражданских правах», в которой поддержал предлагаемую Кеннеди тактику борьбы против дискриминации афроамериканцев в избирательном процессе. Не будет ли лучше, спрашивал Уоффорд, «отказаться от долгой, шумной и бесперспективной битвы в Конгрессе ради того, чтобы спокойно и постепенно добиваться положительных результатов, эффективно выполняя президентские указы». Уоффорд утверждал, что он (как и президент) отдает предпочтение второму варианту действий. То, что он говорил, очень напоминало слова Буккера Т. Вашингтона: «Сейчас негры должны сознательно готовиться к овладению новыми рубежами в науке и технике, промышленности, дипломатии, экономических и социальных вопросах мирового развития». Но Уоффорд также с горечью отмечал, «тот факт, что миллионы цветных американцев» живут «в сельских районах на юге, где многие из них до сих пор лишены даже права голоса» [317]. В то же самое время Министерство юстиции усилило контроль над соблюдением имеющихся, хоть и несовершенных, законов о гражданских правах, принятых в 1957 и 1960 годах, чтобы гарантировать избирательные права всем гражданам. В конце 1961 года Роберт Кеннеди заявил: «Министерство юстиции обязано провести расследование и направить дело в судопроизводство в каждом случае нарушения,

по расовым мотивам, права граждан зарегистрироваться в списках избирателей и проголосовать» [318].

Через два года после того, как во время президентской кампании Джон Кеннеди пообещал запретить дискриминацию в жилищном строительстве («одним росчерком пера», говорил он в 1960 году), соответствующий указ еще не был подписан. Но к 1962 году от него стали требовать гораздо большего. Он планировал одновременно с подписанием указа создать Министерство городских дел и сделать Роберта Уивера министром и первым чернокожим членом кабинета. (Уивер стал министром жилищного строительства и городского развития во время президентства Линдона Джонсона). Однако конгрессмены-консерваторы заблокировали решение о создании нового министерства и тем самым получение Уивером министерского портфеля. Более того, Кеннеди решил дождаться окончания промежуточных выборов в Конгресс в ноябре 1962 года, прежде чем подписать указ. И даже тогда президент был полон сомнений, определяя сферу применения указа, опасаясь, что он нанесет ущерб рынку жилья и спровоцирует вражду и насилие. В конце концов, он ограничил действие нового закона только государственным и муниципальным жилищным строительством и жильем, финансируемым ссудами с правительственной гарантией. В указе ничего не говорилось о частных финансовых институтах, предоставляющих ипотечные кредиты, а именно эти учреждения упорно отказывались работать с чернокожими клиентами.

Президентский указ вышел таким слабым и половинчатым, что Джону и Роберту Кеннеди пришлось долгое время успокаивать Уивера, членов администрации и активистов движения за гражданские права, прежде чем указ был обнародован. Но даже в таком урезанном виде указ вызвал ожесточенное сопротивление многих органов местного самоуправления, особенно в южных районах страны, населенных белыми. Предложение Кеннеди принять поправку к Конституции об отмене избирательного налога также не прошло, и было в итоге утверждено Конгрессом только после его гибели [319].

В 1961 году, еще до того как Кеннеди стал президентом, Уоффорд говорил, что американская администрация «в вопросах гражданских прав летит с одним включенным мотором — Верховным судом». Но теперь, сказал он, «исполнительная ветвь подключается к работе, а это огромный новый источник энергии» [320]. Действительно, в некоторых областях указы президента привели к значительным положительным сдвигам. В целом же, его тактика использования исполнительной власти для решения

проблем негритянского населения не дала ожидаемых результатов. Несмотря на громкие лозунги «Достижения в обеспечении гражданских прав» и «Прогресс в области обеспечения гражданских прав», успехи были скромными и немногочисленными. Президентские указы могли эффективно работать только при наличии мощной поддержки как внутри правительственных структур, так и за их пределами. Такой поддержки у президента еще не было [321].

* * *

После Второй мировой войны движение за гражданские права цветного населения постепенно набирало обороты. Но только процесс по делу «Браун против Совета по образованию», впервые со времени Реконструкции Юга, потребовал вмешательства президента для исполнения судебного решения. В результате драматических событий вокруг Центральной средней школы в Литтл-Рок (штат Арканзас) президент Эйзенхауэр попытался ускорить процесс десегрегации школ в южных штатах страны. Он передал под федеральный контроль Национальную гвардию штата Арканзас и приказал ей обеспечить безопасный доступ в школу чернокожих учащихся. Но, в целом, акции в защиту гражданских прав не были многочисленными и проходили без вмешательства президента. Так, автобусный бойкот в Монтгомери прошел почти без насилия и завершился в 1956 году после решения Верховного суда. В 1960 году сидячие забастовки в Гринсборо также проходили, в основном, мирно и ограничивались лишь одним районом, хотя и привлекали к себе внимание всей страны. Однако первый год президентства Кеннеди совпал с началом значительного роста массовых акций в защиту конституционных прав цветных граждан. Эти акции продолжались все время, пока он был у власти, и вызвали волну насилия [322].

Весной 1961 года начались так называемые «рейсы свободы» на автобусных маршрутах, соединяющих южные штаты. Участниками этих рейсов были группы черных и белых мужчин и женщин, которые протестовали против расовой дискриминации, демонстративно располагаясь в залах ожидания для белых пассажиров. Незадолго до этого Верховный суд признал незаконной сегрегацию в системе автобусного сообщения между штатами. Джеймс Фармер, лидер Конгресса за расовое равноправие, решил проверить действенность нового постановления.

Фармер организовывал первые «рейсы свободы», которые он называл «поездками примирения», почти четырнадцатью годами раньше, в 1947 году. Тогда черных и белых участников протестных акций, также занимавших в автобусах и на станциях места, предназначенные только для белых, быстро и часто с применением грубой силы арестовывала местная полиция. Некоторые арестованные проводили по нескольку месяцев в исправительно-трудовых лагерях строгого режима. Конгресс за расовое равноправие вскоре отказался от этой практики и не возвращался к ней до того момента, как Кеннеди стал президентом. Как и многие другие афроамериканцы, Фармер полагал, что Кеннеди поддержит ненасильственные протестные действия, и в мае 1961 года, имея законодательную поддержку, новая группа начала «рейсы свободы» в самых южных штатах страны. Они ездили на рейсовых автобусах компаний «Грейхаунд» и «Трейлуэйз» и на каждой станции пытались пользоваться услугами в общественных помещениях, отведенных только для белых. При этом участники «рейсов свободы», как сказал один из них, были готовы к насильственным действиям со стороны своих противников: «Мы можем принять все, что может преподнести нам белый человек, но нам нужны наши права. Мы знаем наши права, и они нужны нам сейчас» [323].

15 мая 1961 года направляющийся в Бирмингем автобус «Грейхаунд» с участниками «рейса свободы» подъезжал к Аннистону в штате Алабама, когда его встретили пятьдесят легковых машин. Находящиеся в них белые были вооружены битами, цепями и еще чем попало. Они окружили автобус, порезали шины и не прекращали преследования, пока тот не остановился. После этого нападающие бросили внутрь автобуса зажигательную бомбу и стали избивать выбегающих пассажиров, некоторым из которых все же удалось пересесть в подъехавшие машины сторонников «рейда свободы». Полицейских на месте событий не оказалось. Вскоре автобус «Трейлуэйз» с участниками другого «рейда свободы» был остановлен на подъезде к Бирмингему той же бандой. На этот раз избиению подверглись не только пассажиры, но также репортеры, фотографы и просто случайные прохожие. Попытки вызвать полицию снова были безрезультатными. В Белом доме о «рейдах свободы» узнали, только когда сообщение *Associated Press* о событиях в Аннистоне и Бирмингеме появилось в *New York Times* [324].

Несмотря на свой имидж энергичного государственного деятеля, на обещания «заставить страну двигаться вперед», Джон Кеннеди не был настоящим лидером. Он впервые столкнулся с применением физического насилия против участников

десегрегационных акций, и его первоначальной реакцией было раздражение. Он справедливо возмущался, что никто раньше не сообщил ему о «рейдах свободы». Но больше всего он был обеспокоен тем, что назвал «этой проклятой возней с гражданскими правами» и тем, как она отразится на его отношениях с представителями южных штатов в Конгрессе и насколько повредит международной репутации США [325]. Когда стало ясно, что скоро начнутся новые «рейды свободы», президент попытался связаться с губернатором Алабамы Джоном Паттерсоном, который не отвечал на его звонки. Президент поручил решение проблемы министру юстиции. Роберт Кеннеди, в конце концов, дозвонился до Паттерсона, который пообещал защитить участников «рейдов свободы», но не выполнил своего обещания. После того как был избит и попал в больницу Джон Сайгенталер, помощник министра юстиции, посланный на юг как переговорщик, Роберт Кеннеди направил туда федеральных маршалов, которые должны были находиться в автобусах для защиты протестующих. Но и они не смогли остановить волну насилия [326].

«Рейсы свободы» ознаменовали начало нового этапа в развитии движения в защиту гражданских прав и поставили новые задачи перед Джоном и Робертом Кеннеди, которые в первые месяцы президентства Джона не уделяли должного внимания расовым проблемам.

По настоянию брата президент не делал публичных заявлений о событиях в Алабаме. В частном порядке он позвонил Харрису Уоффорду и попросил его «отменить [мероприятие]… Остановите их. Уберите ваших друзей с этих автобусов». Такое задание, однако, было не по силам не только Уоффорду, но и самому президенту [327]. Со своей стороны Роберт Кеннеди сказал судебным исполнителям, что он «очень, очень расстроится, если эта группа не сможет продолжать свои поездки». Насилие, особенно избиение Сайгенталера, привело министра юстиции в ярость. Но он тоже продолжал уговаривать организаторов «рейсов свободы» воздержаться от дальнейших поездок. Временами казалось, что он склонен возлагать вину за происходящее больше на участников акций, чем на тех, кто их избивал. «Хотел бы я знать, болит ли у них душа за свою страну. Знают ли они, что один из них выступает против атомной бомбы, — да, он даже устроил протест в тюрьме… Сейчас любые необдуманные действия, дискредитирующие нашу страну, могут значительно усложнить миссию президента», — сказал он, имея в виду предстоящую встречу Кеннеди с Хрущевым [328].

Через пять дней после кровавых событий в Алабаме

президент Кеннеди впервые выступил с официальным заявлением о ситуации в южных штатах, сказав, что она «порождает у меня глубокую тревогу, которую не могут не разделять большинство граждан штата Алабама и всей Америки». Он обратился к властям штата с призывом предотвратить насилие в будущем.

Но Кеннеди практически не выразил поддержки участникам «рейсов свободы». «Я бы также хотел надеяться, что любой житель или гость штата Алабама будет воздерживаться от действий, могущих так или иначе спровоцировать новые вспышки насильственных действий», — продолжил он [329]. Когда декан юридического факультета Йельского университета Юджин Ростоу стал убеждать президента десегрегировать все общественные помещения, Кеннеди с возмущением отказался. «Что он, черт возьми, от меня хочет? Я и так сделал больше для обеспечения гражданских прав, чем любой другой американский президент в истории. Никто не мог бы сделать больше!» — взорвался он гневной тирадой, как только Ростоу ушел [330]. Во втором послании «О положении в стране» он торжественно обещал высадить американцев на Луну, но ни словом не упомянул, ни события в Алабаме, ни вообще гражданские права [331].

* * *

Тем не менее, после «рейсов свободы» братья Кеннеди стали серьезнее относиться к движению за гражданские права, сознавая, что это движение будет только нарастать, год за годом набирая силу. Пока президент еще медлил и в своих действиях руководствовался прагматизмом, расчетом и осторожностью, Роберт Кеннеди быстрее принял реальность и постепенно увлекся своей ролью в поддержке движения, исполняя ее с тем же пылом, с каким когда-то организовывал предвыборную кампанию своего брата.

Осторожность, постоянно проявляемая президентом в попытках решения проблемы расового неравноправия, нашла свое отражение в его новой инициативе. Он привлек группу лидеров делового мира к созданию программы под названием «Планы прогресса», в рамках которой предпринимателей убеждали нанимать на работу афроамериканских сотрудников. Руководители программы утверждали, что она «откроет новые возможности трудоустройства», а президент определил ее как «исторический шаг вперед в обеспечении равноправия при трудоустройстве для всех американцев независимо от расы, цвета кожи и убеждений» [332]. Программа проходила под эгидой

Комиссии по обеспечению равных возможностей при трудоустройстве и действительно способствовала тому, что в компаниях, где раньше работали только белые, появились черные сотрудники. Но скромные масштабы программы вполне предсказуемо вызывали у лидеров движения за гражданские права лишь разочарование, которое иногда переходило в презрение. («Больше рекламы, чем прогресса» — прокомментировал получаемые результаты специалист по труду в Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения. [333]) Руководителем программы стал известный белый адвокат из штата Джорджия обаятельный Роберт Траутмен, который, как надеялся президент, проявит разумную сдержанность в действиях. Несмотря на все предпринимаемые Траутменом усилия и его искреннюю обеспокоенность «актуальностью и серьезностью негритянской проблемы для страны», эффективность программы была удручающе низкой [334]. Через год, в июне 1962 года, имея в активе всего несколько успешно проведенных акций, Траутмен ушел со своего поста.

Президент оставался верен идее, продолжая поддерживать в своем детище едва теплившуюся жизнь в отчаянной надежде, что «через шесть-девять месяцев, может быть, через год… мы действительно сможем внести свой вклад в добровольное сотрудничество правительства с людьми, работающими для достижения очень важной общей цели» [335]. Выводы помощников президента, курирующих программу, были куда менее оптимистичны: «Программу „Планы прогресса“ следует вводить довольно медленно и осторожно» [336]. Они понимали, что от президентской инициативы толку будет мало, но полный отказ от нее для президента неприемлем [337].

Такая весьма символическая активность вполне отвечала первоначально прохладному отношению Кеннеди к проблеме гражданских прав в 1962 году, даже после того, как движение за расовое равноправие начало приобретать более широкий и более агрессивный характер. Он игнорировал мнение своих советников по проблеме, и, в конце концов, Харрис Уоффорд попросил перевести его на работу в Корпус мира. Президента так беспокоила перспектива лишиться поддержки белых южан, что он даже не стал принимать участие в праздновании столетней годовщины объявления Манифеста об освобождении рабов, и в этот день, 1 января 1963 года, в эфир была передана запись его приветственного обращения к нации. Сам же он в это время катался на яхте.

В отличие от брата, Роберт Кеннеди энергично шел вперед. Как вспоминает сотрудник министерства юстиции Берк Маршалл,

чем больше проблем возникало на пути министра, тем злее он становился. Ему было нелегко понять аргументы лидеров движения за гражданские права, и его часто выводило из равновесия их нежелание идти на компромисс. В знаменитом «Письме из бирмингемской тюрьмы» Мартин Лютер Кинг писал: «Я почти пришел к достойному сожаления выводу, что главный камень преткновения на пути негров к свободе — это не член Совета белых граждан и не куклускслановец, а умеренный белый, более преданный „порядку“, нежели справедливости» [338]. Весьма вероятно, что братья Кеннеди подпадали под это определение. Но Роберт Кеннеди никогда не оставлял попыток разобраться в доводах борцов за гражданские права, одновременно стараясь охладить их пыл.

После «рейсов свободы» наступил короткий период относительного затишья. В 1961-м и начале 1962 года попытки возглавляемой Кингом Конференции христианских лидеров Юга (КХЛЮ) добиться расовой интеграции в городе Олбани (штат Джорджия) полностью провалились, но, по крайней мере, все обошлось без особого насилия. Однако осенью 1962 года начались новые беспорядки, связанные с десегрегацией Университета штата Миссисипи в городе Оксфорд, где после многолетней судебной тяжбы Джеймс Мередит должен был стать первым в истории университета черным студентом. Игнорируя решение суда, губернатор Миссисипи Росс Барнетт отказался дать разрешение на его зачисление. Николас Катценбах, один из помощников министра юстиции, проводил неофициальные переговоры с целью дать возможность Мередиту зарегистрироваться без официального подтверждения этого факта губернатором. Несколько раз переговоры прерывались из опасений вспышек насилия. Но через два дня Мередита на вертолете доставили в Оксфорд, где он в сопровождении вооруженных федеральных маршалов направился в административное здание университета.

Когда, казалось, опасность была позади, а Мередит благополучно вошел в здание, президент обратился к нации с хвалебными словами в адрес федеральных маршалов и полиции Миссисипи, которые не допустили насилия [339]. Но почти одновременно с выступлением президента полиция получила тайный приказ покинуть место событий. Как только полицейские ушли, на территорию университета ринулись тысячи студентов и других белых южан. Нападавшие устроили настоящее побоище, пуская в ход булыжники, кирпичи, украденную из университетских лабораторий кислоту, бутылки с зажигательной смесью. Вскоре раздались первые выстрелы. 160 федеральных

маршалов получили ранения, из них 28 — огнестрельные.

В перекрестном огне были убиты французский журналист и проходивший мимо рабочий-ремонтник. Опасаясь, что толпа ворвется в общежитие, где должен поселиться Мередит, президент прислал в Оксфорд федеральные войска. Они стали прибывать уже вечером того же дня, а через несколько дней их число составило 2300 человек. 1 октября первый черный студент университета штата Миссисипи был, наконец, официально зачислен и начал посещать занятия.

Большинство студентов демонстративно игнорировали Мередита, обращаясь к нему только для того, чтобы сделать оскорбительное замечание в его адрес. Что касается популярности президента в южных штатах, то она сначала упала (с 65 % до 51 % в середине октября), но в ноябре уже снова составила 65 %. В остальной части страны уровень его популярности оставался очень высоким — 75 % [340].

* * *

В 1963 году центр борьбы за гражданские права цветного населения переместился в Бирмингем, штат Алабама — самый крупный индустриальный город на юге страны, где Конференция христианских лидеров Юга начала массовые акции против расовой сегрегации. Бирмингемская кампания стала переломным моментом в эволюции как самого движения в защиту гражданских прав, так и отношения к нему президента Кеннеди. Протестные акции в Бирмингеме бросали отчаянный вызов сегрегации в одном из самых больших и наиболее расистски настроенных городов на крайнем юге. Вначале президент, наблюдавший за развитием событий со стороны, считал, что своими действиями КХЛЮ провоцирует насилие. На пресс-конференции в мае, вскоре после начала протестов, Кеннеди назвал бирмингемскую кампанию «действиями, привлекающими к себе всеобщее внимание и серьезно портящими репутацию, как Бирмингема, так и страны», возлагая, таким образом, вину за происходящее в равной степени на КХЛЮ и белых сторонников расовой сегрегации [341].

Увещевания Кеннеди эффекта не возымели. Протесты в Бирмингеме становились все более массовыми, а силовые действия местных властей — все более жесткими. Шериф Бирмингема Булл Коннор отправил в тюрьмы тысячи черных участников акций, так что возникла реальная угроза, что кампания будет обескровлена. В ответ Кинг применил новую и

неоднозначно воспринятую его сторонниками тактику. В маршах протеста приняли участие более тысячи чернокожих учащихся колледжей и школ. Городские власти не изменили свою тактику разгона демонстраций, по-прежнему используя полицейских собак, водометы, дубинки и арестовывая участников (девятьсот детей оказались в тюрьмах). Чтобы предотвратить новые акции протеста, губернатор Джордж Уоллес направил в город национальных гвардейцев штата Алабама, но и они не прекратили беспорядки. Кинг, который попал в тюрьму одним из первых, провел в камере все пасхальные праздники и написал там «Письмо из бирмингемской тюрьмы», ставшее одним из канонических текстов для борцов за гражданские права цветных граждан. В нем Кинг отвергает призывы белых представителей городского духовенства и других сторонников «порядка» отказаться от демонстраций и искать решения расовых конфликтов в судах. Он говорит, что такие советы исходят от людей, для которых стабильность важнее справедливости. «На деле это „подождите“ почти всегда означало „никогда“… если постоянно приходится бороться с унизительным ощущением собственной никчемности, вот тогда бы вы поняли, почему больше ждать нам невмоготу», — пишет Кинг [342].

После того как общенациональные телевизионные каналы показали репортажи о разгоне демонстраций в Бирмингеме, в события вмешались лидеры городской общины, решившие попытаться уладить конфликт. Их вдохновлял и направлял помощник министра юстиции Берк Маршалл, без устали боровшийся за достижение компромисса между противоборствующими сторонами. Одновременно члены президентского кабинета вели переговоры с главами промышленных корпораций (среди них был и президент «Юнайтед Стейтс Стил» Роджер Блау), склоняя их нанимать на работу больше чернокожих сотрудников. Городские власти Бирмингема согласились десегрегировать места общего пользования: магазины, туалеты, закусочные и питьевые фонтанчики. Маршалл надеялся, что достигнутое соглашение удовлетворит Кинга и КХЛЮ, не вызвав при этом значительного противодействия белых защитников расовой сегрегации. Выступая на пресс-конференции, президент дал оптимистический прогноз развития событий, но не успел он закончить свою речь, как тут же насилие вспыхнуло снова. После митинга ку-клукс-клана линчеватели отправились в город и напали на демонстрантов, используя в качестве оружия булыжники, бутылки и биты. В конце концов, афроамериканцы (как жители Бирмингема, так и члены КХЛЮ) стали отвечать на насилие

насилием, и в городе начались погромы и поджоги. Полицейские машины выводились из строя, а в национальных гвардейцев штата, несущих флаги Конфедерации, полетели булыжники. «Пусть сгорит весь этот чертов город», — сказал один из протестующих [343]. Для южных штатов это был совершенно невероятный поворот событий после многих десятилетий покорного принятия черными насилия со стороны белых. В разгар кризиса Маршалл дал такую краткую характеристику ситуации: «Раньше у нас была толпа белых против негра. Теперь у нас толпа негров против белых» [344].

В условиях нарастающей напряженности Маршалл, Роберт Кеннеди и другие видные члены администрации убеждали президента выступить на телевидении с речью, в которой проблемы сегрегации анализировались бы не только в свете текущих событий, но и в более широком контексте расовой справедливости.

В проекте выступления было написано: «Одной из важнейших нравственных задач нашего времени является обеспечение равных возможностей для всех граждан. Повсюду в нашей стране негры слишком долго лишены справедливого отношения и равных возможностей». Отмечалось наличие проблем, «касающихся нас всех, и решения которых от нас требуют наши нравственные принципы» [345]. Но президент по-прежнему считал, что ссылка на этический аспект противостояния вызовет гнев белых южан. Он предпочел призвать не к справедливости, а к миру: «Правительство сделает все необходимое для сохранения порядка, защиты жизни граждан и соблюдения законов страны» [346]. Вслед за этим президент направил на военную базу вблизи Бирмингема три тысячи солдат федеральных войск, готовых в случае необходимости вмешаться в развитие событий. Постепенно беспорядки в городе прекратились, и на несколько недель воцарилось спокойствие. Однако никто, и в первую очередь сам Джон Кеннеди, не верил в то, что кризис миновал [347].

* * *

Нежелание президента заявить о своей четкой позиции в вопросах десегрегации проявилось не только в его первоначальной реакции на события в южных штатах. Другим примером может служить его поведение во время большого официального приема по случаю дня рождения Линкольна. К этой дате был приурочен и доклад Комиссии США по

гражданским правам о прогрессе в обеспечении прав цветного населения, достигнутом за сто лет после отмены рабства. В этот день Белый дом посетили восемьсот приглашенных. Никогда в американской истории в президентской резиденции не было такого количества афроамериканцев. Однако гости, с воодушевлением рассматривающие здание, президента и первую леди, не подозревали, что прием был тщательно организован таким образом, чтобы привлечь к себе минимальное внимание средств массовой информации. Гостей встречали у входа, где не было фоторепортеров. Известный певец и танцор Сэмми Дэвис-младший пришел с женой, белой шведкой по имени Мэй Бритт. Президента привела в ужас перспектива появления в прессе фотографии межрасовой пары на приеме в Белом доме, и он шепотом дал указание помощнику «убрать их отсюда». Это, конечно, было невозможно, но Кеннеди настоял, чтобы Мэй Бритт не было ни на одной из фотографий. Поступок мужа так возмутил Жаклин Кеннеди, что она ушла с приема в слезах. Столь важное событие практически не получило отражения в прессе, и общественность не узнала о приеме, организованном для афроамериканцев в Белом доме [348].

И все же, хотя и медленно, Кеннеди начинал осознавать значимость движения за расовую справедливость и моральные принципы, которые за ним стоят. Расовое насилие в Бирмингеме изменило мировоззрение многих американцев, и Кеннеди оказался в их числе. В мае он сказал: «Я хорошо понимаю, почему неграм в Бирмингеме надоело слушать призывы проявить терпение» [349]. Кроме того, он занялся самообразованием. Как и большинство белых американцев, Кеннеди привык считать события периода реконструкции Юга жестокой пародией на справедливость, злобной местью сепаратистам. Но после книг Ванна Вудворда и других историков он по-другому взглянул на этот период. «Не понимаю я южан, — признался Кеннеди Шлезингеру, который и рекомендовал президенту эти книги. — Я прихожу к мысли, что Таддеус Стивенс [конгрессмен-радикал из Пенсильвании] был прав. Меня всегда учили, что он был предубежденным человеком, действовавшим вопреки логике. Но когда я вижу подобные вещи [насилие в Бирмингеме], я задумываюсь: а как еще можно относиться к таким людям [южанам]?» [350].

После двух лет колебаний и нерешительности Кеннеди, наконец, осознал, что это движение остановить нельзя и что придется признать, что оно морально оправдано. Он был поражен мужеством тысяч черных и белых борцов за расовое равноправие, которые не боялись ехать в места, где само их появление

расценивалось как вызов местным порядкам; участвовать в демонстрациях, которые разгонялись собаками, полицейскими дубинками и водометами; быть покалеченными или убитыми членами Совета белых граждан и ку-клукс-клана. Он также понял, что без решительных действий правительства противостояние на Юге станет еще более кровопролитным и масштабным.

Кеннеди принял решение немедленно выступить с телевизионным обращением к нации. Никто не готовил его выступление заранее, поэтому текст, в спешке составляемый Соренсеном, Маршаллом, Робертом Кеннеди и самим президентом, был далек от завершения, когда 11 июня 1963 года наступил момент включать телекамеры. Обращение длилось восемнадцать минут, и большую часть времени Кеннеди говорил экспромтом. Это было одно из ярчайших и важнейших выступлений президента Кеннеди, которое по праву можно отнести к самым значительным речам политических лидеров двадцатого столетия. Годами он говорил о гражданских правах, пользуясь сухими юридическими формулировками, и вот, наконец, в его речи зазвучали подлинная страстность и нравственная убежденность.

«Мы сталкиваемся с проблемой, важной, в первую очередь, в моральном аспекте. Эта проблема стара, как Библия, и ясна, как американская Конституция. Если из-за того, что у американца темная кожа, он не может пообедать в ресторане, не может отправить детей учиться в самые лучшие школы, не может проголосовать за тех, кто должен представлять его интересы в органах власти, …то кто из нас согласится, чтоб ему изменили цвет кожи? Кто из нас согласится следовать советам проявить терпение и ждать? Таким образом, мы стоим перед моральным кризисом — и как страна, и как народ» [351].

В тот же вечер в городе Джексон (штат Миссисипи) был убит один из лидеров движения за гражданские права цветного населения Медгар Эверс. Он подходил к двери своего дома, когда его настигла пуля, выпущенная членом Совета белых граждан. Прошло более тридцати лет, прежде чем убийце, наконец, было предъявлено обвинение [352].

Как показало убийство Эверса, ни протесты, ни насилие не могли быть остановлены убедительностью аргументов и красноречием Кеннеди. В конце августа и начале сентября 1963 года, всего через несколько недель после того, как наступила передышка в бирмингемских расовых столкновениях, президента ожидал очередной кризис в штате Алабама, на этот раз в городе Тускалуза, где губернатор Джордж Уоллес пытался помешать двум молодым афроамериканцам поступить учиться в

Университет штата Алабама. Многочасовые переговоры между Уоллесом и Робертом Кеннеди проходили с переменным преимуществом сторон. Уоллес продолжал сопротивляться интеграции университета, в то время как Маршалл, Роберт Кеннеди и федеральное правительство были полны решимости привести в исполнение решение суда и добиться зачисления молодых людей. В конце концов, Уоллес вышел на трибуну возле административного здания и произнес речь о «непрошенном и необоснованном силовом вмешательстве в жизнь университета» и «ужасающем примере подавления прав, привилегий и суверенитета этого штата» [353]. Когда Уоллес сошел с трибуны, два чернокожих абитуриента — девушка и юноша — в сопровождении сотрудника министерства юстиции Николаса Катценбаха проследовали в здание. Президент, со своей стороны, передал под федеральный контроль Национальную гвардию штата и прислал солдат регулярной армии для предотвращения насилия.

* * *

Одним из важнейших моментов выступления Кеннеди было предложение принять законодательный акт, запрещающий расовую сегрегацию в различных сферах общественной жизни. Ранее президент даже не делал попыток предложить подобный билль, так как был уверен, что члены Конгресса его провалят. Он опасался, что билль может отрицательно повлиять на их отношение к другим законодательным инициативам, которые президент считал важными. Однако после Бирмингема и Тускалузы он решил, что время представить законопроект о гражданских правах на рассмотрение Конгресса, наконец, пришло. Тем не менее некоторые из его ближайших помощников — Тед Соренсен, Лэрри О'Брайен, Кенни О'Доннелл и другие — убеждали его продолжать бороться с кризисом посредством президентских указов и убеждения, оставаясь в рамках существующих законов. Их точку зрения разделял и вице-президент Джонсон. Но президент больше не соглашался на медленные и осторожные действия, говоря: «Приходит время, когда человек должен определить свою позицию, а история гласит, что если жизнь сталкивает его с трудной ситуацией, ему рано или поздно приходится принимать решение» [354].

Он знал, что потребуются неимоверные усилия для того, чтобы Конгресс поддержал законопроект. У него не было сомнений, что Сенат устроит обструкцию любому

законодательному предложению, касающемуся гражданских прав. Кроме того, он сомневался, что ему удастся набрать шестьдесят семь голосов, которые, в соответствии с принятым в 1963 году регламентом работы Сената, были необходимы для того, чтобы поставить билль на голосование.

Убеждая членов Конгресса поддержать законопроект, президент говорил о его политической целесообразности и моральной ценности. Он привлек к пропаганде законопроекта всех известных людей и пытался, хотя и тщетно, заручиться поддержкой Эйзенхауэра. Роберт Кеннеди снова и снова выступал перед комитетами Конгресса, приводя все те же аргументы: «Мы полагаем…, что в нравственном аспекте у федерального правительства нет иного выбора, кроме как взять на себя инициативу… Белые занимают ключевые позиции в политике и экономике Соединенных Штатов. Вопрос состоит в том, хватит ли у нас, находящихся у власти, не милосердия, но мудрости, чтобы перестать подвергать наказанию своих соотечественников, единственная вина или грех которых состоит в том, что они родились на свет» [355].

Их доводы, однако, оказались малоэффективными. Сэм Эрвин, сенатор от штата Северная Каролина, далеко не самый большой консерватор в верхней палате Конгресса, вспомнил «безумства Реконструкции» и сравнил их с законодательными инициативами президента. «Я не могу забыть, что в соответствии с законами Реконструкции в моем родном городе был расквартирован гарнизон федеральных войск», — сказал он [356]. Даже Майк Мэнсфилд, лидер демократического большинства в Сенате, выступил против, считая, что законодательная десегрегация учреждений общественного пользования будет противоречить Конституции.

Мощная поддержка президентского билля о гражданских правах пришла не от Белого Дома и не от Конгресса, а от сотен тысяч демонстрантов, собравшихся 28 августа 1963 года на площади перед мемориалом Линкольна — от толпы, которая запрудила всю аллею, насколько хватало взгляда. Акция протеста называлась «Марш на Вашингтон за рабочие места и свободу». Хотя большинство демонстрантов составляли афроамериканцы, наряду с требованием прекращения расовой сегрегации звучали также призывы к экономической справедливости и созданию новых рабочих мест, а президент Объединенного профсоюза рабочих автомобильной промышленности Уолтер Рейтер шел в колонне манифестантов рядом с Мартином Лютером Кингом. Кеннеди, которого тревожила возможность непредвиденного развития событий во время массовых действий, тем не менее,

удержался от попыток помешать проведению марша, ограничившись лишь переданной через помощников просьбой смягчить тон провозглашаемых лозунгов. Со своей стороны, организаторы позаботились о том, чтобы марш не был направлен против Кеннеди, а, наоборот, стал массовой акцией в поддержку президентского законопроекта. Знаменитая речь Кинга «У меня есть мечта» вдохнула надежду в участников марша и многомиллионную телевизионную аудиторию, затмив другие события этого дня [357].

15 сентября 1963 года в бирмингемской афроамериканской баптистской церкви, где шел урок воскресной школы, прозвучал взрыв. Четыре девочки погибли, многие дети были ранены. Чудовищное злодеяние вызвало ужас и стыд, прежде всего у жителей самого Бирмингема. Городской консультативный совет по общественным отношениям заявил: «Сегодня мы оплакиваем мученическую смерть детей Бирмингема. Нас угнетает сознание того, что их убило отсутствие в нашем обществе уважения к основным правам человека, которое развязало руки тем негодяям, лишенным рассудка и совести, которые совершили это ужасное преступление» [358]. Преступление потрясло американцев и пополнило ряды сторонников президентской законодательной инициативы. Но билль так и застрял в Конгрессе, не пройдя ни через Сенат, ни через Палату представителей. Между тем Кеннеди не потерял оптимизма. 14 ноября, выступая на последней в своей жизни пресс-конференции, он предсказывал: «Как ни темно сейчас, „глянь на запад, там земля светла“, и, думаю, возможно, следующим летом все и случится» [359].

* * *

Был ли Джон Кеннеди борцом за расовую справедливость? Или же он против воли был втянут в битву, участия в которой хотел избежать? Правда ли, что он не дожил до принятия Билля о гражданских правах, потому что так долго не решался представить его Конгрессу? Правда ли, что ему нужен был стимул в виде расовых беспорядков, чтобы начать действовать? Эверетт Дирксен, лидер республиканцев в Сенате, поддержавший билль в 1964 году, критиковал Кеннеди за то, что тот сам допустил «кризис в виде демонстраций и насилия», который затем заставил его вмешаться в события. «Если бы президент выполнил свои предвыборные обещания и направил проект закона на рассмотрение Конгресса в 1961 году, новые законодательные акты были бы приняты, а необходимость в демонстрациях и

насилии отпала бы сама собой», — не очень доказательно утверждал Дирксен [360].

Едва ли есть основания полагать, что в 1961 году существовала «историческая возможность» изменить расовые отношения в стране или что законопроект, предполагающий гарантии соблюдения гражданских прав цветного населения, мог быть принят Конгрессом, в котором большинство составляла коалиция демократов-южан и республиканцев-консерваторов. Безусловно, долгое время Кеннеди не хватало решимости, чтобы открыто стать на сторону борцов за гражданские права. Но в конце жизни он твердо заявил о политической и моральной необходимости положить конец расовой сегрегации. После Линкольна, Джон Кеннеди сделал больше для обеспечения гражданских прав афроамериканцев, чем все его предшественники на президентском посту. Однако при этом он столкнулся с жестким и яростным противодействием, которое исключило возможность быстрого принятия предложенного им билля. Законодательство по соблюдению гражданских и избирательных прав было утверждено в результате его трагической гибели и благодаря политической сноровке Линдона Джонсона. Но это замечательное достижение не стало бы возможным без самоотверженных действий Джона Кеннеди и борцов за гражданские права, позицию которых он, в конце концов, полностью принял.

Глава 7 Новый виток Холодной войны

Братья Кеннеди никак не могли разрешить сложную ситуацию с Кубой. Поражение в заливе Свиней преследовало их многие годы. Тайные агенты продолжали искать пути избавления от режима Кастро. (Позже Линдон Джонсон сказал, что Джон и Роберт Кеннеди «содержали в Карибском бассейне богом проклятую корпорацию „Убийство инкорпорейтед“. [361]) Президента Кеннеди все больше беспокоил крепнущий союз СССР и Кубы. Согласно донесениям ЦРУ, Советский Союз поставлял на Кубу „огромное количество транспортных средств, электронного оборудования и строительной техники…, а также, возможно, ограниченные партии оружия“ [362]. Битва за Кубу никогда не прекращалась.

При этом Кеннеди не проявлял особой тревоги по поводу явного наращивания сил на острове. „Главную опасность для нас представляет Советский Союз с его ракетами и ядерными боеголовками, а совсем не Куба“, — сказал он в частной беседе [363]. Министерство юстиции предупредило, что торговая блокада страны была бы нарушением норм международного права. Во время сентябрьской пресс-конференции Кеннеди охарактеризовал Кубу как страну, которая „переживает большие неприятности и оказывается в растущей изоляции от остальных государств западного полушария. Имя [Кастро] уже не внушает ни прежнего страха, ни былого вдохновения в Латинской Америке“ [364]. Кеннеди и большинство его советников продолжали считать наращивание советского военного присутствия на Кубе незначительным и преследующим только оборонительные цели. (Исключение составлял директор ЦРУ Джон Маккоун, который предупреждал президента, что характер прибывающих из СССР грузов со всей очевидностью указывает на планы разместить на Кубе наступательное вооружение. [365])

Между тем наличие на острове советского оружия вызывало беспокойство и в Конгрессе. Представители общественности и пресса усилили давление на правительство, пытаясь заставить лидеров страны действовать. Звучало все больше призывов объявить Кубе блокаду. Кеннеди был против. „Это военная мера, — сказал он, хотя незадолго до этого сам рассматривал возможность блокады острова. — Нет никакой уверенности, что она приведет к быстрому падению режима Кастро. Зато вы обречете население на голод“ [366]. Продолжая считать Берлин

центром международной напряженности, Кеннеди все же согласился призвать 150 тысяч резервистов в районе побережья Флориды на случай опасного поворота событий на Кубе. Однако президент по-прежнему не верил в то, что на Кубе размещается стратегическое наступательное вооружение, поэтому в октябре почти на две недели оставил Вашингтон, отправившись в долгую и изнурительную поездку по северо-востоку и среднему западу, связанную с очередными выборами в Конгресс [367].

Тем не менее, в ответ на обеспокоенность Конгресса президент санкционировал полеты над Кубой самолетов-разведчиков Локхид У-2, которые должны были фотографировать привозимое из Советского Союза вооружение. Кеннеди не сомневался, что аэрофотосъемка подтвердит наличие на Кубе исключительно оборонительного вооружения. Но уже после того, как 15 октября были проявлены и напечатаны сделанные днем раньше во время разведывательного полета первые снимки, стало очевидно, что СССР, в самом деле, размещает на Кубе ракеты. Радиус действия ракет позволял им достичь большей части территории США, и не было сомнений, что ядерные боеголовки либо уже находились на Кубе, либо должны были там вскоре появиться. Банди, обеспокоенный состоянием здоровья Кеннеди после поездки, не стал тревожить его в тот же день и сообщил президенту неприятную новость утром 16 октября. Кеннеди немедленно собрал группу помощников и военных специалистов для выработки стратегии действий в неожиданно возникшей кризисной ситуации. Группа получила название ЭксКомм (сокращение от английского словосочетания *Executive Committee of the National Security Council* — „Исполнительный комитет Совета национальной безопасности“). В течение почти двух недель заседания комитета проходили ежедневно, иногда по нескольку раз в день. Кроме президента, в комитет входили вице-президент Линдон Джонсон, госсекретарь Дин Раск, министр финансов Дуглас Диллон, министр обороны Роберт Макнамара, министр юстиции Роберт Кеннеди, заместитель госсекретаря Джордж Болл, советник по вопросам государственной безопасности Макджордж Банди, специальный советник президента Тед Соренсен, директор ЦРУ Джон Маккоун, недавно ушедший со своего поста бывший посол США в СССР Ллевеллин Томпсон и генерал Максвелл Тейлор. Время от времени в заседаниях участвовали приглашенные, в основном военные специалисты и сотрудники ЦРУ. Кеннеди требовал, чтобы они „отложив прочие дела, быстро и тщательно изучили все потенциальные опасности и *все возможные варианты линии поведения*“ [368].

Первый вопрос, над которым размышлял Кеннеди, был:

почему Хрущев решился на такой вызывающе враждебный шаг? „Какая ему от этого польза? — задавал он риторический вопрос. — Должна быть какая-то причина, заставившая Советы так поступить“ [369]. На самом деле, у Советского Союза было много мотивов для размещения наступательного вооружения на Кубе, хотя все они были сопряжены с риском. Кубинские ракеты не предназначались для военных действий, в чем, однако, в напряженные первые дни кризиса никто не мог быть уверенным. Хрущев руководствовался несколькими соображениями на этот счет. Во-первых, он считал, что нахождение на Кубе ракет среднего радиуса действия защитит остров от повторения попыток американской интервенции. Он также полагал, что, размещая ракеты в столь непосредственной близости к США, Советский Союз реализует простой и недорогой способ добиться ракетного паритета с потенциальным противником. Хрущеву, чья власть в Советском Союзе пошатнулась, кубинские ракеты могли дать передышку в гонке вооружений, и позволить направить высвободившиеся средства на жизненно необходимые социальные программы. Наконец, самое главное: в Советском Союзе были уверены, что наличие советских ракет на Кубе вполне сопоставимо с присутствием американских ракет на территории Турции, вблизи границ СССР. Кеннеди, однако, боялся, что у Советского Союза есть более агрессивные намерения. Возможно, Хрущев направлял ракеты на Кубу, чтобы заставить США уйти из Западного Берлина? Возможно, он думает, что Кеннеди настолько бесхарактерен, что смирится с создавшимся положением вещей? Если это так, то он недооценивает президента, который с самого начала решил, что у него нет другого выбора, кроме как избавиться от советских ракет на Кубе.

Долгие и напряженные дебаты по вопросу о том, как реагировать на события на Кубе, начались на утреннем совещании 16 октября в зале заседаний кабинета министров, где президент ожидал членов комитета в компании своей маленькой дочери Каролины. Когда девочку забрали, совещание началось — начались две самые мучительные, и, возможно, самые важные недели двадцатого столетия [370].

Первым было принято решение снова провести аэрофотосъемку с борта самолетов Локхид У-2, чтобы уточнить количество находящихся на Кубе советских ракет. Но самым показательным на первом заседании было выступление государственного секретаря Раска, который так охарактеризовал стоящую перед собравшимися дилемму: „Это, безусловно, очень серьезный поворот событий. Никто из нас не ожидал, что Советы зайдут так далеко… Теперь я уверен, что мы должны предпринять

все возможное, чтобы уничтожить эту базу… Тогда возникает вопрос, будем ли мы наносить внезапный удар, не объявляя предварительно наших намерений, или же мы доведем кризис до точки, когда второй стороне придется очень серьезно подумать об отказе от своей позиции“ [371]. Предложенные Раском варианты действий определили подходы администрации к данному кризису.

Первой инстинктивной реакцией на произошедшее со стороны почти всех членов комитета, включая президента, было желание ликвидировать все советские ракеты молниеносным ударом с воздуха. Однако вскоре Кеннеди засомневался в эффективности такой операции „Допустим, мы избавимся от этих ракетных баз“, — сказал он. — „Ну, так они создадут новые. Они вполне могут доставлять ракеты на подлодках или как-нибудь еще. Я не уверен, что мы сможем продолжать наши массированные воздушные удары“ [372]. Роберт Кеннеди подлил масла в огонь президентских сомнений, упомянув такие сопутствующие военным действиям факторы, как многочисленные людские жертвы, повышение политической напряженности в западном полушарии, а также вероятность того, что русские могут ответить обострением конфликта. Вопреки этим сомнениям, почти все считали неизбежным сценарий с нанесением удара с воздуха по ракетным базам, за которым должна последовать оккупация Кубы и свержение правительства Кастро. Президент закончил совещание словами: „Мы, безусловно, … уберем оттуда эти ракеты“ [373].

Прошло три дня, и к 19 октября идея блокады обрела более четкие очертания. Некоторые члены комитета рассматривали ее как меру, дополняющую налеты авиации; другие, отвергая перспективу полномасштабных военных действий, считали, что введение блокады должно предшествовать переговорам с Хрущевым. При этом информация о нахождении на Кубе советских ракет держалась в глубочайшей тайне, и, как это ни странно, действительно не просочилась в прессу. Однако вопрос о том, как долго еще можно будет хранить происходящее в секрете, оставался открытым. Военные специалисты продолжали настаивать на быстром воздушном ударе. Кеннеди по-прежнему волновали возможные последствия, прежде всего, ответные действия советских войск в Берлине. „Они же не будут просто сидеть и смотреть, как мы уничтожаем их ракеты и убиваем массу русских“, — предупреждал он [374].

Большинство членов кабинета не видели реальной альтернативы воздушным налетам и другим активным военным действиям против Кубы. После того, как президент покинул зал

заседаний, генералы, не подозревая, что их разговоры записываются, стали выражать сомнения в готовности Кеннеди принять необходимые, с их точки зрения, меры для разрешения кризиса. „Нечего возиться, обстреливая сначала стартовые площадки для запуска ракет, а потом зенитные установки. Надо послать туда самолеты и уничтожить всю эту чертову дрянь, которая мешает нам делать нашу работу“, — сердито заявил командующий морской пехотой Дэвид Шуп. Начальник штаба армии США Эрл Уилер раздраженно констатировал: „Мне совершенно ясно, что…[он предпочитает] военным действиям действия политические, то есть блокаду“. Военных больше всего выводило из себя употребляемое Кеннеди слово „эскалация“, которое, как они считали, отражало частичность планируемых действий. „В этом вся проблема“, — сказал Шуп. — Завяжешься с этими ракетами — считай, что подставился» [375]. Генералы не знали, что Кеннеди и сам снова склонялся к мысли отказаться от варианта с блокадой в пользу внезапного нападения с воздуха. В это же время Роберт Кеннеди искал другие пути выхода из ситуации. Ему не нравился вариант внезапного удара, который мог вызвать ассоциации с Перл-Харбором и, по его словам, «шел вразрез с нашими традициями» [376]. Он осторожно продвигал другой план, согласно которому Хрущев получал возможность изменить собственный курс действий. Тем временем президент вернулся к избирательной кампании, намереваясь не отступать от намеченного графика поездок и тем самым выиграть время для размышлений, пока другие члены комитета обсуждают дальнейшие шаги [377].

К вечеру, вернувшись из поездки, президент обнаружил, что центральным вопросом дискуссии стал выбор между блокадой и бомбовым ударом. Генералы единым фронтом выступали за бомбовый удар. Но Макнамара, Соренсен, Роберт Кеннеди и другие больше склонялись к варианту блокады. Их поддерживали Эдлай Стивенсон и Джордж Болл. В конце концов, Кеннеди согласился с их доводами и принял решение в пользу морской блокады, сопровождаемой попытками убедить Хрущева отступить. Президент решил, что блокада будет называться «карантином», так как в соответствии с международным правом блокада считается вооруженной агрессией. На случай, если блокада не подействует, оставался вариант бомбового удара. Американский военный флот имел несомненное превосходство в Карибском море, где ни одна держава не могла составить ему конкуренцию. Но самое главное, блокада перекладывала на Советский Союз «груз ответственности за выбор линии поведения». Как объяснил тогда Кеннеди, Советы могли выйти из кризиса, не рискуя

потерпеть «унизительное поражение в ядерной войне» [378].

К 22 октября информация о кризисе уже попала на страницы прессы. 21 октября газета *Washington Post* вышла с заголовком на первой странице «Передвижения военно-морского флота на юге связаны с кубинским кризисом» [379]. Кеннеди попросил журналистов задержать публикацию на один день, так как он планировал выступить с объявлением своей позиции по телевидению. Редакторы, хотя и неохотно, согласились.

Вечером 22 октября Кеннеди провел переговоры с политическими деятелями, которые своим авторитетом могли поддержать его решение. Он встретился с Эйзенхауэром, который был с ним одного мнения относительно блокады и пообещал поддержку. Президент также провел беседы с лидерами Конгресса, причем некоторые из них очень скептически оценили ожидаемую эффективность карантина. Но Кеннеди уже принял окончательное решение и обратился по телевидению и радио к американцам и международной аудитории. Объяснив, что Советский Союз разместил наступательные ракеты на Кубе, он продолжил: «Ни Соединенные Штаты Америки, ни мировое сообщество в целом … не могут терпеть преднамеренную ложь и оскорбительные угрозы какого бы то ни было государства, большого или малого… Ядерное оружие обладает такой разрушительной силой, а баллистические ракеты — такой скоростью, что любое значительное увеличение вероятности их использования или любое внезапное изменение их дислокации может оправданно рассматриваться как явная угроза миру».

Он разъяснил характер объявляемого «карантина» и призвал Хрущева «остановить, уничтожить эту дерзкую, безрассудную скрытую угрозу миру во всем мире… [и] оставить попытки добиться мирового господства» [380]. На следующий день Кеннеди официально объявил о том, что отдал приказ ВМС США останавливать все суда, перевозящие наступательное оружие на Кубу. Теперь о Карибском кризисе узнал весь мир [381].

* * *

По Америке и многим другим странам прокатилась волна тревоги, кое-где перерастающей в панику. На биржах Нью-Йорка, Лондона и европейского Общего рынка стремительно упали курсы ценных бумаг. До рекордно высокой отметки подскочила цена золота. Кое-кто бросился запасаться консервами, «сухими пайками» и водой в бутылках, размещая их в импровизированных противорадиационных бомбоубежищах.

Резко возрос спрос на спальные мешки и рюкзаки, так как многие горожане опасались, что от бомбежек придется спасаться бегством в сельские районы. В некоторых местах напуганные покупатели полностью опустошили продовольственные магазины, скупая абсолютно все. Один профессор Колумбийского университета в Нью-Йорке писал, что его студенты «буквально тряслись за свою жизнь» [382]. Но большинство населения, хотя и чувствовало напряжение, продолжало жить и работать в нормальном режиме, не поддаваясь панике. В целом американцы были на удивление единодушны в своей уверенности, что президент найдет правильный выход из критической ситуации [383].

Вскоре после телевизионного обращения Кеннеди начал продолжительную и нелегкую переписку с Хрущевым, которая «с точностью до наоборот» напоминала их обмен посланиями во время событий в Заливе Свиней. Сославшись на беседу в Вене, президент подчеркнул, что «Соединенные Штаты не будут мириться с любыми действиями с Вашей стороны, которые могли бы нарушить существующий мировой баланс сил… Я должен заявить Вам, что Соединенные Штаты полны решимости устранить эту угрозу безопасности западного полушария» [384].

Первоначальной реакцией Хрущева было возмущение. «По какому праву Вы делаете это? — спрашивал он, имея в виду блокаду. — Вы… выдвигаете ультиматум и угрожаете, что если мы не будем подчиняться Вашим требованиям, то Вы примените силу…Вы уже не апеллируете к разуму, а хотите запугать нас… Я не могу с этим согласиться» [385].

Ответ Кеннеди был лаконичным: «Я думаю, Вы признаете, что первым шагом, послужившим началом нынешней цепи событий, было действие Вашего правительства, выразившееся в тайной поставке на Кубу наступательного оружия… Тем временем я озабочен тем, чтобы мы оба проявили благоразумие и не сделали ничего такого, что позволило бы событиям еще более затруднить, по сравнению с тем, что уже имеет место, удерживание положения под контролем» [386].

Президент информировал Хрущева, что карантин вступит в силу днем 24 октября. Почти все в комитете не сомневались, что попытка остановить советские суда неизбежно приведет к конфликту. Макнамара предсказывал: «Весьма вероятно, что Хрущев даст указание [советским судам] не останавливаться ни при каких обстоятельствах». Кеннеди был солидарен с ним, говоря: «Будет чертовски непросто попасть на борт этой посудины [корабля, приближающегося к Кубе], и арестовать его, потому что они настроены весьма решительно» [387]. Члены комитета

считали, что кризис усугубляется. Действительно, советские суда продолжали направляться к острову и, хотя они еще не делали попыток пересечь карантинную линию, в Белом доме были уверены, что суда «имеют намерение пробиться через кордон» [388].

Как всегда, президента волновала перспектива того, что действия Соединенных Штатов могут вызвать ответную реакцию Хрущева в Германии. «Это может нам аукнуться в Берлине» — сказал он в тот вечер. [389]

По единодушному мнению, это был самый опасный момент кубинского кризиса. Утром следующего дня советские суда продолжали идти своим курсом, и зашел разговор о торпедах и глубинных бомбах. По воспоминаниям Роберта Кеннеди, «эти несколько минут были для президента минутами величайшей тревоги. Он поднял руку, закрыл ладонью рот, а потом сжал пальцы в кулак. Глаза приобрели стальной оттенок, и в них читалось напряжение. Мы сидели по две стороны стола и просто смотрели друг на друга» [390].

Но именно в этот момент стали поступать данные о том, что советские суда сбавляют скорость или разворачиваются назад. Вечером того же дня британский философ и пацифист Бертран Рассел передал Дину Раску послание от Хрущева. В нем Хрущев значительно смягчил тон: «Советское правительство не будет принимать необдуманных решений в ответ на неоправданные провокационные действия Соединенных Штатов Америки. Мы сделаем все, что в наших силах, чтобы предотвратить войну» [391]. Хрущев также предложил созвать встречу в верхах для решения спорных вопросов между двумя сверхдержавами. В ответном письме Кеннеди проигнорировал идею саммита и резко упрекнул Хрущева в двуличии: «Критикуя в своих посланиях Соединенные Штаты, вы ничего не говорите о своем отношении к тайному размещению советских ракет на Кубе. Думаю, что было бы логичнее сосредоточить внимание на взломщиках, а не на тех, кто их поймал» [392].

Президент все еще отказывался верить, что кризис отступает, так как боялся, что Хрущев планирует какие-то враждебные акции против Западного Берлина. Его особенно встревожило еще одно, более воинственное послание, пришедшее от Хрущева поздно вечером и показывающее, что советский лидер не собирается менять линию поведения. На следующее утро президент ответил Хрущеву: «Мне очень жаль, что вы все еще, по-видимому, не понимаете, что именно заставило нас так среагировать на происходящее … Господин председатель, прошу вас четко осознать, что в сложившейся ситуации не я бросил вам первый

вызов … Повторяю свои сожаления по поводу того, что эти события могут привести к ухудшению наших отношений» [393].

Однако днем 26 октября ситуация начала меняться. Советские представители в ООН, по словам Дина Раска, выдвинули предположение, «что кубинцы, возможно, захотят решить проблему, отказавшись от оружия в обмен на определенные гарантии их территориальной целостности» [394]. Чуть позже репортер *ABC News* Джон Скали в разговоре с советским офицером ГРУ получил аналогичную информацию. В тот же вечер пришло новое послание от Хрущева, выдержанное в примирительном тоне и свидетельствующее о его обеспокоенности положением вещей. В нем, в частности, говорилось: «Я понимаю, господин президент, что вас не может не тревожить судьба мира» [395]. Хрущев продолжал настаивать, что на Кубе не было наступательного оружия, но отметил, что он готов пойти на сделку, о которой шла речь в этот день: «Если бы президент дал гарантии, … что США не будут участвовать во вторжении на Кубу, … если бы вы отозвали свой флот, это немедленно изменило бы всю ситуацию, … вопрос об оружии был бы снят» [396].

Однако на следующее утро от Хрущева пришло очередное, более длинное послание с дополнительными условиями, среди которых было требование убрать американские ракеты из Турции в обмен на вывод советских ракет с территории Кубы. Высказывалось предположение, что автором этого письма был не Хрущев, а более воинственно настроенные члены Политбюро. Так или иначе, принятие соглашения внезапно осложнилось. «Как мы можем вести переговоры с кем-то, кто меняет свое предложение еще до того, как мы имели возможность на него ответить, и объявляет о нем публике до того, как мы его получили?» — спрашивал Макнамара [397].

В то время, когда Объединенный комитет начальников штабов горячо отстаивал необходимость нанесения бомбовых ударов по выявленным стартовым позициям советских ракет, а над Сибирью и Кубой были сбиты самолеты-разведчики У-2, Кеннеди работал над ответным письмом, которое могло бы дать Хрущеву возможность найти выход из кризисной ситуации. Требование демонтажа американских ракетных установок в Турции как условия ликвидации кубинских ракетных баз казалось неприемлемым. По словам Банди, «обменяв защиту Турции на угрозу Кубе, мы получим ухудшение отношений [в НАТО]» [398]. Какое-то время казалось, что переговорный процесс зашел в тупик: было непонятно, как можно добиться от советской стороны согласия убрать ракеты с Кубы, оставив при этом американские

ракетные базы в Турции. Постепенно, однако, была разработана тактика, в соответствии с которой готовился ответ на первое письмо Хрущева (с предложением демонтировать и вывезти ракеты с Кубы в обмен на обещание США не вторгаться на остров) и игнорировалось второе письмо с требованием, касающимся турецких баз. Соренсен, Роберт Кеннеди, Раск и, после некоторых колебаний, президент начали склоняться к необходимости принять именно этот план действий. Их активно поддерживал Ллевеллин Томпсон, который охарактеризовал поведение Хрущева как «крайне непоследовательное и свидетельствующее о его серьезной озабоченности» [399]. Таким образом, было принято решение ответить на первое послание Хрущева, не упоминая второе [400].

27 октября в 20.00 Хрущеву был отослан ответ Кеннеди, в котором президент принимал первое предложение советского лидера. В президентском послании не упоминались турецкие ракеты, но содержались ссылки на «другие вооружения» и на то, что «разрядка международной напряженности окажет влияние на страны НАТО и Варшавского договора». [401] Втайне от комитета Кеннеди также согласился на предложение Раска передать Хрущеву устные заверения, что Соединенные Штаты уберут из Турции ракеты сразу же после окончания кубинского кризиса.

Утром 28 октября стало ясно, что суда, приближающиеся к карантинной зоне, остановились или повернули обратно. Одновременно Хрущев выступил с публичным заявлением, которое было ответом на послание Кеннеди от 26 октября. В нем советский лидер давал гарантии демонтажа «вооружений, которые вы называете „наступательными“, и сопутствующего оборудования, а также возвращение их в СССР …Я отношусь с уважением и доверием к Вашему заявлению в послании от 27 октября, что США не совершат нападения на Кубу…, что никакого вторжения не будет» [402].

Объединенный комитет начальников штабов не отказался от скептических прогнозов относительно намерений Советского Союза. Там считали, что русские намеренно «тянут время», чтобы иметь возможность привести кубинские ракеты в рабочее состояние. Пентагон продолжал настаивать на нанесении бомбового удара до того, как русские подготовятся к ответу на него. Но в Белом доме царило близкое к эйфории настроение. Кеннеди позвонил бывшим президентам — всем трем, кто еще был жив: Эйзенхауэру, Трумену и Гуверу. Все они поздравили его с успешным — благодаря его действиям — разрешением конфликта. Он также послал дружелюбное письмо Хрущеву: «Я приветствую это заявление и считаю его весомым вкладом в

сохранение мира … Возможно, теперь, отступив от края опасной пропасти, мы сможем вместе добиться реального прогресса в этой жизненно важной сфере [ядерного разоружения]» [403]. Он призывал Хрущева к сотрудничеству в ограничении распространения ядерного оружия и к подписанию договора о запрещении его испытаний. Кроме того, Кеннеди решил укрепить шаткую договоренность, выступив в передаче радиостанции «Голос Америки»: «Я приветствую принятое Председателем Хрущевым государственно-мудрое решение остановить строительство военных баз на Кубе, демонтировать наступательное оружие и возвратить его в Советский Союз. …Это важный и конструктивный вклад в дело мира» [404].

Для устранения всех препятствий на пути к окончательному преодолению кризиса потребовалось еще несколько недель. Еще не раз возникали напряженные моменты, но в целом Кубинский кризис близился к завершению. Через три недели, во время пресс-конференции 20 ноября, Кеннеди публично объявил об успешном выполнении соглашений: «По имеющимся на настоящий момент данным, все известные нам ракетные установки на Кубе были демонтированы. Ракеты и вспомогательное оборудование погружены на советские суда… Оглядываясь на ситуацию, сложившуюся всего четыре недели назад, мы не можем не выразить благодарность странам западного полушария за их единство, нашим союзникам во всем мире — за их поддержку, американскому народу — за его спокойствие и решимость» [405].

* * *

Действия администрации Кеннеди по разрешению кубинского кризиса считается его самым крупным достижением на посту президента, чему в немалой степени способствовали полные восторга отзывы его коллег, друзей и сторонников. «Президент, как никто другой, осознавал всю тьму и ужас открывающейся перед нами бездны», — вспоминал Артур Шлезингер в 1965 году [406]. «Уже одним только этим он заслужил достойное место в истории», — отметил Гарольд Макмиллан, который был премьер-министром Великобритании на протяжении почти всего времени президентства Кеннеди. Макмиллан назвал разрешение кубинского кризиса «одним из величайших поворотных пунктов истории» [407]. Вскоре после событий Роберт Кеннеди писал: «В дискуссиях во время кризиса принимали участие от десяти до двенадцати умных и энергичных людей, но половина из них, оказавшись в тот момент на месте

президента, с большой вероятностью ввергла бы нас в пучину страшной войны» [408]. Журналист *NBC News* Эли Абель, автор первого серьезного отчета о ракетном кризисе, так подытожил действия президента: «Кеннеди сумел проложить правильный курс, умело лавируя между войной и капитуляцией, ни на минуту не забывая, что Хрущев — тоже политик, и его ни в коем случае нельзя ставить в такое положение, в котором он рисковал бы потерять репутацию в собственный стране. …» [Позже Кеннеди говорил:] «Защищая собственные жизненные интересы, ядерные державы должны, прежде всего, избегать ситуаций, в которых противник будет поставлен перед выбором между унизительным отступлением и началом ядерной войны» [409].

Долгое время никто не сомневался в правильности этой точки зрения. Но через десять лет после смерти Кеннеди появилась иная, куда более критическая, интерпретация произошедшего. Некоторые историки и аналитики стали утверждать, что ответственность за появление советских ракет на Кубе лежит на самом Кеннеди. По их мнению, именно события в Заливе Свиней вызвали ракетный кризис. Русские ракеты были размещены на Кубе не потому, что кто-то планировал нападение на США, а с целью защитить остров от весьма реальной и постоянно присутствующей угрозы американского вторжения. Другие исследователи связывали возникновение кубинского кризиса с одержимостью Кеннеди идеей Холодной войны и его склонностью к созданию конфликтов. Он считал, что должен проявлять «жесткость» несмотря на возникающие вследствие этого чрезвычайно опасные ситуации. Кеннеди упорно отказывался пойти на компромисс, и убрать из Турции американские ракеты, которые не представляли особой стратегической важности для США. (Эти ракеты находились гораздо ближе к советской границе, чем кубинские — к американской.) В 1959 году в частной беседе Эйзенхауэр, при котором ракеты «Юпитер» и были установлены в Турции, признал, что «в военном отношении эти действия можно приравнять к размещению советских ракет средней дальности на Кубе или в Мексике. Опять же в неофициальной обстановке, он сказал, что Хрущев был абсолютно прав, обвинив США в провокационных действиях, и что, если бы подобным образом повел себя Советский Союз, США сочли бы необходимым прибегнуть к военной силе» [410]. Эйзенхауэр был удивлен, что Хрущев не протестовал.

Некоторые историки утверждают, что Кеннеди, в отличие от Эйзенхауэра, не сумел понять причин поведения Хрущева. Один из них, Ричард Уолтон, заявил, что стремление Кеннеди показать

себя настоящим «мачо» заставило его «развязать антикоммунистическую кампанию, чреватую куда более серьезными последствиями, чем любые политические действия его предшественника Эйзенхауэра». По утверждениям еще одной группы историков, не Кеннеди, а Хрущев рисковал своим положением (и действительно вскоре лишился всех постов), чтобы избежать ядерного конфликта. С точки зрения Уолтона, «если бы Хрущев так себя не повел, очень возможно, что [после обмена ядерными ударами] президента Кеннеди некому было бы прославлять» [411].

Но с течением времени, особенно после того, как открылся доступ к архивным материалам бывшего Советского Союза, появилась возможность лучше понять и выше оценить действия Кеннеди. Не афишируя своих контактов, Кеннеди и Хрущев не прекращали совместных усилий по преодолению кризиса и предотвращению катастрофы. Их общение происходило почти каждый день и не прервалось с окончанием кризиса. Между собой они договорились, что Кеннеди уберет американские ракеты из Турции вскоре после того, как Хрущев вывезет советские с Кубы. Кеннеди не объявлял публично об этом соглашении, поскольку оно могло повредить его политической репутации. Что касается рискованности его действий, то, хотя в создавшихся условиях любая выбранная им линия поведения была сопряжена с риском, ему удалось отбросить наиболее опасные варианты. Кеннеди отверг попытки представителей военного командования настоять на силовом разрешении конфликта путем нанесения бомбовых ударов по ракетным пусковым установкам на Кубе. Вместо этого он выбрал куда более мирную альтернативу морской блокады, во время которой США не произвели ни одного выстрела. Кеннеди воздержался от ответных действий, когда во время кризиса советские противовоздушные силы сбили два разведывательных самолета Локхид У-2.

Ни один американский президент, не мог позволить оставить ядерные ракеты на Кубе, не потеряв при этом политической и военной поддержки в своей стране. Ни один советский лидер не мог бы отступить в этом кризисе, не добившись компромисса: публичного обещания не нападать на Кубу и негласного обещания ликвидировать ракетные базы в Турции. В конечном счете, и Кеннеди, и Хрущев в этой сложной кризисной ситуации действовали с должной осмотрительностью, осторожностью и гибкостью.

* * *

В результате ракетного кризиса наступили серьезные геополитические изменения в реалиях Холодной войны. Вопреки опасениям президента, давно ожидаемый им «Берлинский кризис» так и не наступил, поскольку Советский Союз (если, возможно, не Восточная Германия), по-видимому, решил ограничиться Берлинской стеной. До 1989 года не было никаких значительных политических акций с требованием объединения Германии. Оптимизм внушали и первые серьезные попытки Хрущева и Кеннеди прийти к соглашению о запрете испытаний ядерного оружия, которое должно было способствовать достижению нескольких важных целей [412]. Во-первых, предполагалось частично или полностью очистить атмосферу от радиоактивных веществ, во-вторых, снизить темпы гонки вооружений и предотвратить распространение ядерного оружия [413].

Вначале обе стороны хотели подписать договор о полном запрещении испытаний атомного оружия, включая взрывы в атмосфере и под землей. Однако, хотя отношения между двумя сверхдержавами несколько потеплели, сохранившееся взаимное недоверие делало контроль за соблюдением договора крайне сложной задачей. Все было легко и просто с отслеживанием ядерных испытаний в атмосфере, но обнаружение подземных ядерных взрывов сталкивалось с практически неразрешимой проблемой организации частых визитов американских инспекторов на территорию Советского Союза, а русских — в США. В руководстве обеих стран были силы, выступающие решительно против такого соглашения, и Кеннеди сказал, что понимает, почему подобные инспекции создали бы для Хрущева «значительные трудности». Тем не менее, президент пытался заверить советского лидера, что «урегулирование возможно» [414]. Кеннеди стремился заключить договор о запрете ядерных испытаний, поскольку полагал, что тот помешает таким странам, как Китай, Франция, Германия и Израиль, создавать собственные атомные бомбы.

Однако к началу апреля стало ясно, что инспекционные поездки вряд ли осуществимы, а договорный процесс, который совсем недавно сулил столь радостные перспективы, зашел в тупик. Временами казалось, что Кремль вернулся к риторике худших лет Холодной войны. «Кто вы там, по-вашему, такие, чтобы диктовать условия Советскому Союзу? Соединенным Штатам следует запомнить, что Советский Союз так же силен, как и Соединенные Штаты, и ему не нравится, когда с ним обращаются как с второстепенной державой», — так выглядело в неуклюжем переводе Госдепартамента, одно из посланий

советского правительства. «Соединенным Штатам следует понять, что Советский Союз такое же сильное государство, как и США, и к нему не следует относиться, как к второстепенной державе» [415]. В какой-то момент показалось, что договор обречен. Но даже после таких враждебных слов президент не опустил рук, он по-прежнему прилагал все усилия для улучшения советско-американских отношений. Его труд не прошел даром: вскоре из Кремля сообщили, что Советский Союз хочет добиться «мирного сосуществования», и это «искреннее желание нашего правительства, нашего народа и нашей партии» [416].

Воодушевленный таким примирительным тоном, Кеннеди решил воспользоваться представляющейся возможностью и изложить свое новое видение Холодной войны в запланированном на июнь 1963 года выступлении в Американском университете в Вашингтоне. Мало кто в правительстве, не говоря уже об американском обществе в целом, представлял себе, как неожиданно прозвучит его речь. Кеннеди не допустил ни Государственный департамент, ни Министерство обороны к участию в ее написании; более того, до выступления президента никто из этих ведомств не видел подготовленного текста. В те дни Артур Шлезингер записал в дневнике: «Полагаю, что такой способ подготовки серьезного заявления по внешнеполитической проблеме плох с точки зрения традиционной администрации. Но Госдепартамент не смог бы подготовить такую речь, даже если бы трудился над ней тысячу лет» [417].

«Я выбрал это время и это место для того, — начал Кеннеди, — чтобы обсудить тему, по поводу которой очень часто проявляется невежество и очень редко преследуется цель добиться правды, хотя эта тема является наиболее важной в мире — мир во всем мире». Он говорил о подлинном «мире, который делает жизнь на Земле достойной того, чтобы ее прожить, о том мире, который позволяет людям и государствам развиваться, надеяться и строить лучшую жизнь для своих детей, не о мире исключительно для американцев, а о мире для всех мужчин и женщин, не просто о мире в наше время, а о мире на все времена».

Кеннеди говорил об опасности ядерного оружия и о «мире как о необходимой рациональной цели рационально мыслящего человека». Он также говорил о роли Америки в современном мире и о том, что «каждый мыслящий гражданин, обеспокоенный опасностью войны и желающий добиться мира, должен заглянуть себе в душу и проверить свое собственное отношение к возможностям достижения мира, к Советскому Союзу, к ходу

„холодной войны“, и к свободе и миру в нашей собственной стране». Он довольно дружелюбно отозвался о значительных достижениях Советского Союза, сказав: «Ни одно правительство, ни одна общественная система не являются столь зловещими, чтобы считать народ лишенным достоинств. Мы, американцы, считаем коммунизм глубоко отвратительным как систему, отрицающую личную свободу и самоуважение. Но мы можем по-прежнему уважать русский народ за его многочисленные достижения в науке и космосе, в экономическом и индустриальном развитии, в культуре, а также за его отважные подвиги».

Президент повторил, что стремится заключить договор об объявлении вне закона испытаний ядерного оружия, который «остановит растущую по спирали гонку вооружений… Он увеличит нашу безопасность и сократит опасность возникновения войны». Президент говорил о конце эпохи войн, о «мире во всем мире, где слабым ничего не будет угрожать, а сильные будут справедливыми. Мы не беспомощны перед лицом этой задачи и верим в ее успешное решение. Убежденные и бесстрашные, мы продолжаем работать — не над стратегией уничтожения, а над стратегией мира» [418].

Речь имела успех, но не стала сенсацией. Кеннеди больше хвалили за рубежом, чем в собственном отечестве. Британская газета *Manchester Guardian* назвала речь одним из величайших государственных документов в истории Америки, а американская *New York Times* ограничилась кратким информационным сообщением. В журнале *Time* речь снисходительно охарактеризовали как «свежую и полезную». Белый дом не завалили письмами. Крейг Хосмер, лидер республиканцев в Объединенном комитете по атомной энергии, назвал ее «умеренной политической линией, следуя которой не достигнешь ничего существенного», а сенатор Барри Голдуотер — «ужасной ошибкой». Возможно, членам Конгресса не очень импонировал тот факт, что выступление Кеннеди вызвало восторг у Хрущева, заявившего, что это «наилучшая речь американского президента со времен Рузвельта» [419].

Что делает эту речь особо значительной — и почему сегодня она вспоминается ярче, чем воспринималась в 1963 году — так это то, что в ней он отказался от обычных нападок на коммунизм и на Советский Союз. Кеннеди наметил пути создания мира, в котором, с учетом реалий атомного века, опасность возникновения войны либо значительно уменьшится, либо вообще исчезнет. И хотя речь не вызвала значительного общественного резонанса, она внесла существенный вклад в

возобновление процесса переговоров по запрещению ядерных испытаний между Америкой и Кремлем — и что еще более важно, существенный вклад в сохранение мира во всем мире [420].

Тем же летом, по поручению президента, Аверелл Гарриман обсудил с Кремлем детали соглашения о запрещении любых испытаний атомного оружия в атмосфере, без упоминания подземных испытаний. Так предложенный Кеннеди Договор о полном запрещении ядерных испытаний превратился в Договор о частичном запрещении ядерных испытаний. Конечно, надежды Кеннеди оправдались не полностью, но это был шаг вперед. При этом даже такой относительно скромный прогресс вызвал отчаянное сопротивление внутри страны. Многих из бывшего военного руководства США, не говоря уже о подрядчиках Пентагона, новость привела в смятение.

Генерал Томас С. Пауэр, командующий стратегической авиацией США, выступил в Сенате против принятия договора. Сенатор от штата Миссисипи Джон Стеннис выразил сомнение, что «Соединенные Штаты смогут сохранить свое безусловное ядерное превосходство, если договор будет ратифицирован. Генерал Пауэр считает, что в настоящее время это [превосходство] — единственное средство устрашения противника» [421]. Эдвард Теллер, один из «отцов» атомной бомбы, выступая перед Комитетом по иностранным делам Сената, сказал, что подписание договора «было ошибкой. Если вы ратифицируете его, вы совершите еще большую ошибку». Это был бы «шаг прочь от безопасности и, возможно, … к началу войны», — писал он [422].

Однако Сенат проигнорировал предостережения скептиков, и 24 сентября 1963 года договор был ратифицирован восьмьюдесятью голосами против девятнадцати. Президент, подписав договор в Белом доме, сказал: «За этим маленьким шагом к достижению безопасности могут последовать более значительные и масштабные меры, принятие которых будет сопряжено с еще большими трудностями. Теперь, когда это достижение укрепило нас в мужестве и понимании того, что происходит, давайте с новыми силами продолжим поиск решения столь важной для человечества проблемы мира» [423].

Позже Тед Соренсен отметил, что ни одно другое достижение «не вызвало у Кеннеди такого глубокого удовлетворения» [424].

* * *

Выступление президента в Американском университете не

привлекло к себе особого внимания соотечественников, однако менее чем через две недели Кеннеди произнес, возможно, самую свою знаменитую речь, обратившись к собравшимся у знаменитой Берлинской стены.

По некоторым оценкам, чтобы послушать американского президента, на площадь перед городской ратушей пришли две трети населения Западного Берлина, так что толпа выплеснулась также на прилегающие улицы. Кеннеди был настолько ошеломлен размером и энтузиазмом аудитории, что шутливо сказал одному из своих помощников: «Если бы я сейчас призвал этих людей пойти и снести Берлинскую стену, они бы это сделали» [425].

Короткая речь балансировала на грани политической демагогии и привела толпу в полный экстаз. Президент, в частности, сказал: «Есть такие, которые говорят, что коммунизм — это волна из будущего… Есть такие, которые говорят, что мы можем работать с коммунистами в Европе и везде… Находятся даже такие, их мало, кто говорит, что коммунизм — это зло, но он дает нам возможность экономического прогресса». Он опроверг все приведенные суждения, повторив после каждого из них: «Пусть они приедут в Берлин». Он закончил выступление образом будущего: «Свобода неделима, и когда один человек в рабстве — все несвободны. Когда все будут свободны, мы сможем увидеть тот день, когда этот город объединится. И этот город, и эта страна, и великий континент Европа объединятся на мирной и полной надежд Земле… Все свободные люди, где бы они ни жили — сейчас граждане Берлина, и поэтому, как свободный человек, я горжусь словами „*Ich bin ein Berliner*“ [426]» [427].

Берлинская речь стала триумфом политической риторики, ярким контрастом сдержанному стилю призыва к сохранению мира в Американском университете, который прозвучал всего двумя неделями раньше. В ней он забыл о миролюбии, демонстрируя аудитории поражения Востока и победы Запада. Восторг толпы был столь безграничен, что не было и речи о возможной отрицательной реакции на его слова. «У нас в жизни уже никогда не будет такого дня», — сказал Кеннеди Соренсену [428]. Но несколькими часами позже, выступая в Свободном университете Берлина, Кеннеди смягчил резкие выражения, говоря о Советском Союзе, так как не хотел обидеть Хрущева [429].

Берлинская речь была лишь одним из публичных выступлений Кеннеди в Европе, а всего за девять дней изнурительной поездки президент шестнадцать раз обращался к разным аудиториям в Германии, Ирландии, Англии и Италии с речами, комментариями и тостами. Повсюду его встречали толпы

восторженных поклонников. Артур Шлезингер был недалек от истины, когда шутливо заметил, что «летом 1963 года Джон Ф. Кеннеди мог победить на выборах в любой европейской стране» [430]. Он добился успехов в отношениях с союзниками и даже с Хрущевым. Благодаря ему удалось придать Холодной войне несколько иной характер и уменьшить конфронтацию между двумя сверхдержавами. Однако в то время как ослабевал конфликт между Соединенными Штатами и Советским Союзом, президенту пришлось столкнуться с еще более сложными проблемами, связанными с усилением роли Америки в странах третьего мира, где серьезную угрозу представляли местные коммунистические повстанческие движения. Эта продолжавшаяся десятилетиями борьба вступила в новый этап, когда вспыхнула война во Вьетнаме.

Глава 8 Трясина

Весной 1954 года сенатор Джон Ф. Кеннеди произносил речь перед членами Чикагского клуба директоров о колониальной войне Франции в Индокитае. Было видно, что у оратора есть сомнения по поводу позиции, которую надлежит занять Соединенным Штатам в этом конфликте. «Запад пожинает горькие плоды многолетних политических ошибок», — сказал он, имея в виду установление коммунистического режима в Китае, непопулярную войну в Корее и фиаско Франции во Вьетнаме. Кеннеди предупреждал, что военное вмешательство Америки в поддержку французов может закончиться отнюдь не победой [431].

Через два года Кеннеди снова говорил о политике в Индокитае, выступая перед членами организации «Американские друзья Вьетнама», созданной в поддержку недавно сформированного антикоммунистического режима Нго Динь Зьема в Южном Вьетнаме. На этот раз Кеннеди был настроен намного решительнее и заявил, что «[Южный] Вьетнам является основой существования свободного мира в Юго-Восточной Азии; замковым камнем свода; пальцем, затыкающим отверстие в дамбе». Дальнейшая судьба Южного Вьетнама «будет проверкой готовности Америки выполнить свои обязательства в Азии… Если он падет, станет жертвой одной из угрожающих ему опасностей — коммунизма, политической анархии, нищеты, и так далее, — ответственность ляжет на нас, и наш престиж в Азии упадет еще ниже» [432].

Эти ничем не примечательные выступления отражают два противоречивых чувства, боровшиеся в душе Кеннеди и определявшие его отношение к войне во Вьетнаме. С одной стороны, он сомневался в разумности вмешательства США в эту войну. С другой стороны, он чувствовал обязанность сохранить островок свободного мира в Южном Вьетнаме. Конечно, надо учитывать, что это были ранние оценки ситуации в Южном Вьетнаме — стране, которая уже тогда полностью зависела от поддержки США. В течение следующих семи лет участие Соединенных Штатов в развитии событий в Индокитае медленно, но неуклонно, возрастало, а в последние месяцы жизни Кеннеди политическое, экономическое и военное присутствие Америки в Южном Вьетнаме было весьма значительным.

* * *

До конца Второй мировой войны мало кто в США что-либо знал о Вьетнаме. С конца девятнадцатого века он был французской колонией, а во время военных действий на Тихом океане его захватили японцы. После окончания войны французы вернулись во Вьетнам с намерением восстановить там колониальное правление. Националистическое движение, возглавляемое коммунистической партией Вьетминь (Лига борьбы за независимость Вьетнама), организовало вооруженное сопротивление французам.

В 1954 году так называемая Первая вьетнамская война закончилась победой Вьетминя и созданием независимого государства в северной части Вьетнама. Но в южной части Вьетнама Вьетминь столкнулся со значительной оппозицией. Опираясь на поддержку Соединенных Штатов, южане решили бороться за учреждение еще одного независимого государства во Вьетнаме. В 1955 году на конференции в Женеве было принято решение о временном разделении страны на Северный Вьетнам, руководимый Вьетминем и его харизматическим лидером Хо Ши Мином, и Южный Вьетнам, который возглавил католик Нго Динь Зьем, быстро нашедший себе союзника в лице Соединенных Штатов.

Несмотря на то, что в 1950-е годы Кеннеди иногда комментировал события в Индокитае, он пришел в Белый дом, мало что зная о Зьеме или начавшейся в 1959 году Второй вьетнамской войне. Между тем Хо Ши Мин стремился к объединению Вьетнама под руководством Вьетминя. Для борьбы с режимом Зьема правительство Северного Вьетнама и его сторонники в Южном Вьетнаме создали Национальный фронт освобождения, силы которого были в основном сосредоточены на юге, но пользовались поддержкой севера. В последний день пребывания Эйзенхауэра на посту президента команда его советников по национальной безопасности инструктировала Кеннеди, что его приоритетом во внешней политике должен быть Лаос. Позже Кеннеди заметил: «Эйзенхауэр вообще не упоминал слово „Вьетнам“ в разговорах со мной» [433].

Однако президент очень скоро понял весь масштаб вьетнамской проблемы, особенно после того, как прочитал оставленную Эйзенхауэром последнюю, весьма пессимистическую информацию о военных действиях в стране: «Начиная с декабря 1959 года, во всем Южном Вьетнаме существенно нарастают террористические и партизанские боевые действия Вьетконга. … Если правительство Южного Вьетнама не примет немедленные чрезвычайные меры для восстановления народного доверия и поддержки … Вьетконг может свергнуть нынешнее правительство

в ближайшие несколько месяцев» [434].

Кеннеди вознамерился в течение трех месяцев добиться перелома во вьетнамской войне, а для этого ему было необходимо больше узнать о разгорающемся конфликте.

Одним из его первых наставников стал генерал-майор Эдвард Лансдейл, незаурядная личность и бесстрашный агент ЦРУ. Слава и бесславие Лансдейла особенно возросли после того, как стало известно, что с него были списаны образы агентов ЦРУ в нескольких шпионских бестселлерах, в частности в опубликованном в 1956 году романе Грэма Грина «Тихий американец» и сенсационном романе Уильяма Ледерера и Юджина Бердика «Уродливый американец». Последний вышел из печати в 1958 году, лег в основу популярного фильма и привлек всеобщее внимание своей трактовкой того, что авторы считали провалом американской внешней политики [435].

Не прошло и недели после инаугурации, а Кеннеди уже читал захватывающие донесения Лансдейла о событиях во Вьетнаме. Среди них была история рыбацкой деревушки, подвергшейся нападению вьетконговцев. Жители, которых Лансдейл изобразил настоящими смельчаками, переняли у нападавших некоторые приемы ведения партизанской войны. Он писал: «Они не сомневались, что разобьют врага, и что, в конце концов, свободные люди Земли победят коммунизм. Получив подарок из Америки, они задавали один и тот же вопрос: не отступят ли Соединенные Штаты от своей нынешней политики в Азии?». По словам Лансдейла, они не боялись умереть за свое дело, говоря: «На следующий год вы увидите здесь других. К тому времени двухсот из нас уже не будет в живых» [436]. Лансдейл знал о том, как Кеннеди ценит мужественных людей, и рассказ о преданности южновьетнамских крестьян демократии был призван произвести должное впечатление на президента.

Скоро Кеннеди пришел к выводу, что Соединенные Штаты могли бы делать больше для защиты Южного Вьетнама. Он хотел, чтобы его советники ознакомились с методами борьбы с повстанцами и организацией партизанских военных действий, чем и занялся Роберт Кеннеди. Президент санкционировал выделение девятнадцати миллионов долларов (дополнительно к уже задействованным двумстам миллионам) на обучение военных подразделений нетрадиционным методам ведения войны. Было необходимо подготовить американских солдат к боевым операциям нового типа во Вьетнаме, где срочно требовалось присутствие «зеленых беретов». В июне 1961 года он дал группе специального назначения предварительное указание изучить «проблему информирования населения о причинах принятия

решения использовать военную силу» [437].

Как и его предшественники, Кеннеди столкнулся с вопросом о надежности Зьема и возглавляемого им правительства. ЦРУ предупреждало, что режим Зьема мало популярен у себя на родине, и журналист Теодор Уайт, автор хроники президентской кампании Кеннеди 1960 года, вернувшись из Южного Вьетнама, подтвердил это мнение. Он писал: «Правительство Нго Динь Зьема совершенно не способно мобилизовать народ Южного Вьетнама на политическое или эмоциональное противостояние коммунистам. … Думаю, что любое использование наших войск в районе дельты реки [Меконг] будет, в лучшем случае, бесполезным. Присутствие белых американских солдат подогреет во вьетнамцах чувство расовой неприязни» [438]. Посол по особым поручениям Аверелл Гарриман также был скептически настроен относительно перспектив военных действий в этом регионе [439].

Но в Соединенных Штатах у Зьема были и влиятельные покровители. Возрастала политическая сила «Американских друзей Вьетнама». Твердую поддержку правительству Зьема оказывали американский посол Фредерик Нолтинг и генерал Пол Д. Харкинс, первый глава Командования по оказанию военной помощи Вьетнаму — представительства военных советников США. Похвалы Зьему звучали в публичных речах видных членов Конгресса, включая сенатора Стюарта Саймингтона. После визита во Вьетнам вице-президент Линдон Джонсон назвал Зьема «Уинстоном Черчиллем Юго-Восточной Азии» [440].

У Кеннеди не было полного доверия к американским сторонникам Зьема. По старой привычке он обратился к своему консультанту по военным вопросам генералу Максвеллу Тейлору. В ноябре 1961 года президент направил Тейлора и Уолта Ростоу в Сайгон с заданием оценить боеспособность вьетнамских вооруженных сил.

В «докладе Тейлора», как его стали вскоре называть, прямо утверждалось: «Южный Вьетнам переживает серьезные трудности …, но если Соединенные Штаты быстро и энергично возьмутся за их устранение, можно добиться победы без прямого участия США в войне». Дальше в докладе говорилось: «Несмотря на сомнения интеллектуалов-наблюдателей, … следует подчеркнуть…, что время для превращения этих благоприятных предпосылок в основу для победы истекает. Сам Зьем и все, кого беспокоит судьба этой страны, ожидают американского руководства и помощи, чтобы достичь перелома во вьетнамском конфликте. Во всех уголках Юго-Восточной Азии мнение о происходящих во Вьетнаме событиях единодушно: только немедленные и

решительные действия Соединенных Штатов дадут Вьетнаму время, необходимое для мобилизации и организации его собственных ресурсов».

Доклад Тейлора завершался утверждением, что «для обеспечения прикрытия операций по материально-техническому снабжению и защите районов расположения американских военных сил потребуются боевые подразделения» — численностью до шести-восьми тысяч. «Потери в живой силе возможны во всех войсках, прибывающих во Вьетнам» [441].

Однако в Вашингтоне помощник госсекретаря Джордж Болл прямо заявил Кеннеди: «Тейлор ошибается … В течение следующих пяти лет мы разбросаем триста тысяч солдат по рисовым полям и джунглям и потом никогда их не соберем» [442]. Так или иначе, Тейлор и Ростоу укрепили шаткую веру Кеннеди в Зьема и в важность роли США в этой войне. В докладе Тейлора подчеркивалось: «Поражение Южного Вьетнама в борьбе с коммунизмом привело бы к быстрому распространению коммунистических режимов, и под контролем коммунистов окажутся все государства материковой части Юго-Восточной Азии до Индонезии. Глобальные стратегические последствия таких событий были бы крайне серьезными». Таким образом, Тейлор по сути дела утверждал, что у Америки просто нет иного выбора, она должна поддержать Южный Вьетнам [443].

К концу 1961 года у Кеннеди уже не было сомнений относительно оказания помощи Южному Вьетнаму. Он был даже готов, в случае необходимости, отдать приказ о военной интервенции. Президент согласился на проведение операции «Рэнч Хэнд», целью которой было распыление химических дефолиантов (включая напалм) над территориями, которые служили вьетконговцам естественными укрытиями и снабжали их продовольствием. Президент уверил Зьема, что «Соединенные Штаты полны решимости помочь Южному Вьетнаму сохранить независимость, защитить народ от коммунистических убийц и построить лучшую жизнь на основе экономического развития страны». Он пообещал: «Мы безотлагательно усилим помощь в организации обороны страны» [444].

* * *

18 января 1962 года Кеннеди подписал меморандум национальной безопасности, санкционировавший активные боевые действия ограниченного контингента американских войск во Вьетнаме. Хотя они все еще назывались «специальной группой

советников», на самом деле это была первая переброска регулярных подразделений вооруженных сил США во Вьетнам. В это время многие американцы и в Вашингтоне, и во Вьетнаме не сомневались в скорой победе. Действуя почти без потерь, вертолеты с американскими экипажами атаковали позиции партизан Вьетконга. Позже их действия с энтузиазмом описывал представитель Государственного департамента в Сайгоне Роджер Хилсман: «Над вершинами деревьев с ревом появляется нечто, внушающее ужас суеверным крестьянам-вьетконговцам… они просто разворачиваются и бегут…, становясь легкими мишенями» [445]. В статье, иллюстрация к которой была дана на обложке, в майском номере журнала *Time* рассказ о Вьетнаме был полон лучезарных описаний: «Генерал Пол Харкинс, подтянутый, седовласый, с голубыми глазами стального оттенка и строгими чертами лица, — это „идеальный образ профессионального военного“». Максвелл Тейлор сообщал о «положительных тенденциях в развитии всех боевых действий» [446]. Роберт Макнамара обещал: «Мы победим во Вьетнаме. Мы останемся там до победы». Как сообщал *Time*, «за короткое время, прошедшее с октября прошлого года, когда Вашингтон принял решение любой ценой удержать Южный Вьетнам, уже достигнуты значительные успехи» [447]. Перспективы казались столь радужными, что планировалось начать вывод войск в июле 1962 года с тем, чтобы все американские военные силы покинули территорию Вьетнама до весны 1964 года.

Бьющего через край оптимизма после первых сражений хватило ненадолго. Вывод войск все откладывался. Только в декабре 1963 года, после многократного и многочисленного пополнения американского военного контингента во Вьетнаме, оттуда была выведена тысяча солдат. Участие в военных действиях все еще носило ограниченный характер, но не было и намека на объявленный Макнамарой в июле 1962 года «огромный прогресс» [448]. По Белому дому циркулировали служебные записки с острыми вопросами, которые задавали воюющие во Вьетнаме офицеры: «Почему в ноябре 1960 года из Вьетнама были выведены подразделения особого назначения? Почему их туда не возвращают? Почему возможности вертолетных подразделений недостаточно используются в действиях вьетнамцев против партизан?». В ответах почти всегда упоминался недостаток боевой техники и подготовленных кадров во вьетнамской армии [449]. В 1962 году, выступая с речью, Джордж Болл добросовестно объяснял, почему необходимо продолжать участие в этой крайне непопулярной войне: «Мы не сможем оставаться лидером свободного мира, если не оправдаем доверия тех, кто идет за

нами… Мы активизируем наши действия по обучению, материально-техническому снабжению и транспортному обеспечению вьетнамских вооруженных сил» [450].

Внутри Белого дома росли пессимистические настроения. Даже во время относительно вялых военных действий в 1962 году, дела шли плохо. «Я уже год как президент. Как такое может продолжаться?» — раздраженно спрашивал Кеннеди, прочитав сообщение об очередной неудачной бомбардировке позиций противника [451]. В 1962 году Кеннеди и многие в его окружении возлагали большие надежды на широко разрекламированную «Программу создания стратегических деревень». Совместными усилиями Соединенных Штатов и правительства Южного Вьетнама планировалось защищать жителей деревень от партизан и организовывать местные очаги поддержки антикоммунистических сил. Но программа, длившаяся с конца 1961 до конца 1963 года, несмотря на отдельные успехи, не смогла обеспечить эффективную защиту деревенских жителей. Еще в меньшей степени она была способна завоевать их «сердца и умы». Южновьетнамские крестьяне постоянно подвергались нападениям партизан и под их давлением часто переходили на сторону Вьетконга. Американский консул в Хюэ Джон Хебель сообщал, что ситуация в сельских районах «ухудшается», а «за фасадом программы стратегических деревень практически ничего не происходит» [452]. Провал этой программы был тяжелым ударом по планам американской администрации.

* * *

К концу 1962 года почти все американцы, так или иначе связанные с войной во Вьетнаме, убедились в невозможности опираться на правительство президента Зьема. Кеннеди продолжал публично поддерживать Зьема и неоднократно пытался убедить его активизировать военные усилия правительственной армии и наладить более активное взаимодействие с американскими военными. В письме, посвященном очередной годовщине независимости Южного Вьетнама, которая отмечалась в октябре, Кеннеди назвал уходящий год «годом самоотверженной борьбы, жертв и страданий неисчислимых героев и годом внедрения новых институтов, таких как программа создания стратегических деревень, призванных не только дать народу Вьетнама реальные социальные и экономические выгоды, но и вызвать уважение мировой общественности к его достижениям». Однако, от прямых

похвал в адрес Зьема Кеннеди воздержался [453].

В начале 1963 года многие в американской администрации были заняты поисками путей избавления от Зьема и членов его могущественного семейства. Американские генералы, симпатизировавшие Зьему, приводили радужные статистические данные, но простые офицеры объяснили прессе, что этим цифрам нельзя доверять. Репортер Нил Шихан писал о сложившемся у него представлении, что солдаты правительственной армии не хотят «рисковать жизнью в ближних боях и боятся „потерять лицо“» [454].

Генерал Харкинс продолжал выступать за войну до победы. «Полагаю, что тот, кто критикует боеспособность вооруженных сил Республики Вьетнам, на самом деле дискредитирует тысячи отважных и преданных бойцов, защищающих свою страну» [455]. Он предложил новый проект повышения дееспособности южновьетнамского режима. Но было уже очевидно, что Зьем отказывается следовать советам как Харкинса, так и американского правительства в целом [456].

Однако в результате не Америка и не Вьетконг, а сам Зьем положил начало крушению своего режима. Долгое время Зьем и все его христианско-католическое семейство с неудовольствием наблюдали за тем, сколь большое влияние оказывают на население страны буддисты, составляющие наиболее многочисленную религиозную общину Южного Вьетнама. Наконец правительство стало прибегать к мерам, направленным на ограничение политической и религиозной деятельности буддистов. Ответная реакция не заставила себя долго ждать. Во многих городах начались мирные акции протеста, организованные группой буддистских активистов. 8 мая 1963 года конфликт резко обострился, когда правительственные войска открыли огонь по буддистским демонстрантам в Хюэ, убив девять и ранив еще четырнадцать человек. После расстрела участников протеста лидеры буддистской общины потребовали, чтобы им дали разрешение вывешивать буддистские знамена и уравняли в религиозных правах с католиками, к которым принадлежало подавляющее большинство членов правительства. Посол Нолтинг, практически всегда поддерживавший Зьема, теперь стал настаивать на прекращении гонений против буддистов и выплате компенсации жертвам насилия. Но Зьем проигнорировал это требование. Более того, 8 июня влиятельная жена брата Зьема, мадам Нху, подлила масла в огонь, обвинив буддистов в сотрудничестве с коммунистами. Через три дня буддистский монах Тхить Куанг Дык в знак протеста совершил акт самосожжения на оживленном перекрестке Сайгона [457].

Самоубийство было показано в телевизионных новостях по всему миру, а снимок охваченного пламенем монаха появился на первых страницах чуть ли не всех газет. Кеннеди был потрясен. «Ни одна фотография в истории не вызвала таких эмоций во всем мире, как эта», — мрачно заметил он [458]. Буддистский кризис нарастал, и все попытки американцев сгладить конфликт оказались тщетными. Мадам Нху с презрением описала самосожжение как «барбекю …с использованием импортного бензина» [459]. Брат Зьема, Нго Динь Нху, организовал облавы на буддистские пагоды, в ходе которых несколько монахов было убито. Кеннеди, посещающий Европу с серией официальных визитов, отозвал посла Нолтинга и заменил его Генри Кэботом Лоджем, который приступил к исполнению своих обязанностей в сентябре. В отличие от Нолтинга, Лодж (когда-то соперник Кеннеди на выборах в Сенат от штата Массачусетс) полагал, что для успеха вьетнамской кампании необходимо, прежде всего, сместить Зьема [460].

Вопросы, которые задавали Кеннеди в телевизионных интервью в начале сентября, свидетельствовали о растущем скептицизме американцев в отношении войны во Вьетнаме. «Нет ли у вас причин сомневаться в правильности так называемой „теории домино“, согласно которой падение Южного Вьетнама повлечет за собой цепь аналогичных событий во всех государствах Юго-Восточной Азии?» — спросил ведущий программы новостей на канале *NBC* Дэвид Бринкли. «Я думаю, что так оно и будет, — ответил Кеннеди. — Если бы Южный Вьетнам перестал существовать, … такое ощущение, что будущее Юго-Восточной Азии определяли бы Китай и коммунисты». Чет Хантли, соведущий программы, поинтересовался: «Возможно ли, что иногда правительство оказывается связанным политическими обязательствами…, которые потом бывает трудно изменить или снять с себя? … Какова вероятность того, что мы теперь сократим нашу помощь Южному Вьетнаму?». Кеннеди коротко ответил, что он намерен продолжать поддерживать правительство Зьема и будет настаивать на оказании помощи впоследствии [461]. В другом интервью Уолтер Кронкайт из *CBS News* также спросил президента о «трудностях» с режимом Зьема. «Не думаю, что победа в войне возможна, если правительство не будет делать более энергичных усилий, чтобы заслужить широкую народную поддержку, — сказал Кеннеди с едва скрываемой угрозой. — Но при условии изменений в политике и, возможно, составе правительства думаю, что войну выиграть можно. Если же правительство ничего не поменяет, я бы оценил шансы на победу как не очень высокие» [462].

То, что в интервью с Кронкайтом Кеннеди упомянул кадровые изменения в правительстве, весьма показательно. Его беспокойство по поводу Зьема особенно усилилось после того, как Лодж, сразу же по прибытии в Сайгон, с возмущением сообщил, что «Сайгон, Хюэ и Дананг парализованы страхом», вызванным попытками режима Зьема отправить за решетку диссидентов. По описанию Лоджа, в стране царила «атмосфера полицейского государства» [463]. В начале осени недовольные Зьемом вьетнамские генералы уже готовили военный переворот. Лодж не противился их планам, но сказал, что они будут «действовать на свой страх и риск» [464]. В конце концов заговор был раскрыт еще до того, как были предприняты какие-то действия. Роджер Хилсман писал из Вьетнама: «Семья Нху выступает за … правительственную политику репрессий … Поэтому Нху необходимо убрать … Им надо … запретить возвращаться в страну до победного завершения войны». По словам Хилсмана, теперь американские сенаторы говорят, что «больше не хотят» поддерживать режим Зьема [465]. 4 октября из Белого дома в американское посольство в Сайгоне пришло распоряжение с грифом «Совершенно секретно», где предписывалось «проверить и прозондировать эффективность действий, предпринимаемых правительством Южного Вьетнама». В нем не говорилось прямо, но подразумевалось, что, если Зьем будет продолжать создавать проблемы, ему придется уйти. В письме отмечалось, что режим Зьема «имеет внешние атрибуты демократии, но на самом деле неуклонно превращается в авторитарное правление, сохраняющее власть с помощью методов полицейского террора» [466]. На самом деле неотложные перемены были необходимы не столько вследствие отсутствия «демократии», сколько из-за упорного нежелания Зьема идти на компромисс.

* * *

Теперь Кеннеди должен был решить, убирать ли Зьема, и если да, то как. В Белом доме по этому вопросу не было единодушия. Правительственный переворот означал бы щекотливую ситуацию: свержение действующего президента суверенного, как утверждают США, государства. Кеннеди колебался. Он направил в Сайгон кадрового военного генерала Виктора Крулака и кадрового дипломата Джозефа Менденхолла с заданием оценить жизнеспособность правительства Зьема. Генерал сказал Кеннеди, что, по его мнению, Зьема надо

продолжать поддерживать. Менденхолл сообщил, что в правительстве Зьема полный хаос. Противоречивость оценок и вытекающие из них рекомендации, мягко говоря, не совпадали. «Вы уверены, что посетили одну и ту же страну?» — с сомнением переспросил президент, выслушав обоих [467].

Не получив ответа на свои вопросы, Кеннеди не успокоился, и вскоре с той же миссией во Вьетнам полетели Тейлор и Макнамара. Они вернулись с осторожно оптимистической оценкой военных событий, но оба считали Зьема препятствием на пути к успеху. «Политическая обстановка в Сайгоне крайне напряжена. Правительство Зьема-Нху все больше теряет народную поддержку … Нам необходимо признать, что через 2–4 месяца, возможно, придется прибегнуть к более радикальным мерам», — заключили они [468]. После этого Кеннеди направил Зьему письмо с угрозой «прервать наши программы оказания помощи», если не произойдут «значительные изменения к лучшему в отношениях» между режимом Зьема и Соединенными Штатами [469].

В Вашингтоне и Сайгоне все упорнее ходили слухи о том, что Нго Динь Нху ведет переговоры с Ханоем. Общение между Белым домом и правительством Зьема продолжало ухудшаться. Вьетнамские генералы, участвовавшие в подготовке несостоявшегося августовского переворота, в октябре обратились к Лоджу с предложением нового заговора против Зьема. Они получили официальный ответ: правительство США не будет поддерживать переворот, но и не намерено препятствовать таковому. Зная американскую позицию, генерал Зыонг Ван Минь (как его называли, «Большой Минь»), один из самых влиятельных вьетнамских военачальников, начал готовить свержение Зьема [470]. Пока шла подготовка переворота, Кеннеди не мог побороть сомнений и спрашивал своих помощников, будут ли новые лидеры лучше Зьема. Он назначил совещание на 2 ноября с тем, чтобы «проанализировать положение и срочно получить ваши рекомендации». Но было уже поздно [471].

29 октября, когда генералы уже готовились совершить переворот, обеспокоенный Зьем спросил Лоджа, что сделают Соединенные Штаты для его защиты. «Думаю, что я не обладаю достаточной информацией, чтобы ответить на ваш вопрос, — уклончиво ответил Лодж. — Сейчас в Вашингтоне 4.30 утра, и правительство Соединенных Штатов не может дать ответ». При этом посол добавил: «Меня волнует ваша физическая безопасность» и предложил помочь Зьему покинуть страну [472]. Однако вскоре стало ясно, что Зьему не приходится надеяться даже на такую незначительную поддержку, так как

Государственный департамент предупредил, что организация его бегства из страны создаст впечатление, что переворот был «инспирирован и контролировался американцами» [473].

1 ноября, не уведомив ни Вашингтон, ни американское посольство, вьетнамские генералы начали действовать. Сначала Зьем вместе со своим братом Нху перебрался в частный дом в Сайгоне, откуда они попросили вывезти их из страны на американском самолете. Агенты ЦРУ в Сайгоне отказали им в этой просьбе, снова опасаясь, что помощь свергнутому Зьему будет расценена, как подтверждение американского участия в заговоре. Тогда братья укрылись в католической церкви. Но некоторые генералы уже пришли к выводу, что оставшиеся в живых братья будут представлять опасность для новой власти. Как сказал один генерал, «чтобы уничтожить сорняки, надо вырвать их с корнем» [474]. Под мнимым предлогом необходимости перевезти их в безопасное место Зьема и Нху эскортировали к армейскому фургону, но, когда они подошли ближе, тот отъехал в сторону, и братья были застрелены стоявшим за фургоном офицером. Кто-то из генералов спросил Большого Миня, почему их убили. Большой Минь, глава заговорщиков, ответил: «Ну и какое это имеет значение, если они уже мертвы» [475].

Кеннеди узнал о смерти Зьема и Нху утром 2 ноября. На следующее утро редакционная статья *New York Times* спокойно констатировала: «единственное, что удивляет в сайгонском военном мятеже, это то, что он не произошел раньше» [476]. Кеннеди, однако, не был столь бессердечен. По воспоминаниям Шлезингера, он был «потрясен и подавлен … Я не видел его таким угнетенным со времени событий в Заливе Свиней» [477]. Максвелл Тейлор вспоминал, что, услышав эту новость, Кеннеди «подскочил и выбежал из комнаты с выражением потрясения и отчаяния на лице». [478] Об испытываемом Кеннеди чувстве вины говорит и магнитофонная запись, которую он оставил для будущих историков: «Полагаю, что мы должны нести значительную долю ответственности за произошедшее, начиная с нашей телеграммы в начале августа, в которой мы подсказали идею переворота … Я был потрясен смертью Зьема и Нху… То, как именно их убили, делает это убийство особенно отвратительным. Вопрос теперь в том, смогут ли генералы не рассориться и создать стабильное правительство» [479].

События последующих лет показали, что новое правительство в Сайгоне было не намного лучше старого.

* * *

Остановил ли бы Кеннеди войну во Вьетнаме, проживи он дольше? С одной стороны, на протяжении своего президентского срока он неоднократно повторял, что считает сохранение независимости Южного Вьетнама краеугольным камнем существования свободного мира. Всего за несколько недель до смерти он подтвердил свою точку зрения, заявив, что поражение во Вьетнаме неизбежно повлекло бы за собой переход под контроль коммунистов всей Юго-Восточной Азии с катастрофическими последствиями для престижа и влияния Америки. Он также часто говорил о том, какие разрушительные последствия имело бы падение Южного Вьетнама для его политической репутации как внутри страны, так и за рубежом, особенно принимая во внимание неудачу кубинской кампании 1961 года и его недостаточно решительные, по мнению многих оппонентов, действия по стабилизации ситуации в Лаосе. 14 ноября 1963 года, во время своей последней пресс-конференции, он очень резко отреагировал на вопрос о попытках конгрессменов сократить ассигнования на помощь другим странам: «Я не могу поверить, что Конгресс США собирается принять такое непродуманное решение… Неужели мы отдадим Вьетнам?» [480]

С другой стороны, Кеннеди часто выражал надежду, что уже в 1962 году из Вьетнама будет выведена часть американских солдат, а к 1964-му или 1965 году удастся вернуть на родину все американские войска. Он неоднократно отклонял просьбы военных прислать пополнение и противостоял эскалации военных действий.

Как и все, кто был так или иначе вовлечен в эту войну, Кеннеди испытывал сомнения и опасения. Сталкиваясь с очередной проблемой, он каждый раз надеялся, что она будет последней. Так поднимающийся на вершину горы путник, с трудом взобравшись, как ему казалось, на последнее горное плато, с разочарованием обнаруживает, что над ним возвышаются новые горные уступы. Все президенты, на своем опыте столкнувшиеся с войной во Вьетнаме, убедились, что легкого пути к победе там не существовало.

Но было бы ошибочно утверждать, что все президенты выбрали бы одинаковый курс действий, если бы им пришлось столкнуться с так быстро меняющейся военной ситуацией. Макджордж Банди, советник по национальной безопасности двух президентов — Кеннеди и Джонсона — через много лет говорил: «Кеннеди не хотел быть дураком. … Джонсон не хотел быть трусом» [481]. Кеннеди колебался между двумя альтернативами. Когда в октябре 1962 года Макнамара и Тейлор возвратились из своей инспекционной поездки во Вьетнам, они уверили Кеннеди,

что войну можно будет завершить к 1965 году. При этом Макнамара добавил, что «если боевые действия будут продолжаться и после этой даты, мы полагаем, что подготовленные нами вьетнамцы возьмут на себя выполнение главных функций, а мы сможем вывести основную часть наших сил». [482] Ни Макнамара, ни Тейлор не допускали мысли, что вьетнамцы могут оказаться не в состоянии себя защищать. В ноябре 1963 года Кеннеди продолжал развивать ту же точку зрения, сообщив репортерам, что планируемая в Гонолулу конференция призвана «попытаться оценить ситуацию и решить, какой должна быть американская политика… как мы можем повысить эффективность военных действий, как мы можем вывести из зоны конфликта американцев. Это и есть наша задача: вернуть американцев домой, дав Южному Вьетнаму возможность развиваться как свободной и независимой стране» [483].

Ничто в его словах не указывает, как будут развиваться события, если этот сценарий не сработает. В конце 1963 года перспективы развития вьетнамского конфликта еще не определились. Численный состав американских войск во Вьетнаме был невелик, американские потери незначительны. Еще можно было двигаться в самых разных направлениях. В 1978 году Банди сказал: «Я никогда не считал разумным публично рассуждать на тему, что бы делал Джон Кеннеди с Вьетнамом, останься он в живых. В сохранившихся записях его выступлений он постоянно отстаивает два положения, которые в годы после его смерти стали взаимоисключающими: что мы не должны бросать Вьетнам и что вьетнамцы должны, в конце концов, взять на себя свою работу» [484].

Время от времени Кеннеди говорил о выводе войск даже ценой поражения Южного Вьетнама. Однако чаще он упоминал планы перенести тяжесть решения проблемы на южновьетнамскую армию. В те несколько недель, которые отделяли военный переворот в Сайгоне от его гибели, несмотря на смятение, вызванное убийством братьев Нху, Кеннеди ни разу не дал повода считать, что приход новой власти изменил его точку зрения на будущее страны. Наоборот, поздней осенью 1963 года он говорил о планах при любых обстоятельствах вывести войска из Вьетнама после его переизбрания в 1965 году. Позже Артур Шлезингер писал, что «у Кеннеди не было намерений размещать американские сухопутные войска в Южном Вьетнаме для его спасения» [485], и Банди соглашался с этим мнением. Тем не менее, Кеннеди не переставал настаивать на важности сохранения независимости Южного Вьетнама.

С высоты сегодняшнего опыта легко рассуждать о том, что не

надо было лезть в трясину вьетнамского конфликта. Но еще в начале 1967 года подавляющее большинство американцев продолжали поддерживать войну во Вьетнаме, хотя уже появилось и стало быстро расти антивоенное движение. Никто не может сказать наверняка, как Кеннеди повел бы себя в дальнейшем. Безусловно, он был более подвержен сомнениям относительно эскалации военных действий, чем Джонсон, пришедший к власти после него. С другой стороны, он до последнего дня своей жизни неуклонно, хотя и медленно, расширял американское участие в конфликте.

Остается самый важный вопрос: согласился бы Кеннеди на поражение Южного Вьетнама в войне? «Как президент может объяснить „поражение“, если в военных действиях не участвовали американские сухопутные войска? — оглядываясь в прошлое, спрашивал Банди. — Приходится признать: (а) это очень сложно сделать и (б) никто не может быть уверен, что Кеннеди сделал бы это» [486]. Гибель Кеннеди оставила вопрос без ответа.

* * *

В октябре 1963 года война во Вьетнаме была далеко не единственной проблемой Кеннеди. В Белом доме были озабочены тем фактом, что президент, казалось, был не в состоянии провести через Конгресс ни один важный законопроект. Частично проблему создавала неблагоприятная для Кеннеди расстановка сил в Конгрессе: крайне незначительное демократическое большинство и внушительное количество консервативно настроенных южан среди демократов в обеих палатах. Но проблему усугублял и сам президент, не очень сведущий в хитростях политического «барышничества» и чувствующий себя не в своей тарелке, когда приходилось торговаться с оппонентами и настойчиво их «обрабатывать».

Законопроект о снижении налогов, который он предложил еще в 1961 году, может служить хорошей иллюстрацией этой проблемы. Когда в октябре 1963 года законопроект попал в Комитет по финансам Сената, министр финансов Дуглас Диллон предложил Кеннеди принять какие-то из более чем пятисот «реформ», разработанных им в ответ на требования владельцев корпораций. «Воры и сукины дети!» — отреагировал президент, убежденный в том, что предложенные изменения сведут на нет его инициативу, целью которой было повышение покупательной способности потребителей. Но, защитив законопроект от «реформ», президент мало что сделал для его принятия. Он

встретился с Уилбуром Миллсом, влиятельным председателем Постоянного бюджетного комитета Палаты представителей, и попросил у него совета, как улучшить шансы билля на прохождение. «Я убежден, что в моем избирательном округе закону о снижении налогов обеспечена 100-процентная поддержка», — заверил Миллс Кеннеди. — «Но когда говорят об уменьшении налогов, обычно возвращаются к этой старой … идее, которую нам внушили с детства: хочешь уменьшить налоги, … лучше уменьшай свои расходы» [487].

Билль о гражданских правах также застрял в Конгрессе. После того, как в июне президент ярко и убедительно представил свой законопроект в телевизионном выступлении, афроамериканские лидеры, до этого сомневающиеся в его искренности, теперь увидели в Кеннеди своего союзника. Но президент не питал иллюзий относительно того, как трудно будет собрать необходимые две трети голосов сенаторов в поддержку билля. Рой Уилкинс, один из руководителей Национальной ассоциации по содействию прогрессу цветного населения, считал, что если билль будет одобрен Палатой представителей, это окажет влияние и на Сенат. Другие были настроены более скептически. А. Филип Рендольф, активист движения в защиту гражданских прав и председатель профсоюза «Братство проводников спальных вагонов», сказал: «Совершенно очевидно, что для того, чтобы добиться одобрения внесенных предложений, потребуется многодневная битва». Он обратился к Кеннеди со словами: «Никто, кроме вас, не сможет возглавить эту битву» [488]. Президент, однако, не спешил бросаться в бой, предпочитая защищать гражданские права в своих выступлениях. Он — возможно, справедливо — опасался слишком воинственными действиями поставить под угрозу другие свои законодательные проекты. Кеннеди воздерживался от использования таких крайних мер, как предложенное Комитетом по гражданским правам приостановление федерального финансирования штата Миссисипи до того, как власти штата не прекратят политику расовой дискриминации. Позже Роберт Кеннеди вспоминал: «Мы чувствовали, что это может стать его лебединой песней в политике. Он каждые четыре дня меня спрашивал: „Думаешь, мы правильно поступили, направив им этот билль? Посмотри, сколько от него неприятностей“». Однажды он сказал: «Этот вопрос может стоить мне победы на выборах». Тем не менее, он утверждал: «Мы не отступим» [489]. Было, однако, ясно, что обсуждение законопроекта не начнется раньше 1964 года.

Практически все законодательные инициативы Кеннеди,

касавшиеся внутренней политики, встречали активное противодействие Конгресса. В 1963 году было отклонено его предложение создать федеральную программу медицинского страхования для населения старшего возраста, принятую впоследствии под названием «Медикэр». Кеннеди не мог остановить сокращение финансирования программы помощи другим странам, которую он считал очень важной. Он также не смог добиться одобрения Конгрессом программы дополнительного федерального финансирования системы образования. Тщетными оказались его длительная борьба по созданию Министерства городского хозяйства. Белый дом выступил с идеей социальной программы, которая позже получила название «война с бедностью», но в 1963 году она тоже не имела поддержки [490].

Кеннеди полагал, что во время второго срока в Белом доме ему будет легче работать с Конгрессом, поскольку надеялся одержать более убедительную победу на следующих президентских выборах, чем в 1961 году. Трудно сказать, произошло ли бы это на самом деле; тем более что второй срок президентства редко бывает более успешным, чем первый [491].

* * *

Однако неудачи в законодательной сфере не ослабили политический престиж Кеннеди. В ноябре 1963 года рейтинг популярности президента составил 59 %, причем его существенное понижение по сравнению с началом года было в основном вызвано биллем о гражданских правах, который настроил против Кеннеди многих белых южан. Но, согласно опросам общественного мнения, он опережал всех своих потенциальных соперников, значительно обходя наиболее вероятного республиканского конкурента, сенатора от штата Аризона Барри Голдуотера. Кеннеди с нетерпением ожидал начала президентской кампании и уже за год до выборов осмеивал Голдуотера. Во время пресс-конференции 31 октября репортер попросил его прокомментировать слова Голдуотера, что президент «искажает факты… чтобы удержаться на своем посту». Кеннеди любил прессконференции (за свою жизнь он провел шестьдесят четыре), и обычное остроумие его не подвело. На вопрос о Голдуотере он ответил так: «Я уверен, что в ближайшие месяцы он будет выдвигать множество еще более серьезных обвинений. Кроме того, у него самого сейчас очень напряженная неделя: он продает фирму „Теннесси Вэли Осорити“, разрешает

или предлагает дать разрешение на использование ядерного оружия военным командирам за пределами страны, критикует президента Боливии, пока тот находится в США с визитом, и активно участвует в выборах в Греции. Поэтому с моей стороны было бы несправедливо отвлекать его от работы на этой неделе своими ответами» [492].

В ноябре Кеннеди уже начал предвыборную кампанию. Позже Кенни О'Доннел писал: «Он делал то, что ему нравилось еще больше, чем быть президентом. Он уехал из Вашингтона … туда, где, как он был уверен, население его поддержит, хотя многие боссы и большинство олигархов были против него» [493]. 18 ноября он произнес четыре речи во Флориде, а тремя днями позже начал поездку по Техасу. Кеннеди выступил на открытии медицинского центра в Сан-Антонио, встретился с несколькими группами жителей Хьюстона и произнес речь в Форт-Уэрте, которая по содержанию очень напоминала его обращения к американцам в начале президентского срока. Он сосредоточил внимание на событиях на международной арене и снова напомнил слушателям о жертвах, которые им предстоит принести: «Никто не ждет, что наша жизнь будет легкой; это полностью исключается не только в текущем десятилетии, но, возможно, и до конца века. Но мы должны понять, какое бремя, какую ответственность несет народ Соединенных Штатов столь долгие годы… Наша страна, которая просто хочет спокойно жить и ничего больше … этой стране пришлось взвалить на свои плечи больше и простоять на страже мира дольше, чем какой-нибудь другой стране. Не то, чтобы мы так уж устали и изнемогли. Просто хотелось бы жить, как мы жили раньше. Но история нам этого не позволит» [494].

Это была его последняя речь.

В пятницу 22 ноября он вылетел из Форта-Уэрта в Даллас. Кортеж автомобилей длинной змеей двигался по заполненным толпами улицам города. В то утро местные газеты пестрели резкими антикоммунистическими заголовками, содержащими нападки на президента. Почему-то заголовки были в черных рамках. «Сегодня мы направляемся в настоящий сумасшедший дом», — сказал он жене, когда они подъезжали к Далласу. «Но знаешь, Джеки, если из какого-нибудь окна кому-то вздумается выстрелить в меня из винтовки, никто ему не сможет помешать — так к чему беспокоиться?» Спустя несколько часов на Дили-Плаза прозвучали выстрелы. Две пули попали в президента. О его смерти было объявлено в час дня.

Глава 9 Жизнь после смерти

Воскресный номер газеты *New York Times* от 24 ноября 1963 года был почти полностью посвящен гибели Джона Кеннеди. В день перед похоронами практически все газетные и журнальные материалы, радио— и телепередачи были посвящены погибшему президенту и полны скорби о безвременной утрате. Один из соратников Кеннеди так выразил охватившее страну чувство: «Жизнь продолжается, но все вокруг потускнело» [495].

Однако в том же номере была малоприметная информация совсем иного толка. Уже в течение нескольких месяцев под рубрикой книжного обозрения *New York Times Book Review* на первом месте списка бестселлеров среди документальной литературы значилась книга убежденного консерватора Виктора Ласки «Дж. Ф. Кеннеди: человек и миф». Написанная в резком и, по мнению некоторых, непристойно оскорбительном тоне, книга была призвана убедить читателей, что привлекательный имидж президента основывался на лжи и целой серии мошеннических трюков. Автор утверждал, что Джон Кеннеди — это ни больше, ни меньше как обманщик, абсолютно неспособный быть президентом ни по личностным качествам, ни по характеру, ни по интеллекту [496]. По данным еженедельника *Publishers Weekly*, книга была третьей по числу продаж среди документальных изданий 1963 года [497].

Сразу же после убийства президента книга Ласки исчезла из списка бестселлеров. Некоторые книжные магазины даже убрали ее с полок. Тем не менее, темная порочная фигура Кеннеди на страницах книги Ласки и светлый образ президента в материалах *New York Times* от 24 ноября дают представление о противоречивом восприятии личности Джона Кеннеди его современниками.

* * *

С одной стороны, для многих Кеннеди был и, по-видимому, остается воплощением самых высоких идеалов и смелых надежд, доблестным воином, смерть которого стала концом эры уверенности и оптимизма и началом периода конфликтов и разочарований. Вдохновленные его примером, юноши и девушки, и среди них будущий президент Билл Клинтон, принимали решение посвятить жизнь служению своему народу. С другой стороны, Кеннеди может быть символом несовершенства нашей

политической реальности. Стать президентом ему помогли деньги и связи отца. Возглавляемая им американская администрация пыталась избавиться от кубинского правительства и физически уничтожить Фиделя Кастро, пользуясь при этом услугами не только агентов ЦРУ, но и членов мафии. Частная жизнь Кеннеди была полна скандалов, но их скрывали, как и проблемы с его здоровьем. Как ни странно, два совершенно противоположных образа Кеннеди просуществовали параллельно необычайно долго.

Неудивительно, что внезапная насильственная смерть молодого и обаятельного президента способствовала идеализации его биографии. Создание идеального образа началось буквально через несколько минут после его гибели, когда три телевизионных канала отменили все запланированные передачи, включая рекламу, и в течение почти четырех дней рассказывали о его смерти и показывали репортажи с его похорон. Почти сразу же журнал *Life* посвятил два номера убийству президента. Они разошлись тиражом в несколько миллионов каждый. За ними последовало содержащее эти два номера «специальное мемориальное издание», полностью распроданный тираж которого составил еще 3 миллиона экземпляров. Уже в первые несколько месяцев одна за другой стали появляться книги о его жизни и смерти, а в последующие годы их количество перевалило за несколько десятков. Среди них надо отметить изданную в 1965 году книгу Артура Шлезингера «Тысяча дней» — эмоциональный рассказ о времени президентства Кеннеди, в которой автор так говорил о чувствах, вызванных его гибелью: «Теперь все это ушло вместе с ним: жизнелюбивая и жизнеутверждающая энергия, блеск его интеллекта и остроумие, его верность взятым на себя обязательствам и поставленным целям… В памяти всплывают строки из стихотворения Стивена Спендера»:

> Я снова думаю о тех, кто истинно велик …
> … в этой жизни бороться за жизнь
> Было призванием их, пламенем сердца.
> Солнцем рожденные, жили под солнцем недолго,
> *Но свой автограф оставили здесь навсегда*[498] [499].

* * *

Джон Кеннеди находился у власти менее трех лет. В

соответствии с критериями, которыми пользуются историки при оценке глав исполнительной власти, ощутимые результаты его пребывания у власти представляются довольно скромными, а сам он — далеко не самым выдающимся президентом. В рейтинге президентов 1982 года историки поставили его на тринадцатое место, а в 1996 году *New York Times* — на двенадцатое, т. е. за четырнадцать лет он поднялся всего на одну ступеньку. В восприятии историков Кеннеди был осторожным, расчетливым, умелым политиком, который руководствовался скорее реалиями политической жизни, нежели высокими идеалами. Члены его администрации гордились тем, что, в отличие от воинственных бойцов Холодной войны 1950-х годов, они были прагматиками, а не идеологами. Ирония судьбы, помимо всего прочего, заключается в том, что человек, которой не был страстным борцом за идею, умел воодушевить других [500].

Конечно, над созданием легенды Кеннеди потрудились его друзья. Но общество с радостью и готовностью в нее поверило. Кеннеди превратился в национального идола еще при жизни. В самом деле, его победа на президентских выборах в 1960 году стала одной из наименее убедительных в американской истории: он получил всего 49,7 % голосов. Было, однако, в Кеннеди какое-то волшебное обаяние, иначе, почему уже в середине 1963 года 58 % избирателей уверяли, что голосовали за него, а после его смерти эта цифра возросла до 65 %? [501]

Со временем вера в президента-легенду только усиливалась. После его гибели постоянный корреспондент *New York Times* Джеймс Рестон писал: «То место, о котором он мечтал и которое ему не было суждено получить в истории, он занял в легенде» [502]. Два десятилетия спустя журналист Теодор Уайт признался в мемуарах: «Мне до сих пор трудно объективно оценивать Джона Ф. Кеннеди. В моей памяти, как и в памяти почти всех, кто его знал, остался чистый и полный благородства образ. Я словно вижу его, взбегающего, как всегда, почти вприпрыжку, по трапу самолета. Вот он повернулся, быстро поднял руку, помахал толпе и исчез внутри. Его движения совершенны, как у балетного танцора. Воспоминания об удовольствии от совместного с ним путешествия мешают объективному историческому анализу» [503].

* * *

Темные стороны личности Кеннеди проявлялись в общественном сознании гораздо медленнее. Только в конце 1960-

х годов он покинул страницы книги Виктора Ласки, чтобы начать массированное наступление на общественное мнение. Постепенно хуливших Кеннеди консерваторов сменили столь же непримиримые критики слева. Так, некоторые историки и политологи стали утверждать, что политика Кеннеди вела к ужесточению, а никак не к смягчению Холодной войны, и что он своими действиями способствовал эскалации войны во Вьетнаме. Когда стало известно, что Кеннеди иногда старался сдерживать акции в защиту гражданских прав, и не остановил попыток Эдгара Гувера дискредитировать лидеров движения (в частности, Роберт Кеннеди знал о том, что ФБР прослушивает телефонные разговоры Кинга), свое разочарование выразили некоторые ветераны борьбы против расовой дискриминации. Беспокойство общественности вызвала также информация о тайных противозаконных и аморальных действиях на Кубе, поддерживаемых администрацией Кеннеди [504].

Эта отрезвляющая информация, опровергающая официальную легенду, коснулась и личности самого Кеннеди. Наступила эра повышенного внимания публики к поведению общественных деятелей в быту, и ставшие широко известными подробности частной жизни Кеннеди шокировали многих американцев, которые увидели в них проявление не только безрассудства, но и нравственной пустоты. Появилась целая серия книг, рисующих ограниченного и плохо воспитанного человека, весьма отличающегося от того президента, которого помнило большинство американцев. «Сегодня риторика Кеннеди звучит безвкусно», — писал Гарри Уиллс в «Заточении Кеннеди». — «Дело не только в том, что настали другие времена, и изменилась мода… Кеннеди не отпустил на волю хваливших его интеллектуалов — он развратил их. Он потакал их наихудшим порокам» [505]. Журналист Бен Брэдли, бывший когда-то близким другом Кеннеди, в мемуарах отмечал, что был в смятении, узнав о любовных похождениях президента и столкнувшись с частыми проявлениями его невоспитанности. [506] В 1970-е годы английский писатель Малколм Маггеридж, не стесняясь в выражениях, констатировал: «Джон Ф. Кеннеди, как теперь становится ясным, был ничтожеством — восковой фигурой с дорогим программным управлением, продуктом, созданным камерой, микрофоном и отделом по связям с общественностью, а его карьера при более пристальном рассмотрении достойна отражения не в истории, а в газетном комиксе» [507]. И. Ф. Стоун в 1973 году написал: «Сейчас он просто оптическая иллюзия» [508]. Спустя годы после его смерти даже некоторые его друзья и знакомые стали испытывать сходные чувства. Историки,

журналисты и иные пишущие о Кеннеди скептики (среди них Герберт Пармет, Генри Ферли, Питер Коллиер, Дэвид Горовиц, Ричард Уолтон, Томас Ривз и даже некоторые друзья и коллеги, такие, как Харрис Уоффорд) подвергали сомнению его общепринятый образ [509].

Некоторые критики пошли еще дальше и создали образ личности, в которой злобность сочеталась с ограниченностью. Кеннеди описывали то как человека, «страдающего маниакальным стремлением к власти и славе», то как «живое воплощение того, как посредственность может взобраться на карьерную вершину», то как руководителя, полностью лишенного «глубины и серьезности» [510]. В «Темной стороне Камелота» Сеймур Херш охарактеризовал Кеннеди как «человека, личностные слабости которого ограничивали его способность исполнять обязанности президента … Мужчины и женщины, сильные и самодостаточные в других отношениях, испытывали благоговение, очарованные им, и … наперегонки пытались угодить самому харизматичному лидеру в истории нашей страны. Многие из них ослеплены до сих пор» [511].

* * *

И ко всей мешанине противоречивых образов самого президента добавляется множество противоречий в обстоятельствах его убийства. Неудивительно, что многие американцы выразили сомнение в достоверности выводов комиссии Уоррена, созданной президентом Линдоном Джонсоном через неделю после смерти Кеннеди. В состав комиссии вошли влиятельные высокопоставленные лица, которые постарались максимально ускорить процесс расследования, игнорируя при этом некоторые моменты, не вписывающиеся в разрабатываемую ими версию преступления. Новый президент держал их работу под контролем, требуя от них «двигаться быстро и копать неглубоко, по крайней мере, в некоторых местах». В результате комиссия заключила, что убийство Кеннеди было делом рук преступника-одиночки.

Но к такому выводу пришла не только комиссия Уоррена. В 1968 году министр юстиции Рэмси Кларк собрал группу медицинских экспертов, которые изучили данные баллистических экспертиз и вскрытия тела, после чего подтвердили сделанное предыдущей комиссией заключение. В 1970-е годы, в обстановке появления все новых теорий заговора, президент Джеральд Форд, сам когда-то входивший в состав комиссии Уоррена, попросил

вице-президента Нельсона Рокфеллера возглавить новую комиссию по расследованию убийства, и ее выводы снова совпали с результатами, полученными комиссией Уоррена. В 1993 году весьма авторитетный писатель Джеральд Познер опубликовал 600-страничное исследование «Дело закрыто», которое заканчивается такими словами: «Погоня за тенью на поросшем травой холме никогда не заменит реальную историю. 22 ноября 1963 года на Дили-Плаза действовал только один убийца — Ли Харви Освальд, движимый собственным искаженным и непостижимым чувством ненависти. Те, кто вопреки многочисленным очевидным доказательствам отрицают этот факт, по сути дела оправдывают преступника и издеваются над памятью убитого им президента» [512].

В 2007 году вышла книга знаменитого в стране прокурора Винсента Буглиози «Восстановление истории: убийство Джона Ф. Кеннеди», на 1648 страницах которой автор также развенчивает сторонников теории заговора и доказывает, что Освальд действовал в одиночку: «Более сорока лет эти люди отказываются принимать очевидную истину и, прилагая неимоверные усилия, пытаются убедить американцев в правоте своих обвинений. При этом они ничем не ограничивают полет своей фантазии» [513].

Но доклад комиссии Уоррена содержит некоторые далеко не бесспорные утверждения, которые по-прежнему мешают многим принять официальную версию. Одним из первых свое недоверие к сделанным комиссией выводам высказал Марк Лейн в своей опубликованной в 1966 году и разошедшейся тиражом более миллиона экземпляров книге «Торопливое суждение» [514]. Сомнения растущего числа скептиков разделяли авторы статей в *Life, New York Review of Books* и других солидных журналах [515]. Широкую известность приобрело расследование, которое было проведено окружным прокурором Нового Орлеана Джимом Гаррисоном, убежденным в том, что в заговоре участвовала нераскрытая группа недовольных президентом лиц и нанятых ими исполнителей убийства. В 1979 году Комитет по расследованию убийств Палаты представителей Конгресса пришел к выводу, что в Кеннеди стрелял не один человек. Начиная с конца 1960-х годов, опросы общественного мнения неизменно показывают крепнущую убежденность американцев в том, что Кеннеди погиб в результате заговора. В 2004 году, по данным института Гэллапа, так считали 64 % респондентов, а через год, по результатам опроса, проведенного корпорацией *ABC*, эта цифра возросла до 70 % [516].

На сегодняшний момент опубликовано более тысячи книг, посвященных убийству Кеннеди, и авторы подавляющего

большинства работ придерживаются точки зрения, что Освальд не был убийцей-одиночкой. Но в заговор против президента верят не только безвестные исследователи. В первые часы после гибели брата сам Роберт Кеннеди склонялся к версии заговора. Он размышлял о тайных связях между силами, чьим интересам угрожала политика администрации, возглавляемой его братом. «Это дело рук ЦРУ?» — спрашивал он директора агентства Джона Маккоуна. Или убийство организовали кубинские эмигранты — противники режима Кастро? Возможно, это мафия? Или, как утверждают некоторые, сам Линдон Джонсон? Или, поскольку скрытые контакты между всеми этими группами, безусловно, существовали, они действовали сообща? До того, как Роберт Кеннеди услышал имя Ли Харви Освальда, он — пусть и недолго — строил сценарии произошедшего, весьма похожие на некоторые из тех, которые уже полстолетия будоражат умы американцев [517].

Неослабевающий интерес к тайне убийства президента и живучесть разнообразных теорий заговора свидетельствуют о том, что гибель Джона Кеннеди не была началом его забвения. Дэвид Талбот, редактор журнала *Salon* и автор одной из серьезных книг, посвященных теориям заговора, утверждает: «Присущий администрации Джона Ф. Кеннеди своего рода благородный героизм, не имел ничего общего с туманами Камелота. Его президентство опередило свое время и под конец его жизни приобрело некоторые черты величия» [518].

Талбот и его единомышленники утверждают, что причиной гибели Кеннеди стала его бесстрашная и дальновидная политика, в которой многие в правительстве и за его пределами увидели посягательство на свои права и привилегии. Кеннеди нажил себе врагов в ЦРУ тем, что отказался поддержать их вариант военных действий в Заливе Свиней, сдерживал их последующие попытки избавиться от Кастро и предпринимал шаги по сближению с коммунистической Кубой и Советским Союзом. По той же причине его ненавидели самые последовательные в своих антикастровских убеждениях кубинские эмигранты. Усилиями Министерства юстиции братья Кеннеди вели упорную борьбу с мафией, что не могло не вызвать противодействие со стороны Джимми Хоффы и других влиятельных мафиози. Одновременно президент восстановил против себя консервативно настроенных белых южан тем, что стал решительно воплощать в жизнь политику защиты гражданских прав цветного населения. Его осторожные действия во время кубинского ракетного кризиса вызвали презрительную реакцию многих высокопоставленных военных, а слухи о его планах прекратить войну во Вьетнаме

породили тревогу среди представителей внешнеполитического ведомства.

По мнению многих проповедников теории заговора, Джон Кеннеди бросил вызов практически всем постулатам Холодной войны. Он предложил принципиально новый подход к межгосударственным отношениям, предусматривающий отказ от безрассудного применения военной силы и поиск возможностей для создания атмосферы мира, справедливости и согласия. Как утверждают сторонники теории заговора, неудивительно, что так много влиятельных сил было заинтересовано в его смерти. За убийствами братьев Кеннеди сторонники теории заговора видят мотивы вселенского масштаба, где на кону было будущее всего человечества. По словам драматурга Тони Кушнера, в тот день в Далласе «история раскололась» [519]. Чувство невосполнимой утраты, которое все еще преследует многих американцев, не в последнюю очередь обусловлено верой в то, что Кеннеди, проживи он дольше, мог изменить страну и весь мир. Поэтому, считают проповедники теории заговора, раскрытие тайны гибели Кеннеди, изменившей весь наш мир, необходимо, прежде всего, для того, чтобы вернуть историю в нужное русло.

Конечно, Кеннеди не всегда соответствовал этому образу «благородного героя». Немногие историки или политики назовут период его президентства временем радикальных изменений статуса-кво. Привлекательность образа Кеннеди не слабеет и не блекнет не столько благодаря его реальным достижениям, сколько благодаря сохранившимся в воображении множества людей нереализованным планам погибшего президента. Жизнь и смерть Кеннеди совпали со временем больших исторических преобразований в США. Любовь к президенту многих представителей поколения 1960-х, затем перешедшая ко многим американцам, родившимся уже после его смерти, в значительной степени объясняется тем, что они отождествляют его с моментом необычайной общественной активности в стране, и ностальгически вздыхают о времени, когда нация ощущала уверенность в своих силах и готовность идти к общей цели. Для многих американцев Кеннеди остается воплощением эпохи веры в политику, которая служит осуществлению самых высоких устремлений, основывается на чувстве национального единства, отвечает нравственным идеалам американской нации. И самое главное, Кеннеди напоминает американцам о времени, когда возможности нации представлялись безграничными, а ее будущее — прекрасным, когда казалось, что Соединенные Штаты смогут решить все социальные проблемы и вершить великие дела.

В заключительной части «Тысячи дней» Артур Шлезингер

пишет о недолгом президентстве Кеннеди: «Он сделал так много. … Дав нам возможность подняться над собой, он вернул стране ее подлинную, лучшую сущность, уничтожив закрепившийся в представлении других народов образ нации стариков, усталых, выдохшихся, боящихся новых идей, перемен и будущего; он показал миру, что процесс открытия Америки еще не завершен. Он воссоздал республику такой, какой ее видело первое поколение наших отцов-основателей: юной, смелой, цивилизованной, мыслящей, жизнерадостной, упорной, ищущей, с ликованием встречающей волнующие исторические перспективы» [520].

Для многих американцев, которые мечтают о наступлении новой эры настоящей общественной активности и преданности общему делу, героический образ Джона Фицджеральда Кеннеди по-прежнему является ярким и притягательным символом потерянного мира их идеалов. Именно поэтому, заслуженно или нет, Кеннеди остается такой важной фигурой в нашем национальном сознании.

Основные вехи жизни Джона Кеннеди

1917 Родился в г. Бруклайн, штат Массачусетс, 29 мая

1935 Закончил школу Чоут в Уоллингфорде, штат Коннектикут. Поступил в Принстонский университет, из которого через полтора месяца ушел из-за проблем со здоровьем

1936 Поступил в Гарвардский университет

1938 Джозеф П. Кеннеди становится послом США в Великобритании

Джон Кеннеди отсутствует на занятиях в Гарварде, присоединившись к отцу

1939 Поездка по Европе с целью написания дипломной работы

1940 Завершает дипломную работу Appeasement at Munich («Политика умиротворения в Мюнхене»)

Оканчивает Гарвардский университет с отличием в области международных отношений

Издает дипломную работу под названием Why England Slept («Почему Англия спала»), которая становится бестселлером

1941 Признан непригодным к воинской службе на флоте из-за проблем с позвоночником

Благодаря влиянию отца проходит медицинскую комиссию и поступает на службу в разведывательное управление ВМС

1943 Служит капитаном торпедного катера «PT-109» на Тихом океане и остается в живых после уничтожения катера японским эсминцем

Помогает в спасении уцелевших членов экипажа и становится национальным героем

1944 Джозеф П. Кеннеди-младший погибает на войне

1946 Избран членом Палаты представителей от 11 избирательного округа в Массачусетсе

1952 Избран сенатором от Массачусетса

1953 Женится на Жаклин Бувье

1954–55 Переносит серьезные операции на позвоночнике

1956 Публикует во время выздоровления книгу Profiles in Courage («Биографии мужественных людей»)

Добивается выдвижения от Демократической партии на пост вице-президента, но терпит неудачу

1957 Получает Пулитцеровскую премию за книгу «Биографии мужественных людей»

Родился первый ребенок, Кэролайн Кеннеди, 27 ноября

1959 Начинается Вторая вьетнамская война

1960 Официально выдвигает свою кандидатуру, 2 января

Утвержден кандидатом в президенты от Демократической партии на съезде партии, 14 июля

Участвует в первых теледебатах кандидатов на пост президента, сентябрь — октябрь

Избран президентом, 8 ноября, получив 49,75 % голосов избирателей

Родился Джон Кеннеди-младший

1961 Вступил в должность президента США, 20 января

Предпринимает шаги по урегулированию ситуации в Лаосе

Создана организация Корпус мира, призванная оказывать помощь населению развивающихся стран, 1 марта

Приказывает начать высадку десанта на Кубу в Заливе Свиней, 17 апреля;

Военное вторжение заканчивается через несколько дней провалом

Алан Шепард совершает полет в космос, становясь первым американским астронавтом, 5 мая

В обращении к конгрессу торжественно обещает отправить человека на Луну

Встреча в верхах с Никитой Хрущевым, Вена, 3–4 июня

Создана организация «Союз ради прогресса», призванная содействовать экономическому развитию стран Латинской Америке, август

Берлинская стена разделяет город, 13 августа

Возобновляет усилия по устранению режима Фиделя Кастро, ноябрь

1962 Джон Гленн становится первым американским астронавтом, совершившим орбитальный полет вокруг Земли, 20 февраля

Оказывает давление на руководство сталелитейных компаний с целью отмены ими решения о повышении цен на сталь

Карибский кризис, 16–28 октября

Выборы в Конгресс в середине срока правления Кеннеди усиливают в Конгрессе позиции демократической партии

Подписывает президентский указ, запрещающий дискриминацию в области жилья, 20 ноября

1963 Выступает с речью в Американском университете, 10 июня

Кеннеди произносит свою историческую речь о гражданских правах, 11 июня

Выступает с речью у Берлинской стены, 26 июня

Посещает с официальным визитом Ирландию, 26–29 июня

Направляет в Конгресс законопроект о гражданских правах, направленный на широкую десегрегацию и меры против дискриминации чернокожих граждан, 1 июля

Родился Патрик Бувье Кеннеди, 5 августа; умирает через два дня после рождения

Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой, 7 октября

Отправляется в предвыборную поездку в Техас, 21 ноября

Убит в Далласе, 22 ноября

Избранная библиография

В значительной мере данная книга основывается на личных документах Джона Кеннеди, которые хранятся в Библиотеке имени Кеннеди в г. Бостон, в особенности на оцифрованном архиве, который библиотека недавно открыла. Также книга опирается на Public Papers of the Presidents of the United States: John F. Kennedy, 1961–1963 (Washington, D.C.: U. S. Government Printing Office, 1962–1964) («Официальные документы президентов США: Джон Кеннеди, 1961–1963»). Другими первостепенными источниками нам служили публикации в таких газетах и журналах как New York Times, Washington Post, Wall Street Journal, Time и многих других.

Благодарность

Особую признательность хочу высказать Артуру Шлезингеру, который убедил меня написать книгу о Джоне Кеннеди для его прославленной серии биографий президентов. Как бы мне хотелось, чтобы он был с нами и мог ее увидеть. Также хочу выразить благодарность друзьям и коллегам, которые прочитали часть книги или всю ее, за высказанные замечания. Это Эллен Фитцпатрик, Дэвид Нэсау, Эндрю Престон, Фрэнк Рич, Марк Селверстоун и Шон Уиленц, который стал преемником Шлезингера в качестве редактора данной серии. И, как всегда, я благодарен моей жене, Эванджелин Морфос, за ее замечания и редакторскую правку, которые были, как всегда, бесценны.

Также я хочу выразить благодарность Библиотеке им. Джона Кеннеди в г. Бостон и цифровому архиву, который библиотека недавно создала. При написании книги я опирался на многочисленные работы других исследователей деятельности Джона Кеннеди, которые имеют огромную ценность для всех тех, кто изучал и продолжает изучать тот период истории, когда Кеннеди был президентом. Всем им я хочу выразить свою благодарность.

И наконец, хочу высказать свою признательность сотрудникам издательств «Таймс букс» и «Генри Холт» Полу Голобу, Кристоферу О'Коннеллу, Эми Икканда, Рут Фесич и Франческе Джиакко за доброжелательную помощь при подготовке этой книги к изданию.

Об авторе

Алан Бринкли — автор недавно вышедшей книги *The Publisher: Henry Luce and His American Century,* которая была номинирована на премию Пулитцера. Кроме того, он является автором книг *Voices of Protest: Huey Long, Father Coughlin, and the Great Depression,* за которую был удостоен Национальной книжной премии, *The End of Reform: New Deal Liberalism in Recession and War, Franklin D.Roosevelt, The Unfinished Nation: A Concise History of the American People* и *Liberalism and its Discontents.* Он профессор истории и заслуженный проректор Колумбийского университета. Преподавал также в Гарвардском, Оксфордском и Кембриджском университетах. Живет в Нью-Йорке.

Примечания

1

«Фишка дальше не идет» — фраза из обихода игроков в покер, получившая более широкое распространение благодаря президенту США Гарри Трумэну, который сделал ее своим девизом и табличкой с этой надписью украсил свой стол. В покере «фишка» помещается перед игроком, которому подошла очередь сдавать карты. Если игрок не хочет сдавать карты, он передает фишку следующему. В переносном смысле фишка — атрибут человека, ответственного за принятие решений. Говоря, что она «дальше не идет», президент давал понять, что окончательное решение принимает именно он.

2

«Музей шестого этажа» располагается на седьмом этаже, так как в Америке седьмой этаж считается шестым.

3

Arthur M. Schlesinger Jr., A Thousand Days: John F. Kennedy in the White House (Boston: Houghton Miffl in, 1965), p. 206.

В ссылках на источники использованы следующие сокращения:

FRUS: Foreign Relations of the United States, 1961–1963 (edited by David S. Patterson)

JFK: John F. Kennedy

JFKL: John F. Kennedy Library

JPK: Joseph P. Kennedy Sr.

PPP — JFK: Public Papers of the Presidents of the United States: John F. Kennedy, 1961–1963

4

Robert G. Athearn, ed., An Illustrated History of the United States (New York: Choice, 1988), vol. 16, p. 1432; Daytona Beach Morning Journal, November 22, 1963.

5

Schlesinger, A Thousand Days, p. 1027.

6

Doris Kearns Goodwin, The Fitzgeralds and the Kennedys: An American Saga (New York: Simon and Schuster, 1987), pp. 21–129.

7

Ibid.

8

Robert Dallek, An Unfinished Life: John F. Kennedy, 1917–1963 (New York: Little, Brown, 2003), pp. 6–7.

9

Goodwin, The Fitzgeralds and the Kennedys, pp. 226–33.

10

Nigel Hamilton, JFK: Life and Death of an American President, vol. 1, Reckless Youth (London: Random House UK, 1992), pp. 5–23; Goodwin, The Fitzgeralds and the Kennedys, pp. 256–59, 262–63; Rose Kennedy, with Robert Coughlan, Times to Remember (New York: Doubleday, 1974), pp. 15, 67, 72–78.

11

Goodwin, The Fitzgeralds and the Kennedys, pp. 235–36.

12

Ibid., p. 290.

13

Джек — уменьшительное имя от имени Джон.

14

Игра, в которой контактные элементы американского футбола заменяются касанием (touch).

15

David Heyman, A Woman Named Jackie (New York: Lyle Stuart, 1989), pp. 140–41; Peter Collier and David Horowitz, The Kennedys: An American Drama (New York: Simon and Schuster, 1984), pp. 39–45; Gloria Swanson, Swanson on Swanson (New York: Random House,1980), pp. 209, 328–70.

16

Goodwin, The Fitzgeralds and the Kennedys, p. 309.

17

Rose Kennedy, Times to Remember, pp. 126, 174, 192; John Ney, Palm Beach (Boston: Little, Brown, 1966), p. 18; Hamilton, JFK, pp. 42, 87–88, 91–93, 101–5, 288, 301–17, 349–52.

18

JFK to JPK, December 9, 1931, Young Kennedy File, JFKL; JFK to JPK, n. d., Young Kennedy File, JFKL.

19

Riverdale Country School, report on JFK, February 25, 1930, Young Kennedy File, JFKL; Record of JFK, November 1 to December 6, 1930, Canterbury School, Young Kennedy File, JFKL; Ralph G. Martin, Seeds of Destruction: Joe Kennedy and His Sons (New York: G. P. Putnam, 1995), p. 32.

20

Report of JFK, Choate School, 4 th Quarter, n.d., Young Kennedy File, JFKL.

21

Ibid.

22

Ibid.

23

Hamilton, JFK, pp. 88–101.

24

Ibid.

25

Herbert Parmet, Jack: The Struggles of John F. Kennedy (New York: Dial Press, 1980), p. 37.

26

JFK to JPK, n. d., 1933, JFKL. См. также Hamilton, JFK, p. 110; Dallek, An Unfinished Life, pp. 77–78, 80.

27

Goodwin, The Fitzgeralds and the Kennedys, pp. 456–65, 486–89; Hamilton, JFK, pp. 112–13, 118–35.

28

mucker (англ.) — деревенщина, хам.

29

Hamilton, JFK, pp. 122–33.

30

Ibid., pp. 143–45.

31

JFK to Billings, n.d., 1935, JFKL; Edward E. Moore to Richard M. Gummere, May 11, 1935, JFKL.

32

Application for Admission, Harvard College, May 8, 1935, JFKL.

33

«General Estimate,» Harvard Admissions Application, April 30, 1935, JFKL.

34

JPK to Delmar Leighton, August 28, 1936, JFKL.

35

JPK to JFK, December 1, 1937, JFKL; multiple letters, JFK to JPK, n. d., 1939, JFKL. See also Goodwin, The Fitzgeralds and the Kennedys, pp. 505–6, 581–82; Hamilton, JFK, pp. 159–70, 176–77.

36

Multiple letters, JFK to JPK, n. d., 1939, JFKL.

37

Hamilton, JFK, p.192.

38

JFK to JPK, Vienna, n.d., 1939, JFKL.

39

Hamilton, JFK, pp. 185, 194, 199.

40

«Extra Curricular Activities,» 1937–1938, «Extra Curricular Activities,» 1939–1940, JFKL; Hamilton, JFK, pp. 208–10.

41
JFK to JPK, n. d., 1939, JFKL.
42
Ibid.
43
Ibid.
44
Ibid.
45
«Report on Thesis for Distinction,» n. d., 1940, JFKL; Dallek, An Unfinished Life, p. 63.
46
JFK to JPK, spring 1940, n. d., 1940, JFKL; John F. Kennedy, Why Eng land Slept (New York: Wilfred Funk, 1962, original edition 1940), p. 17.
47
Dallek, An Unfi nished Life, p. 64.
48
Alan Brinkley, The Publisher: Henry Luce and His American Century (New York: Alfred A. Knopf, 2010), pp. 422, 425.
49
Hamilton, JFK, p. 331; Kennedy, Why England Slept, pp. 13–14.
50
Kennedy, Why England Slept, p. 217.
51
Ibid. p. 218.
52
Ibid., p. 185.
53
Edward M. Daugherty to JPK, November 1, 1940, JFKL; JFK to JPK, n. d., 1940, JFKL.
54
Goodwin, The Fitzgeralds and the Kennedys, pp. 632–35.
55
JPK to Stephen Galatti, February 2, 1942, JFKL; Max Beaverbrook to JPK, February 9, 1942, JFKL; Dallek, An Unfi nished Life, pp. 87–95.
56
John Hersey, «Survival,» New Yorker, June 17, 1944, pp. 31–44.
57
Ibid.
58
HQ 3 rd Bombardment Division, APO 559, Subject: «Aphrodite,» April 8, 1944, JFKL; HQ 8 th Air Force Outgoing Message, August

12,1944, JFKL; Goodwin, The Fitzgeralds and the Kennedys, pp. 688–89.

59

Hamilton, JFK, p. 659.

60

John F. Kennedy, ed., As We Remember Joe (Cambri-dge, Mass.: University Press, privately printed, 1945).

61

New York Journal-American, May 2, 3, 5, 7, 16, 21, 23, June 23, 1945; Chicago Herald-American, May 18, 1945.

62

John F. Kennedy, Prelude to Leadership: The European Diary of John F. Kennedy (Washington, D.C.: Regnery, 1995), p. 5.

63

Ibid., pp. 5, 9–10.

64

Ibid., p. 46.

65

Ibid., p. 69.

66

Dallek, An Unfinished Life, p. 119.

67

Hamilton, JFK, p. 673.

68

Dallek, An Unfi nished Life, pp. 116–27.

69

Michael O'Brien, John F. Kennedy: A Biography (New York: St. Martin's Press, 2005), p. 19.

70

David Michaelis, Best of Friends (New York: William Morrow, 1983), p. 165; Ralph G. Martin and Ed Plaut, Front Runners (New York: Doubleday, 1960), p. 114.

71

Клуб «Золотая звезда» — организация в США по поддержке родителей, потерявших детей на войне. Название объясняется традицией вывешивать на домах военнослужащих стяги, количество звезд на которых показывает сколько членов семьи находится в рядах армии. Синие звезды символизируют живых военнослужащих, а золотые — погибших.

72

Goodwin, The Fitzgeralds and the Kennedys, p. 712.

73

Hamilton, JFK, p. 753; Goodwin, The Fitzgeralds and the Kennedys, p. 713; John H. Davis, The Kennedys: Dynasty and Disaster,

1848–1984 (New York: McGraw-Hill, 1984), p. 125.

74

Eric Freedman and Edward Hoffman, John F. Kennedy in His Own Words (New York: Citadel Press, 2005), p. 190.

75

S. Alexander Haslam, Stephen D. Reicher, and Michael J. Platow, The New Psychology of Leadership: Identity, Infl uence, and Power (New York: Psychology Press, 2011), p. 151.

76

Dallek, An Unfinished Life, p. 132.

77

Philip Abbott, Strong Presidents: A Theory of Leadership (Knoxville: University of Tennessee Press, 1996), p. 165; Dallek, An Unfinished Life, pp. 142–44.

78

Robert E. Gilbert, «JFK and Addison's Disease,» JFKL; Robert E. Gilbert, The Mortal Presidency: Illness and Anguish in the White House (NewYork: Basic Books, 1992); Kenneth P. Crispell and Carlos F. Gomez, Hidden Illness in the White House (Durham, N.C.: Duke University Press, 1988), p. 186; O'Brien, John F. Kennedy, p. 225.

79

«Kathleen Kennedy,» n. d., JFKL; New York Times, May 14, 1948.

80

Jonathan Bell, The Liberal State on Trial: The Cold War in the Truman Years (New York: Columbia University Press, 2004), p. 185.

81

Gary Donaldson, The First Modern Campaign: Kennedy, Nixon, and the Election of 1960 (Lanham, Md.: Rowman & Littlefi eld, 2007), p. 38.

82

John F. Kennedy, «Our Foreign Policy in Connection with China,» Congressional Record, January 29, 1949, p. 41; Dallek, An Unfinished Life, pp. 160, 162.

83

Thomas Whalen, Kennedy versus Lodge (Boston: Northeastern University Press, 2000), pp. 127–83.

84

«Rose Kennedy Speaks at a Tea, 1952,» n. d., JFKL.

85

Goodwin, The Fitzgeralds and the Kennedys, p. 768.

86

Hamilton, JFK, p. 780.

87

John H. Davis, Jacqueline Bouvier: An Intimate Memoir (New

York: John Wiley and Sons, 1996), pp. 157–95; Donald Spoto, Jacqueline Bouvier Onassis: A Life (New York: St. Martin's Press, 2010), pp. 105–206.

88

«The Gay Young Bachelor,» Saturday Evening Post, June 13, 1953.

89

Collier and Horowitz, The Kennedys, p. 197.

90

Thomas C. Reeves, A Question of Character (New York: Arrow, 1992), p. 116.

91

Collier and Horowitz, The Kennedys, p. 780.

92

Ibid., p. 354.

93

Theodore Sorensen, Counselor: A Life at the Edge of History (New York: Harper, 2009), pp. 98–115; Collier and Horowitz, The Kennedys, p. 198.

94

John F. Kennedy, Profiles in Courage (New York: Harper and Brothers,1956).

95

Sorensen, Counselor, pp. 144–55.

96

Remarks by Senator John F. Kennedy at the Democratic National Convention, Chicago, Ill., on August 16, 1956, Senate Speech File, JFKL.

97

Arthur M. Schlesinger Jr., Journals, 1952–2000 (New York: Penguin Press, 2007), pp. 43–44.

98

«Stevenson, Truman and Kennedy,» Saturday Evening Post, March 8, 1958, pp. 32–33.

99

Dallek, An Unfinished Life, pp. 782–86.

100

Paul Blanshard, American Freedom and Catholic Power (Boston: Beacon Press, 1949).

101

Goodwin, The Fitzgeralds and the Kennedys, pp. 791–92; Harold Martin, «The Amazing Kennedys,» Saturday Evening Post, September 7, 1957, p. 49.

102

Nellie Bly, The Kennedy Men (New York: Kensington, 1996), p. 98. См. также David Pietrusza, 1960: LBJ vs. JFK vs. Nixon (New York: Sterling, 2006), pp. 15–18.

103

Donaldson, The First Modern Campaign.

104

Theodore H. White, The Making of the President, 1960 (New York: Atheneum, 1961), pp. 3–4.

105

New York Times, August 23, 1959; Abraham Ribicoff to JFK, August 31, 1959, December 16, 1959, JFKL.

106

New York Times, August 25, 1959; Orville Freeman to Robert F. Kennedy, August 4, 1960, JFKL.

107

Benjamin C. Bradlee, Conversations with Kennedy (New York: W. W. Norton, 1975), p. 16.

108

Eleanor Roosevelt to JFK, June 2, 1958, JFKL.

109

JFK to Eleanor Roosevelt, June 29, 1958, JFKL.

110

JFK to Eleanor Roosevelt, December 11, 18, 1958; JFK to Eleanor Roosevelt, January 10, 1959, JFKL.

111

«Ben» to JFK, May 12, 1959, JFKL; Eleanor Roosevelt to Mary Lasker, August 15, 1960, Roosevelt, Eleanor file, June 1958–November 1960, JFKL.

112

Arthur M. Schlesinger Jr. to JFK, April 26, 1960, JFKL.

113

Sorensen, Counselor, pp. 158–63.

114

JFK, Address to the Greater Houston Ministerial Association, September 12, 1960, political campaign, 1960, JFKL.

115

JFK to Editor, Denver Post, August 25, 1959, JFKL; campaign memo on religion, n.d., 1959, JFKL; William Rivkin to Sargent Shriver, August 4, 1960, JFKL; «Remarks of Senator John F. Kennedy,» American Society of Newspaper Editors, Washington, D.C., April 21, 1960, JFKL.

116

New York Times, August 25, 1959; «Agenda for Senator Kennedy,» May 13, 1959, JFKL.

117

JFK to Newton N. Minow, January 13, 1960, JFKL; Robert Drew, Primary, a documentary film, 1960.

118

White, Making of the President, 1960, p. 99.

119

Ibid., pp. 95–105.

120

Ibid., pp. 107–8.

121

William McCormick Blair Jr. to JFK, August 12, 1960, JFKL.

122

Arthur M. Schlesinger Jr. to JFK, January 25, 1960, June 6, 1960, JFKL; Jean Baker, The Stevensons: A Biography of an American Family (New York: W. W. Norton, 1996), pp. 399–400.

123

Adlai Stevenson to JFK, May 11, 1960, JFKL

124

JFK to Adlai Stevenson, January 5, 1960, JFKL; Arthur M. Schlesinger Jr. to Adlai Stevenson, May 16, 1960, JFKL.

125

JFK to Adlai Stevenson, January 5, 1960, JFKL; Stevenson to JFK January 5, 1960, JFKL

126

Sacramento Bee, July 29, 1960; Arthur M. Schlesinger Jr. to JFK, May 25, 1960, JFKL; William McCormick Blair Jr. to JFK, August 12, 1960, JFKL; John Bartlow Martin, Adlai Stevenson and the World (Garden City, N.Y.: Doubleday, 1977), pp. 521–25.

127

Martin, Adlai Stevenson and the World, p. 449. See also JFK to Adlai Stevenson, January 5, 1960, JFKL; Stevenson to JFK, January n. d., 1960, JFKL.

128

Schlesinger, Journals, pp. 64–66. See also Schlesinger to JFK, June 6, 1960, JFKL.

129

Schlesinger, Journals, pp. 67–69.

130

Ibid., pp. 69–70.

131

White, Making of the President, 1960, pp. 163–64.

132

New York Times, July 14, 1960. See also Baker, The Stevensons, pp. 401–5.

133

Time, July 18, 1960.

134

White, Making of the President, 1960, pp. 131–35.

135

Time, July 11, 1960; White, Making of the President, 1960, p. 155.

136

New York Times, July 14, 15, 1960; White, Making of the President, 1960, pp. 163–67.

137

Milton Gwertzman, «Counterattack Sourcebook,» August 10, 1960, JFKL.

138

Time, July 25, 1960; Donaldson, The First Modern Campaign, pp. 78–81.

139

New York Times, July 16, 1960.

140

John F. Kennedy, «The New Frontier,» July 15, 1960, JFKL.

141

«The Election of John F. Kennedy, President of the United States,» film, n.d., 1961, JFKL.

142

White, The Making of the President, 1960, pp. 309–10; Richard M. Nixon, RN: The Memoirs of Richard Nixon (New York: Grosset and Dunlap, 1978), pp. 218–19.

143

Schlesinger, Journals, p. 85; Richard M. Nixon, Six Crises (New York: Doubleday, 1962), p. 323.

144

Donaldson, The First Modern Campaign, pp. 110–13, 119.

145

Sidney Kraus, ed., The Great Debates (Blooming-ton: Indiana University Press, 1962), pp. 348–50.

146

Ibid., pp. 350–52.

147

White, The Making of the President, 1960, pp. 286–87; Sorensen, Counselor, p. 190.

148

Dallek, An Unfinished Life, pp. 292–94.

149

«Remarks of Senator John F. Kennedy at Howard University,»

Washington, D.C., October 7, 1960, JFKL.

150

Nixon, RN, pp. 216–17.

151

JFK, Armory speech, Hyannis, Mass., November 9, 1960, JFKL.

152

Richard Reeves, President Kennedy: Profi le of Power (New York: Simon and Schuster, 1993), p. 25.

153

Ibid., p. 44.

154

Dallek, An Unfinished Life, p. 300; New York Times, November 10, 1960, January 11, 17, 1961.

155

Sorensen, Counselor, pp. 201–3; Andrew Preston, The War Council: McGeorge Bundy, the NSC, and Vietnam (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2006), pp. 38–45.

156

Schlesinger, Journals, pp. 93–96.

157

Bradlee, Conversations with Kennedy, pp. 142–43.

158

Arthur M. Schlesinger Jr., Robert Kennedy and His Times (Boston: Houghton Mifflin, 1978), p. 230.

159

Ibid.

160

Schlesinger, Robert Kennedy and His Times, p. 232.

161

Dallek, An Unfi nished Life, pp. 316–17; Schlesinger, Robert Kennedy and His Times, pp. 228–29, 232–33; Evan Thomas, Robert Kennedy: His Life (New York: Simon and Schuster, 2000), pp. 109–13.

162

Schlesinger, Journals, pp. 95–96.

163

Ibid.

164

Ibid., pp. 102–3.

165

Reeves, President Kennedy, pp. 31–33.

166

Garry Wills, The Kennedy Imprisonment: A Medi-tation on Power (Boston: Little, Brown, 1982), p. 112.

167

John F. Kennedy, «Inaugural Address,» January 20, 1961, PPP — JFK,1961, pp. 1–3.

168

Washington Post, January 21, 1961.

169

Schlesinger, A Thousand Days, p. 126.

170

Theodore Sorensen, Kennedy (New York: Harper and Row, 1965), pp. 281–85.

171

Reeves, President Kennedy, p. 88.

172

Wills, The Kennedy Imprisonment, p. 191.

173

Memorandum from the President's Special Assistant for National Security Affairs (Bundy) to President Kennedy, May 16, 1961.

174

«White House Organization,» in David S. Patterson, ed., Foreign Relations of the United States, 1961–1963 (Washington, D.C.: U. S. Government Printing Office, 2001), pp. 29–31.

175

Schlesinger, A Thousand Days, pp. 206–7.

176

Schlesinger, A Thousand Days, pp. 355–56.

177

Reeves, President Kennedy, p. 154; Bradlee, Conversations with Kennedy, pp. 118–19.

178

Schlesinger, Journals, p. 122.

179

Press conference transcript, January 18, 1961, President John F. Kennedy's news conference, January 25, 1961, Evelyn Lincoln to Kermit Gordon, October 31, 1963, «What If Peace Breaks Out?» — memo for press conference, October 31, 1963, Press Conferences, 1961–1963, JFKL.

180

«Annual Message to the Congress on the State of the Union, January 30, 1961,» PPP — JFK, 1961, pp. 19–28.

181

Sorensen, Kennedy, pp. 339–43.

182

Reeves, President Kennedy, pp. 55–56; Nick Bryant, The Bystander: John F. Kennedy and the Struggle for Black Equality (New York: Basic Books, 2006), pp. 221–41.

183

Robert Dallek, Nixon and Kissinger: Partners in Power (New York: Harper-Collins, 2007), p. 21.

184

«Special Message to the Congress on the Peace Corps,» March 1, 1961, «Address at a White House Reception for Members of Congress and for the Diplomatic Corps of the Latin American Republic,» March 13, 1961, PPP — JFK, 1961, pp. 143–46, 170–75.

185

Dallek, An Unfinished Life, p. 370; Schlesinger, A Thousand Days, pp.187–205.

186

Reeves, President Kennedy, p. 32.

187

New York Times, October 20, 1960.

188

«Plan for Cuba,» n. d., 1961, JFKL.

189

«Evaluation of Proposed Supplementary Phase,» March 10, 1961, JFKL; «Discussion — TOP SECRET,» n. d., JFKL.

190

Peter Wyden, The Bay of Pigs: The Untold Story (New York: Simon and Schuster, 1962), p. 95.

191

Ibid., p. 94.

192

Arthur M. Schlesinger Jr. to JFK, February 11, 1961, March 10, 1961, JFKL; Adlai Stevenson to JFK, April 27, 1961, JFKL.

193

Schlesinger, Journals, pp. 109–12. См. также Schlesinger, A Thousand Days, pp. 245–49.

194

James W. Hilty, Robert Kennedy: Brother Protector (Philadelphia: Temple University Press, 1997), p. 277.

195

«Details of Proposed Supplementary Phase to the CIA Para-Military Plan, Cuba,» March 10, 1961, JFKL; McGeorge Bundy to JFK, February 8, 1961, JFKL; W. W. Rostow to JFK, February 6, 1961, JFKL; untitled CIA memo, n.d., 1961, NLK–79–185, JFKL.

196

«Discussion — TOP SECRET,» April n. d., 1961, JFKL; «Facts on the Problem — TOP SECRET,» n. d., 1961, JFKL.

197

Dallek, An Unfinished Life, p. 371.

198
Reeves, President Kennedy, pp. 82–83.
199
New York Times, April 14, 1961.
200
Wyden, Bay of Pigs, p. 269.
201
Ibid., p. 294.
202
«Cuban Freedom Brigade,» April 25, 1961, JFKL.
203
Haynes Johnson, The Bay of Pigs (New York: W. W. Norton, 1964), pp. 177–80.
204
Schlesinger, A Thousand Days, p. 289.
205
Wyden, Bay of Pigs, pp. 305, 315. See also Schlesinger, Journals, pp. 120–21.
206
Thomas Fensch, ed., The Kennedy-Khrushchev Letters (Woodlands, Tex.: New Century Books, 2001), pp. 13–16.
207
Ibid., p. 18. See also Frederick Kempe, Berlin 1961: Kennedy, Khrushchev, and the Most Dangerous Place on Earth (New York: G. P. Putnam, 2011), pp. 8–10.
208
Jacqueline Kennedy, Historic Conversations on Life with John Kennedy (New York: Hyperion, 2011), pp. 185–86.
209
Albert Gore Sr., interview, n.d., JFKL.
210
Reeves, President Kennedy, pp. 95, 677. См. также Kenneth P. O'Donnell and David F. Powers, Johnny, We Hardly Knew Ye (Boston: Little, Brown, 1972), pp. 316–17; Hugh Sidey, John F. Kennedy: President (New York: Atheneum, 1964), p. 129.
211
Schlesinger, A Thousand Days, p. 278.
212
Stanley Meisler, The United Nations: The First Fifty Years (New York: Grove Atlantic, 1995), p. 140.
213
Reeves, President Kennedy, p. 140.
214
Ibid., p. 105.

215

«Statement by the President on the Tractors-for-Freedom Movement,» May 24, 1961, PPP — JFK, 1962, p. 201.

216

Schlesinger, Journals, p. 121.

217

Time, May 5, 1961; New York Times, June 3, 1961.

218

Reeves, President Kennedy, p. 99.

219

Ibid., p. 294. См. также «Statement by Attorney General Robert F. Kennedy,» April 24, 1961, JFKL.

220

«Special Message to the Congress on Urgent National Needs,» May 25, 1961, PPP — JFK, 1961, pp. 396–406.

221

Marks Williamson, Spacecraft Technology: The Early Years (London: Institute of Engineering and Technology, 2006), p. 263.

222

«Remarks at a Meeting with the Headquarters Staff of the Peace Corps,» June 14, 1962, PPP — JFK, 1962, p. 485.

223

Алан Шепард совершил суборбитальный космический полет — космический полет летательного аппарата по баллистической траектории со скоростью недостаточной для выхода на орбиту, т. е. меньшей, чем первая космическая скорость.

224

Reeves, President Kennedy, pp. 286–88; Dallek, An Unfinished Life, pp. 651–53.

225

John Foster Dulles, «How Dulles Averted War,» Life, January 16, 1956, p. 78.

226

John Lewis Gaddis, Strategies of Containment: A Critical Appraisal of Postwar American National Security Policy (New York: Oxford University Press, 1982), pp. 127–97.

227

Ibid., pp. 198–236; Wills, The Kennedy Imprison-ment, pp. 249–52; L. W. Nordheim, «Tests of Nuclear Weapons,» Bulletin of the Atomic Scientists, September 1955, pp. 253–55, 272–73; Dorothy Zinberg, «The Public and Nuclear Waste Management,» Bulletin of the Atomic Scientists, January 1979, pp. 34–39.

228

Robert Dallek, John F. Kennedy (New York: Oxford University

Press, 2011), p. 35.

229

Kempe, Berlin 1961, p. 209.

230

New York Times, June 1, 1961.

231

Washington Post, June 2, 1961.

232

Kempe, Berlin 1961, p. 217.

233

Charles Kenney, John F. Kennedy: The Presidential Portfolio (New York: PublicAffairs, 2000), p. 72.

234

Richard Rovere, New Yorker, June 17, 1961, p. 96.

235

Dallek, John F. Kennedy, p. 35.

236

«Memo of Correspondence Between N. S. Khrushchev and Robert F. Kennedy,» May n. d., 1961, JFKL.

237

Michael R. Beschloss, The Crisis Years: Kennedy and Khrushchev, 1960–1963 (New York: HarperCollins, 1991), pp. 164–65; Dallek, John F. Kennedy, p. 35; «Memo of Correspondence Between N. S. Khrushchev and Robert F. Kennedy,» May n. d., 1961, JFKL.

238

William Taubman, Khrushchev: The Man and His Era (New York: W. W. Norton, 2003), pp. 490–91.

239

«Memos of Conversation,» Vienna meeting, June 3, 1961, JFKL.

240

O'Donnell and Powers, Johnny, We Hardly Knew Ye, p. 342.

241

Kempe, Berlin 1961, pp. 234–36.

242

«Memos of Conversation,» June 3, 1961, JFKL; «Joint United States — Soviet Communique,» Gettysburg, Pa., n. d., 1959, JFKL; «Memoranda of Conversation,» Sep-tember 15, 26, 1959, JFKL; Dallek, John F. Kennedy, p. 36.

243

«President's Meeting with Khrushchev, Laos — Talking Points,» June 3–4, 1961, JFKL; «Memoranda of Conversation,» June 3–4, 1961, JFKL.

244

«Memos of Conversation,» June 4, 1961, JFKL.

245

«Berlin: Questions That Might Be Raised,» n. d., 1961, JFKL.

246

«Memos of Conversation,» June 4, 1961, JFKL; Taubman, Khrushchev, p. 500.

247

John F. Stacks, Scotty: James B. Reston and the Rise and Fall of American Journalism (Boston: Little, Brown, 2003), p. 199; New York Times, June 6, 1961. См. также Kempe, Berlin 1961, pp. 256–57.

248

Reeves, President Kennedy, p. 176.

249

Preston, The War Council, p. 56.

250

Reeves, President Kennedy, pp. 179–81.

251

Ibid., p. 180.

252

Saturday Review, August 5, 1961, p. 3.

253

Spencer R. Weart, Nuclear Fear: A History of Images (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1988), pp. 254–55.

254

Schlesinger, A Thousand Days, p. 394.

255

R. Gerald Hughes, Britain, Germany, and the Cold War: The Search for a European Detente, 1949–1967 (Oxford: Routledge, 2007), p. 197. См. также «The President's News Conference of July 19, 1961,» «Radio and Television Report to the American People on the Berlin Crisis, July 25, 1961,» PPP — JFK, 1961, pp. 513–14, 533–34, 538; Time, July 14, 1961.

256

Reeves, President Kennedy, p. 212. See also Frederick Taylor, The Berlin Wall: A World Divided, 1961–1989 (New York: HarperCollins, 2007), p. 146; Schlesinger, A Thousand Days, p. 394.

257

New York Times, October 21, 1961.

258

Reeves, President Kennedy, pp. 246–47.

259

New York Times, October 28, 1961.

260

Kennedy, «Address in Los Angeles at a Dinner of the Democratic Party of California, November 18, 1961,» PPP — JFK, 1961, pp. 733–

36. См. также David Talbot, Brothers: The Hidden Story of the Kennedy Years (New York: Free Press, 2007), p. 75.

261

Jeff Shesol, Mutual Contempt: Lyndon Johnson, Robert Kennedy, and the Feud that Defined a Decade (New York: W. W. Norton, 1997), p. 127.

262

Chester Bowles, Promises to Keep: My Years in Public Life, 1941–1969 (New York: Harper and Row, 1971), p. 343.

263

Thomas, Robert Kennedy, pp. 147, 157.

264

Mark J. White, The Kennedys and Khrushchev: The Declassified Documentary History (New York: Ivan R. Dee, 2001), p. 78.

265

Schlesinger, Robert Kennedy and His Times, p. 492.

266

Reeves, President Kennedy, p. 337.

267

FRUS, Cuba 1961–1962, p. 606. See also Tim Weiner, Legacy of Ashes: The History of the CIA (New York: Doubleday, 2007), p. 210; Reeves, President Kennedy, pp. 335–37.

268

«Vienna Meeting: Memos of Conversation,» June 4, 1961, JFKL; «Vienna Meeting: Background Documents,» n. d., 1961, JFKL; David R. Inglis, «Ban H — Bomb Tests and Favor the Defense,» Bulletin of the Atomic Scientists, November 1954, pp. 353–56.

269

Richard A. Falk, Samuel S. Kim, and Saul H. Mendrovitz, eds., Disarmament and Economic Development (Washington, D.C.: World Law Fund,1966), p. 46.

270

Beschloss, The Crisis Years, pp. 213–14.

271

J. P. Weisner and H. E. York, «National Security and the Nuclear Test Ban,» Scientific American, October 1964; Shane J. Maddock, «Defending the American Way and Containing the Atom: Ideology and U. S. Nuclear Proliferation Since 1945,» in Rosemary B. Mariner and G. Kurt Piehler, eds., The Atomic Bomb and American Society: New Perspectives (Knoxville: University of Tennessee Press, 2009), pp. 121–52.

272

William Rust, Perpetual Crisis: The American Experience in Laos, 1954–1961 (Lexington: University of Kentucky Press, 2012).

273

«The President's News Conference of March 23, 1961,» PPP — JFK, 1961, pp. 213–15.

274

Time, May 5, 1961.

275

Reeves, President Kennedy, pp. 112, 689.

276

Charles de Gaulle, Memoirs of Hope: Renewal and Endeavor (New York: Simon and Schuster, 1971), p. 256.

277

Reeves, President Kennedy, p. 112.

278

Sorensen, Kennedy, pp. 396–99, 591.

279

«Memos of Conversation,» June 4, 1961, Vienna, JFKL; «President's Meeting with Khrushchev, Vienna, June 3–4, 1961, Laos: Talking Points,» Briefing Book, JFKL.

280

Fensch, The Kennedy-Khrushchev Letters, pp. 244–45. См. также Roger Hilsman, To Move a Nation: The Politics of Foreign Policy in the Adminitration of John F. Kennedy (New York: Doubleday, 1967), p. 134; Lawrence Freedman, Kennedy's Wars: Berlin, Cuba, and Laos (New York: Oxford University Press, 2000), p. 475 n; «Memos of Conversation,» June 4, 1961, Vienna, JFKL; «President's Meeting with Khrushchev, Vienna, June 3–4, 1961, Laos: Talking Points,» Briefing Book, JFKL; A. J. Langguth, Our Vietnam: The War, 1954–1975 (New York: Simon and Schuster, 2000), p. 132.

281

Rust, Perpetual Crisis, pp. 18–56, 342–45.

282

Beschloss, The Crisis Years, p. 349.

283

«Telegram from the Department of State to the Embassy in the Soviet Union, December 30, 1961,» in Fensch, The Kennedy-Khrushchev Letters, p. 146. См. также Beschloss, The Crisis Years, p. 352.

284

Time, January 5, 1962.

285

«Annual Message to the Congress on the State of the Union, January 11, 1962,» PPP — JFK, 1962, pp. 5–6.

286

Ibid.

287

Ibid.; Wall Street Journal, February 27, 1961.

288

Schlesinger, Robert Kennedy and His Times, pp. 404–5.

289

New York Times, April 12, 1962; Walter Heller to Lloyd Ulman, «Reuther's Letter to the President,» April 12, 1962, Council of Economic Advisers, JFKL; «The President's News Conference of April 11, 1962,» PPP — JFK, 1962, pp. 315–16.

290

Time, April 20, 1962; Business Week, April 21, 1962.

291

Reeves, President Kennedy, p. 296.

292

Reeves, A Question of Character, p. 332; Jim Bellows, The Last Editor (Kansas City, Mo.: Andrews McMeel, 2002), p. 88.

293

Benjamin A. Javits to JFK, June 11, 1962, JFKL; Roy Harrod to Seymour Harris, May 9, 1962, Council of Economic Advisers, JFKL; Bradlee, Conversations with Kennedy, p. 77; Reeves, President Kennedy, pp. 296–302.

294

«Why the Market Fell,» May 29, 1962, Council of Economic Advisers, JFKL.

295

New York Times, May 29, 1962; «The Present Decline in Perspective,» «Why the Market Fell,» «Possible Government Action,» May 29, 1962, Council of Economic Advisers, JFKL; Walter Heller to JFK, May 31, 1962, Council of Economic Advisers, JFKL.

296

«Annual Message to the Congress on the State of the Union, January 14, 1963,» PPP — JFK, 1963, pp. 11–13.

297

Economist, May 19, 1962; Walter Heller to JFK, December 16, 1962, Council of Economic Advisers, JFKL; Schlesinger, A Thousand Days, pp. 630–31.

298

Dallek, An Unfinished Life, pp. 375–76, 475–80.

299

William Chafe, Private Lives/Public Consequences: Personality and Politics in Modern America (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2005), pp. 122–23.

300

Ibid.

301

Reeves, President Kennedy, pp. 288–89; Athan Theoharis, From the Secret Files of J. Edgar Hoover (New York: I. R. Dee, 1991), pp. 40–41; Seymour M. Hersh, The Dark Side of Camelot (Boston: Little, Brown, 1997), pp. 298–325.

302

O'Brien, John F. Kennedy, p. 763; David Reynolds, Summits: Six Meetings that Shaped the Twentieth Century (New York: Basic Books, 2007), pp. 201–2.

303

Alistair Horne, Harold Macmillan, 1959–1986, vol. 2 (New York: Viking, 1989), p. 512; Reeves, President Kennedy, pp. 242–43.

304

Reeves, President Kennedy, p. 43.

305

Dallek, An Unfinished Life, p. 705.

306

«First Debate, September 26, 1960,» in Kraus, The Great Debates, pp. 349–50.

307

«Inaugural Address, January 20, 1961,» PPP — JFK, 1961, p. 1.

308

«Annual Message to the Congress on the State of the Union,» January 30, 1961, PPP — JFK, 1961, p. 22.

309

Reeves, President Kennedy, p. 169.

310

Franklin H. Williams, «The Shifting Negro Vote,» Frontier, January 1961, pp. 4, 13–14.

311

Hyman H. Bookbinder, «Appointment of Qualified Negro to Business Advisory Council,» April 14, 1961, JFKL; Carl Brauer, John F. Kennedy and the Second Reconstruction (New York: Columbia University Press, 1977), pp. 75–76.

312

Harris Wofford notes, «MLK,» n. d., JFKL. See also Reeves, President Kennedy, pp. 100–101.

313

Frank J. Munger and Richard F. Fenno, National Politics and Federal Aid to Education (Syracuse, N.Y.: Syracuse University Press, 1962) p. 132.

314

Harris Wofford to Kenneth O'Donnell, October 4, October 9, 1961, JFKL; Robert A. Wallace to Harris Wofford, November 22, 1961,

JFKL.

315

Executive Order 10590, January 19, 1955, 20 Federal Record, 409; Executive Order 10925, March 6, 1961, 26 Federal Record 1977.

316

John L. Moore to Heads of Federal Agencies, «Nondiscrimination in Employment,» March 29, 1961, JFKL; JFK to A. Philip Randolph, February 17, 1961, JFKL; Carlisle P. Runge, Assistant Secretary of Defense, to Frederick G. Dutton, April 10, 1961, JFKL; Robert A. Wallace, Assistant Secretary to the Secretary of the Treasury, to Fred Dutton, April 7, 1961, JFKL; L. D. Battle to Frederick G. Dutton, April 11, 1961, JFKL.

317

Helen Fuller, Year of Trial: Kennedy's Crucial Decisions (New York: Harcourt, Brace, 1962), p. 29.

318

«Report of the Attorney General to the President on the Department of Justice's Activities in the Field of Civil Rights,» December 29, 1961, JFKL. See also Franklin D. Reeves to Clarence T. R. Nelson, March 20, 1961, JFKL; «Summary Memorandum of Executive Action on Civil Rights,» n. d., 1961, JFKL; U. S. Commission on Civil Rights press release, September 9, 1961, JFKL.

319

«Summary Memorandum of Executive Action on Civil Rights,» n. d., 1962; «Executive Order: Equal Opportunity in Housing,» November 20, 1962, 27 Federal Record, 11527; JFK to Roy Wilkins, November 27, 1962, JFKL; JFK to Robert Weaver, November 27, 1962, JFKL; JFK to Whitney Young, November 27, 1962, JFKL; Jack Conway, «Draft Reply to Correspondence from Mayor C. Ben Holleman, West Palm Beach, Florida,» JFKL; Brauer, John F. Kennedy and the Second Reconstruction, pp. 131–35.

320

Progressive, vol. 2, no. 49, p. 16.

321

«Summary of Civil Rights Progress, January 20 through October 1961,» n. d., 1961, JFKL; Lee C. White, «Civil Rights Achievements Since January 1962,» December 13, 1962, JFKL; Brauer, John F. Kennedy and the Second Reconstruction, pp. 63, 127.

322

Taylor Branch, Parting the Waters: America in the King Years, 1954–1963 (New York: Simon and Schuster, 1988), pp. 143–205, 271–73; William Chafe, Civilities and Civil Rights: Greensboro, North Carolina, and the Black Struggle for Freedom (New York: Oxford University Press, 1981), pp. 111–18.

323

Time, June 2, 1961; Raymond Arsenault, Freedom Rides 1961 and the Struggle for Racial Justice (New York: Oxford University Press, 2006), pp. 11–54, 90–182.

324

New York Times, May 15, 1961; Time, May 26, 1961.

325

Schlesinger, Robert Kennedy and His Times, p. 288.

326

New York Times, May 24, 30, 1961; Time, June 2, 1961; Arsenault, Freedom Rides 1961, pp. 140–85.

327

Thomas, Robert Kennedy, p. 129.

328

Arsenault, Freedom Rides 1961, p. 194. См. также Bryant, The Bystander, p. 278.

329

«Statement by the President Concerning Interference with the 'Freedom Riders' in Alabama,» May 20, 1961, PPP — JFK, 1961, p. 391.

330

Bryant, The Bystander, pp. 270, 275.

331

«Special Message to the Congress on Urgent National Needs,» May 25, 1961, PPP — JFK, 1961, pp. 396–406.

332

«Statement by the President Upon Signing the Plans for Progress,» Washington, D.C., July 12, 1961, JFKL.

333

«Improvement in Non-White Industrial Emplo-yment — During 'Plans for Progress' Program, May 15, 1961–December 15, 1961, December 15, 1961–June 15, 1962,» JFKL.

334

«Results of 'Plans for Progress' Program — (A) One Year Results and (B) Six Months Results,» JFKL.

335

«Remarks of the President Before Participants in Signing of Plans for Progress in the East Room,» June 22, 1962, JFKL.

336

Robert Troutman Jr. to JFK, June 30, 1962, JFKL; JFK to Robert Troutman Jr., August 22, 1962, JFKL.

337

Brauer, John F. Kennedy and the Second Recon-struction, pp. 147–51, 214–16.

338

Martin Luther King Jr., «Letter from a Birmingham Jail,» in Why We Can't Wait (New York: Signet, 1964), pp. 64–84.

339

«Radio and Television Report to the Nation on the Situation at the University of Mississippi,» September 30, 1962, PPP — JFK, 1962, pp. 726–27.

340

Aaron Henry to JFK, n. d., 1962, JFKL; «Executive Order 11053: Providing Assistance for the Removal of Obstructions of Justice in the State of Mississippi,» September 30, 1962, JFKL; Jack Rosenthal, «Some Possible Ideas for the President's Remarks to the United States Attorneys,» October 9, 1962, JFKL; JFK to C. B. Powell, October 11, 1962, JFKL; Amsterdam News, October 6, 1962; Brauer, John F. Kennedy and the Second Reconstruction, pp. 180–203.

341

Branch, Parting the Waters, pp. 782–85. См. также Dallek, An Unfinished Life, p. 595.

342

King, «Letter from a Birmingham Jail,» pp. 64–84.

343

Bryant, The Bystander, p. 381.

344

Ibid., p. 4. See also Thomas, Robert Kennedy, p. 243.

345

Diane McWhorter, Carry Me Home: Birmingham, Alabama — The Climactic Battle of the Civil Rights Revolution (New York: Simon and Schuster, 2001), p. 463.

346

Bryant, The Bystander, p. 394.

347

McWhorter, Carry Me Home, pp. 463–64; Bryant, The Bystander, p. 394.

348

Washington Post, February 13, 1963; Reeves, President Kennedy, pp. 464–65.

349

Schlesinger, A Thousand Days, p. 959.

350

Ibid., pp. 959–66; Brauer, John F. Kennedy and the Second Reconstruction, p. 240.

351

«Radio and Television Report to the American People on Civil Rights,» June 11, 1963, PPP — JFK, 1963, pp. 468–71.

352

Brauer, John F. Kennedy and the Second Reconstruc-tion, p. 264.

353

Reeves, President Kennedy, p. 520.

354

Schlesinger, Robert Kennedy and His Times, pp. 346–49. См. также Brauer, John F. Kennedy and the Second Reconstruction, p. 247.

355

«Civil Rights — Public Accommodations, Hearings of the Committee on Commerce,» U. S. Senate, S 1732 (July 1, 1963), p. 25.

356

Washington Post, August 29, 30, 1963.

357

New York Times, August 29, 1963; Time, August 30, 1963.

358

William F. Theford to JFK, September 18, 1963, JFKL.

359

Harold Chase and Allen H. Lerman, eds., Kennedy and the Press: The News Conferences (New York: Crowell, 1965), p. 518; Lee C. White to Burke Marshall, September 18, 1963, JFKL; Lee C. White to Charles C. Diggs Jr., September 24, 1963, JFKL; Brauer, John F. Kennedy and the Second Reconstrution, p. 310.

360

John Richard Snyder, John F. Kennedy: Personality, Policy, Presidency (New York: SR Books, 1988), p. 62. См. также Brauer, John F. Kennedy and the Second Reconstruction, p. 310. Похожая аргументация появилась в 2006 у британского журналиста Ника Брайанта (Nick Bryant), автора книги The Bystander, p. 11. Брайант, как и Дирксен, резко критиковал Кеннеди за то, что тот не спешил вмешиваться и тем самым упустил лучшую возможность. «Кеннеди частично виновен в кризисе в межрасовых отношениях», — писал он. — «Имея в начале 1960-х историческую возможность определять путь развития страны, который бы приблизил миллионы чернокожих американцев к свободе, Кеннеди предпочел политику бездействия»

361

Schlesinger, Robert Kennedy and His Times, p. 649. См. также Gus Russo and Stephen Molton, Brothers in Arms: The Kennedys, the Castros, and the Politics of Murder (New York: Bloomsbury, 2008), pp. 157–58, 168–71.

362

Reeves, President Kennedy, p. 341.

363

Ernest R. May and Philip D. Zelikow, eds., The Kennedy Tapes: Inside the White House During the Cuban Missile Crisis (New York: W. W. Norton, 2002), p. 10.

364

Michael H. Hunt, Crises in U. S. Foreign Policy (New Haven: Yale University Press, 1996), p. 255.

365

Robert Dallek, Flawed Giant: Lyndon Johnson and His Times, 1961–1973 (New York: Oxford University Press, 1998), p. 53; Abram Chayes to McGeorge Bundy, «International Law Problems of Blockade,» September 10, 1962, JFKL; «Briefing Paper for President's Press Conference — Subject: NATO Shipping and Cuban Trade,» September 13, 1962, JFKL; May and Zelikow, The Kennedy Tapes, p. 10; «The President's News Conference,» September 13, 1962, PPP — JFK, 1962, pp. 674–75; Elie Abel, The Missile Crisis (New York: J. B. Lippincott, 1966), pp. 6–80.

366

May and Zelikow, The Kennedy Tapes, p. 13.

367

Ibid., pp. 12–15.

368

Graham Allison, Essence of Decision: Explaining the Cuban Missile Crisis (Boston: Little, Brown, 1971), p. 57. См. также Dallek, An Unfinished Life, p. 544; Abel, The Missile Crisis, p. 20; Sorensen, Kennedy, p. 675.

369

Hunt, Crises in U. S. Foreign Policy, pp. 257–58.

370

Заседения ExComm записывались на магнитофон и впоследствии были опубликованы. О записи знал только президент.

371

May and Zelikow, The Kennedy Tapes, p. 36.

372

Ibid., p. 44.

373

Ibid., p. 115; Abel, The Missile Crisis, pp. 48–51.

374

May and Zelikow, The Kennedy Tapes, pp. 123–25.

375

Ibid., p. 122.

376

Ibid., p. 124.

377

Ibid.

378

Allison, Essence of Decision, p. 61; Abel, The Missile Crisis, pp. 84–85.

379

Washington Post, October 21, 1962.

380

«Radio and Television Report to the American People on the Soviet Arms Buildup in Cuba,» October 22, 1962, PPP — JFK, 1962, pp. 806–9.

381

«Proclamation 3504: Interdiction of the Delivery of Offensive Weapons to Cuba,» October 23, 1962, pp. 809–10, JFKL.

382

Reeves, President Kennedy, p. 397.

383

Washington Post, October 23, 24, 1962; New York Times, October 23–28, 1962; Time, November 2, 1962; Aleksandr Fursenko and Timothy Naftali, «One Hell of a Gamble»: Khrushchev, Castro, and Kennedy, 1958–1964 (New York: W. W. Norton, 1997), pp. 237–39; transcript, Gilpatric-JFK phone conversation, October 23, 1962, JFKL.

384

May and Zelikow, The Kennedy Tapes, p. 189.

385

Khrushchev to JFK, October 23, 1962, JFKL.

386

JFK to Khrushchev, October 23, 1962, JFKL.

387

May and Zelikow, The Kennedy Tapes, p. 213.

388

Ibid., pp. 213–14.

389

Ibid., p. 153.

390

Ibid., pp. 218–20, 229; «Overseas Reactions to President Kennedy's Cuban Announcement,» October 23, 1962, JFKL; «News Conference,» Pierre Salinger, October 23, 1962, JFKL.

391

Timothy Naftali, Philip D. Zelikow, and Ernest R. May, eds., The Presidential Recordings: John F. Kennedy, vols 1–3, The Great Crises (Charlottesville, Va.: Miller Center, 2001), vol. 3, p. 213.

392

Abel, The Missile Crisis, p. 126.

393

Khrushchev to JFK, October 24, 1962, JFKL; JFK to Khrushchev, October 25, 1962, JFKL; May and Zelikow, The Kennedy Tapes, pp. 242–43, 257.

394

May and Zelikow, The Kennedy Tapes, p. 292.

395

Ibid., p. 297.

396

Khrushchev to JFK, October 26, 1962, JFKL; Khrushchev to Secretary of State, October 26, 1962, JFKL.

397

Taubman, Khrushchev, p. 531.

398

May and Zelikow, The Kennedy Tapes, p. 230.

399

Ibid., p. 383.

400

Abel, The Missile Crisis, pp. 161–64, 180–81.

401

Betty Goetz Lall, «NATO — Warsaw Détente?» Bulletin of the Atomic Scientists, vol. 20, no. 9 (November 1964), pp. 37–39.

402

Khrushchev to JFK, October 28, 1962, JFKL.

403

May and Zelikow, The Kennedy Tapes, p. 489.

404

«Message in Reply to a Broadcast by Chairman Khrushchev on the Cuban Crisis,» October 28, 1962, PPP — JFK, 1962, pp. 814–15. См. также «Memorandum for the Secretary of State from the Attorney General,» October 30, 1962, JFKL.

405

«The President's News Conference of November 20, 1962,» PPP — JFK, 1962, pp. 830–32; Khrushchev to JFK, November 12, 1962, JFKL; Khrushchev to JFK, December 11, 1962, JFKL.

406

Schlesinger, A Thousand Days, p. 830; Life, November 12, 1965.

407

Jim Heath, Decade of Disillusionment: The Kennedy-Johnson Years (Bloomington: Indiana University Press, 1975), p. 131.

408

Schlesinger, Robert Kennedy and His Times, p. 525.

409

Abel, The Missile Crisis, p. 193.

410

Reeves, President Kennedy, p. 351.

411

Ibid.; Wills, The Kennedy Imprisonment, pp. 262–63; Richard J. Walton, Cold War and Counterrevolution: The Foreign Policy of John F. Kennedy (Baltimore: Penguin Books, 1972), pp. 10, 116, 224; Robert Weisbrot, Maximum Danger: Kennedy, the Missiles, and the Crisis of American Confi (Chicago: Ivan R. Dee, 2001), pp. 199–202.

412

Glen T. Seaborg, Kennedy, Khrushchev, and the Test Ban (Berkeley: University of California Press, 1981), pp. 51–60.

413

«ACDA Special Report No. 15: Consideration of Test Ban During Recess of Geneva Disarmament Conference,» September 11, 1962, JFKL.

414

Bulletin of the Atomic Scientists, March 1963, pp. 32–37.

415

Fensch, The Kennedy-Khrushchev Letters, pp. 476–77.

416

Dallek, An Unfinished Life, p. 619.

417

Sorensen, Counselor, pp. 325–28; Schlesinger, Journals, p. 194.

418

«Commencement Address at American University in Washington,» June 10, 1963, PPP — JFK, 1963, pp. 459–64.

419

G. Calvin MacKenzie and Robert Weisbrot, The Liberal Hour: Washington and the Politics of Change in the 1960 s (New York: Penguin Books, 2008), pp. 278–79.

420

Seaborg, Kennedy, Khrushchev, and the Test Ban, pp. 216–18.

421

Time, August 30, 1963.

422

Ibid.; Reeves, President Kennedy, p. 555.

423

«Statement by the President Following the Senate Vote on the Nuclear Test Ban Treaty,» September 24, 1963, PPP — JFK, 1963, p. 704. См. также «Remarks at the Signing of the Nuclear Test Ban Treaty,» October 7, 1963, PPP — JFK, 1963, p. 765–66.

424

Benjamin S. Loeb, «The Limited Test Ban Treaty,» in Michael Kredon and Dan Caldwell, eds., The Politics of Arms Control of Treaty Ratification(New York: St. Martin’s Press, 1991), p. 169; Seaborg,

Kennedy, Khrushchev, and the Test Ban, pp. 226–31, 235–82.

425

Dallek, An Unfi nished Life, pp. 624–25; Kempe, Berlin 1961, pp. 498–500.

426

Фраза «*Ich bin ein Berliner*» является вполне грамма-тически верной и выражает именно то, что Кеннеди хотел сказать: «Я — один из берлинцев» (а не прямо «Я — берлинец», как было бы без артикля).

427

«Remarks in the Rudolph Wilde Platz, Berlin,» June 26, 1963, PPP — JFK, 1963, pp. 524–25.

428

Reeves, President Kennedy, p. 537.

429

New York Times, June 27, 1963; Sorensen, Counselor, p. 325; Reeves, President Kennedy, p. 537; «Address at the Free University of Berlin,» June 26, 1963, PPP — JFK, 1963, pp. 25–29.

430

Schlesinger, A Thousand Days, p. 888.

431

John F. Kennedy, «Partial Remarks Before the Executives Club of Chicago,» May 28, 1954, JFKL.

432

John F. Kennedy, «America's Stake in Vietnam,» Vital Speeches of the Day, August 1, 1956, pp. 617–19, JFKL.

433

Reeves, President Kennedy, p. 46.

434

FRUS, vol. I, Vietnam 1961, p. 15, note 6.

435

William J. Lederer and Eugene Burdick, The Ugly American (New York: W. W. Norton, 1958). Похожий роман, хотя и менее спорный, о деятельности сотрудника ЦРУ во Вьетнаме — роман Грема Грина «Тихий американец». (Graham Greene, The Quiet American (New York: Viking Press, 1956)).

436

Edward G. Lansdale, «Binh Hung: A Counter-Guerilla Case Study,» February 1, 1961, JFKL.

437

JFK to General Lemnitzer, February 5, 1961, JFKL; Oliver E. Clubb Jr., «The Struggle in South Vietnam,» March 1961, JFKL, pp. 18–20.

438

Theodore H. White to JFK, October 11, 1961, JFKL.

439

Averell Harriman to Arthur M. Schlesinger Jr., October 17, 1961, JFKL.

440

Stuart Symington to JFK, October 21, 1961, JFKL; Robert D. Schulzinger, A Time for War: The United States and Viet Nam, 1941–1975 (New York: Oxford University Press, 1996), pp. 102–6.

441

«The Taylor Report,» November 3, 1961, The Pentagon Papers: The Defense Department History of United States Decision-making on Vietnam (Boston: Beacon Press, 1971), vol. 2, pp. 88, 92–98; «A Threat to the Peace: North Viet-Nam's Effort to Conquer South Viet-Nam,» Department of State, 1961, JFKL, pp. 18–37; Walt Rostow to JFK, November 7, 1961, JFKL. См. также Preston, The War Council, pp. 88–100.

442

Reeves, President Kennedy, p. 257.

443

David Kaiser, American Tragedy: Kennedy, Johnson, and the Origins of the Vietnam War (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2000), pp. 109–10.

444

JFK to Diem, October 23, 1961, JFKL; Diem to JFK, December 12, 14, 1961, JFKL; JFK to Diem, December 15, 1961, JFKL; «InternalWarfare and the Security of the Underdeveloped States,» November 20, 1961, Department of State, JFKL.

445

Hilsman, To Move a Nation, p. 444; Roger Hilsman to JFK, January 13,1962, JFKL.

446

Maxwell Taylor to JFK, «Summary of Military Operations in Vietnam,» n. d., 1962, JFKL.

447

Time, May 11, 1962.

448

Pentagon Papers, vol. 2, pp. 162–63, 165.

449

«Questions Concerning Guerrilla Programs,» July 7, 1962, JFKL.

450

George W. Ball, «Viet-Nam — Free World Challenge in Southeast Asia,» Detroit, April 30, 1962, JFKL; McGeorge Bundy to JFK, May 1, 1962, JFKL.

451

Hilsman, To Move a Nation, p. 428.

452

«The Strategic Hamlet Program, 1961–1963,» Pentagon Papers, vol. 2, pp. 128–59; Schulzinger, A Time for War, p. 115.

453

JFK to Diem, October 24, 1962, JFKL.

454

Washington Post, March 19, 1963; Kaiser, American Tragedy, pp. 194–95.

455

Associated Press, January 10, 1963, JFKL.

456

«Draft telegram to Saigon,» n. d., 1963, JFKL.

457

Pentagon Papers, vol. 2, pp. 202–4; Thomas L. Hughes to the Acting Secretary, «Diem Versus the Buddhists: The Issue Joined,» August 21, 1963, JFKL; Preston, The War Council, pp. 120–23.

458

Schulzinger, A Time for War, p. 120.

459

David Reynolds, One World Indivisible: A Global History Since 1945 (New York: W. W. Norton, 2000), p. 276.

460

Henry Cabot Lodge to McGeorge Bundy, August 27, 1963, JFKL.

461

«Transcript of Broadcast on NBC's 'Huntley-Brinkley' Report,» September 6, 1963, PPP — JFK, 1963, pp. 658–59.

462

«Transcript of Broadcast with Walter Cronkite Inaugurating a CBS Television News Program,» September 2, 1963, PPP — JFK, 1963, pp. 650–51.

463

Henry Cabot Lodge to Dean Rusk, September 9, 1963, JFKL.

464

«Eyes Only for Ambassador,» August 28, 1963, JFKL; Henry Cabot Lodge to Dean Rusk, August 26, 1963.

465

Hilsman memo, September 11, 1963, JFKL; «Visit to Vietnam,» September 6–10, 1963, JFKL; Roger Hils-man to Henry Cabot Lodge, September 5, 1963, JFKL.

466

«Report to the Executive Committee,» October 4, 1963, JFKL.

467

Kaiser, American Tragedy, p. 251.

468

Robert S. McNamara, In Retrospect: The Tragedy and Lessons of Vietnam (New York: Times Books, 1995), pp. 78–79.

469

Pentagon Papers, vol. 2, p. 205; Reeves, President Kennedy, p. 609.

470

CIA Memorandum, «The Coup in South Vietnam,» November 1, 1963, JFKL.

471

Schulzinger, A Time for War, pp. 199–222; Kaiser, American Tragedy, pp. 266–69; Reeves, President Kennedy, p. 648.

472

Reeves, President Kennedy, p. 646.

473

Schlesinger, A Thousand Days, p. 997.

474

Ellen J. Hammer, A Death in November: America in Vietnam, 1963 (New York: Dutton, 1987), p. 297.

475

CIA memorandum, «The Coup in South Vietnam,» November 1, 1963, JFKL; CIA memorandum, «The Situation in Vietnam,» November 2, 1963, JFKL; Hammer, A Death in November, pp. 296–98.

476

New York Times, November 3, 1963.

477

Schlesinger, A Thousand Days, p. 997.

478

Maxwell Taylor, Swords and Plowshares (New York: W. W. Norton, 1972), p. 301. См. также Sorensen, Counselor, pp. 354–55; Dallek, An Unfinished Life, p. 683.

479

Kaiser, An American Tragedy, p. 278; Preston, The War Council, pp. 126–28.

480

«The President's News Conference of November 14, 1963,» PPP — JFK, 1963, p. 848.

481

Gordon M. Goldstein, Lessons in Disaster: McGeorge Bundy and the Path to War in Vietnam (New York: Times Books, 2008), pp. 2–3.

482

Ibid., pp. 82–83.

483

«The President's News Conference of November 14, 1963,» PPP —

JFK, 1963, pp. 846–48.

484

McGeorge Bundy, «The History-Maker,» Proceedings of the Massachusetts Historical Society (1978), p. 84.

485

Schlesinger, Robert Kennedy and His Times, p. 764. See also Kai Bird and William Pfaff, «Would JFK Have Left Vietnam: An Exchange,» New York Review of Books, June 10, 2010; Preston, The War Council, pp. 97–106.

486

Goldstein, Lessons in Disaster, p. 233. См. также Preston, The War Council, pp. 125–28.

487

Reeves, President Kennedy, pp. 622–24. See also «Annual Message to the Congress on the State of the Union,» January 14, 1963, PPP — JFK, 1963, pp. 14–15; Schlesinger, Robert Kennedy and His Times, p. 348.

488

Reeves, President Kennedy, p. 585.

489

Schlesinger, Robert Kennedy and His Times, p. 348; Thomas, Robert Kennedy, p. 249.

490

Schlesinger, A Thousand Days, pp. 1010–11; Reeves, President Kennedy, pp. 622–24.

491

Sorensen, Counselor, pp. 350–51.

492

«The President's News Conference of October 31, 1963,» PPP — JFK, 1963, p. 828.

493

Dallek, An Unfinished Life, p. 692.

494

«Remarks at the Breakfast of the Fort Worth Chamber of Commerce,» November 22, 1963, PPP — JFK, 1963, pp. 889–90.

495

Pierre Salinger and Sander Vanocur, eds., A Tribute to John F. Kennedy (Chicago: Encyclopedia Britannica, 1964), p. 14.

496

New York Times Book Review, November 24, 1963; Victor Lasky, J.F.K.: The Man and the Myth (New Rochelle, N.Y.: Arlington House,1963).

497

Alice Payne Hackett and James Henry Burke, 80 Years of

Bestsellers, 1895–1975 (New York and London: R. R. Bowker, 1977), pp. 189–91.

498

Этот перевод взят из публикации: И. Бродский. Памяти Стивена Спендера. — «Знамя», 1998, № 12. Перевод Дмитрия Чекалова.

499

Schlesinger, A Thousand Days, p. 1030.

500

Time, November 14, 1983; Arthur M. Schlesinger Jr., «The Ultimate Approval Rating,» New York Times Magazine, December 15, 1996, pp. 46–47; Norman Mailer, «Enter Prince Jack,» Esquire, June 1983, pp. 204–8.

501

Christopher Lasch, «The Life of Kennedy's Death,» Harper's, October 1983, pp. 32–36; Godfrey Hodgson, America in Our Time (New York: Doubleday, 1976), p. 5.

502

James Reston, Sketches in the Sand (New York: Alfred A. Knopf, 1969), p. 470.

503

Theodore H. White, In Search of History: A Personal Adventure (New York: Harper and Row, 1978), p. 457.

504

David J. Garrow, «The FBI and Martin Luther King,» Atlantic, July/ August 2002.

505

Wills, The Kennedy Imprisonment, p. 148.

506

Benjamin Bradlee, A Good Life: Newspapering and Other Adventures (New York: Simon and Schuster, 1995), pp. 238–40.

507

Robert G. Athearn, American Heritage Illustrated History of the United States (New York: Choice, 1988), vol. 12, pp. 1429–32.

508

William E. Leuchtenburg, «John F. Kennedy: Twenty Years Later,» American Heritage, December 1983, p. 53.

509

Collier and Horowitz, The Kennedys; Parmet, Jack; Wills, The Kennedy Imprisonment; Henry Fairlie, The Kennedy Promise: The Politics of Expectation (Garden City, N.Y.: Doubleday, 1973); Lewis J. Paper, The Promise and the Performance: The Leadership of John F. Kennedy (New York: Crown, 1975); Reeves, A Question of Character; Hersh, The Dark Side of Camelot; David Halberstam, The Best and the

Brightest (New York: Random House, 1972); Walton, Cold War and Counterrevolution.

510

Irving Shulman, Jackie! The Exploitation of a First Lady (New York: Trident Press, 1970), p. 143.

511

Hersh, The Dark Side of Camelot, pp. ix — xx.

512

Gerald Posner, Case Closed: Lee Harvey Oswald and the Assassination of JFK (New York: Random House, 1993), pp. 471–72.

513

Vincent Bugliosi, Reclaiming History: The Assassination of President John F. Kennedy (New York: W. W. Norton, 2007), p. xxvi.

514

Mark Lane, Rush to Judgment (New York: Holt, Rinehart and Winston, 1966).

515

Richard H. Popkin, «The Second Oswald: The Case for a Conspiracy Theory,» New York Review of Books, July 28, 1966; Life, November 25, 1966.

516

Thomas Brown, JFK: History of an Image (Bloomington: Indiana University Press, 1988), p. 129.

517

Talbot, Brothers, pp. 1–12.

518

Ibid., p. 406.

519

James Fisher, The Theater of Tony Kushner: Living Past Hope (New York: Routledge, 2002), p. 75.

520

Schlesinger, A Thousand Days, pp. 1030–31.